

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Кафедра теоретического, прикладного и восточного языкознания

На правах рукописи

Тюленёва Александра Михайловна

**КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ ЯЗЫК В ПЕРМСКОМ КРАЕ:
ДИНАМИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТАТУСА И ВИТАЛЬНОСТИ
(2015 vs 2023–2024 гг.)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филол. наук,
профессор Е. В. Ерофеева

Пермь 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ВИТАЛЬНОСТЬ	13
1.1. Языковая ситуация и ее составляющие	13
1.1.1. Понятие языковой ситуации	13
1.1.2. Составляющие языковой ситуации	20
1.1.3. Типология языковых ситуаций	27
1.1.4. Развитие языковой ситуации: языковой сдвиг vs языковая устойчивость	35
1.2. Юридический и функциональный статус языка	41
1.3. Витальность языка и ее зависимость от языковой ситуации	45
1.3.1. Понятие витальности языка	45
1.3.2. Факторы, влияющие на витальность языка	48
1.3.3. Языковая лояльность как составляющая витальности	53
1.3.4. Методы изучения витальности языка	56
1.4. Выводы	71
Глава 2. КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ	74
2.1. Краткая характеристика коми-пермяцкого языка	74
2.1.1. История коми-пермяцкого языка	74
2.1.2. Типологические черты коми-пермяцкого языка	76
2.1.3. Диалектное членение коми-пермяцкого языка	78
2.1.4. Коми-пермяцкая письменность. Грамматики коми-пермяцкого языка	84
2.2. Социолингвистическая характеристика коми-пермяцкого языка	88
2.2.1. Качественные и количественные признаки, характеризующие коми-пермяцкий язык в языковой ситуации Пермского края	88
2.2.2. Оценочные признаки, характеризующие коми-пермяцкий язык	101
2.3. Выводы	105
Глава 3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС И ВИТАЛЬНОСТЬ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА В ПЕРМСКОМ КРАЕ	108
3.1. Материал и методы исследования	108
3.1.1. Анкетирование 2015 г.	108
3.1.2. Анкетирование 2023–2024 гг.	110
3.1.3. Общая характеристика полученного материала	112
3.2. Функциональный статус коми-пермяцкого и русского языков: 2015 г.	113
3.2.1. Владение языками	113

3.2.2. Ситуации общения с точки зрения использования языков	115
3.2.3. Коми-пермяцкий как язык образования	118
3.2.4. Использование языков в СМИ и сфере культуры	122
3.2.5. Оценка коми-пермяцкого и русского языков и коми-пермяцкой культуры	125
3.3. Функциональный статус коми-пермяцкого и русского языков: 2023–2024 гг.	131
3.3.1. Владение языками	131
3.3.2. Ситуации общения с точки зрения использования языков	135
3.3.3. Коми-пермяцкий как язык образования	143
3.3.4. Использование языков в СМИ и сфере культуры	148
3.3.5. Оценка коми-пермяцкого и русского языков и коми-пермяцкой культуры	151
3.4. Индекс витальности коми-пермяцкого языка	158
3.4.1. Методика расчета индекса витальности	158
3.4.2. Индекс витальности коми-пермяцкого языка: 2015 г.	162
3.4.3. Индекс витальности коми-пермяцкого языка: 2023–2024 гг.	165
3.4.4. Сопоставление индексов витальности 2015 г. и 2023–2024 гг.	169
3.5. Выводы	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	179
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	181
ПРИЛОЖЕНИЕ	190

ВВЕДЕНИЕ

Процессы, оказывающие влияние на развитие современного общества, могут приводить к изменению сложившихся языковых ситуаций. Чаще всего в современных условиях языки миноритарных этнолингвистических групп подвергаются воздействию разнонаправленных социальных и языковых процессов, которые приводят к их структурным и функциональным изменениям. Следствиями подобных изменений могут выступать депопуляризация родного языка среди представителей миноритарной группы, сокращение численности населения, использующего данный язык для коммуникации и, как одно из следствий, языковой сдвиг.

Языковой сдвиг (или смена языка) – это «отказ от использования данного языка (при сохранении этнической идентичности) и переход этноса на другой язык, обусловленный различными экстралингвистическими факторами» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 195]. В ситуации языкового сдвига язык этнолингвистической группы теряет свою престижность, востребованность, однако не исключается из языковой ситуации. «Процесс языкового сдвига начинается тогда, когда к новому языку прибегают в тех сферах, где ранее использовался только этнический язык» [там же: 276–277]. В результате родной язык продолжает использоваться носителями в ограниченном количестве сфер, что может свидетельствовать о снижении уровня его жизнеспособности (вitalности).

Изучение витальности языка и факторов, оказывающих влияние на ее изменение, а также оценка языковой витальности на примере языков титульных или миноритарных групп Российской Федерации и Западной Европы нашли отражение в работах [Архипова, 2017; Бashiева, Шогенова, 2018; Боргоякова, 2019; Боргоякова, Гусейнова, 2019; Гунжитова, 2020; Кондрашкина, 2010; Полякова, 2022; Сулейменова, 2015; Хилханова, 2019 и мн. др.].

Понятие витальности языка неоднозначно. В литературе используется два близких понятия – языковая витальность и этнолингвистическая витальность.

Понятие этнолингвистической витальности языка было введено Г. Джайлсом, Р. Бурхисом и Д. Тейлором, которые определяли ее как силу, заставляющую представителей этнолингвистической группы вести себя как отдельная, самостоятельная единица в ситуациях межгруппового общения [Giles, Bourhis, Taylor, 1977: 345–348]. Понятие этнолингвистической витальности акцентирует внимание не на языке, а на этнической составляющей групповой идентичности.

Языковая витальность определяется как «способность языка к дальнейшему развитию, изменению или сохранению структурных и, главным образом, функциональных качеств» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 257]. Данное определение акцентирует внимание на структурных характеристиках языка, однако В. Дресслер и Л. Кэмпбелл подчеркивают, что при детерминировании структурных факторов, например, в случае синтаксической редукции, происходящее в языке изменения не будут свидетельствовать о понижении уровня его витальности [Campbell, Muntzel, 1994; Dressler, 1988: 184–188], следовательно, при определении языковой витальности необходимо учитывать влияние функциональных характеристик языка. В качестве основных функциональных характеристик языка при определении его витальности необходимо рассматривать межпоколенческую передачу языка и сферы, в которых продолжает употребляться язык [Казакевич и др., 2022: 7–47].

Таким образом, в научном сообществе до сих пор отсутствует единый подход к определению понятия витальности, что, в свою очередь, оставляет открытым вопрос об основаниях для оценки уровня витальности языка. Для оценки уровня витальности языка могут использоваться шкалы, которые учитывают демографические и социолингвистические характеристики языка. Каждому набору демографических и социолингвистических характеристик языка соответствует конкретный уровень витальности языка. В настоящее время основными шкалами для оценки витальности языка являются шкалы ЮНЕСКО [UNESCO: electr. source], М. Краусса [Krauss, 2007: 1], EGIDS [Lewis,

Simons, 2010: 110], ELCat [Endangered Languages Project: electr. source] и др. Помимо шкал, для оценки витальности языка используются качественно-количественные методы, позволяющие произвести квантитативную оценку жизнеспособности языка – индексы витальности (см., например: [Extra, Yağmur, 2008; Landweer, 2006; Landweer, 2016; Эхала, Забродская, 2011]).

В Российской Федерации проживают носители разных языков и представители разных этносов. Это обстоятельство обуславливает административно-территориальное устройство государства: Российская Федерация является смешанной федерацией, часть ее субъектов образована с учетом этнолингвистического фактора (республики), другие субъекты (например, края и области), образованы с учетом как территориального, так и этнолингвистического факторов [Конституция Российской Федерации: электр. ресурс]. В этнических республиках, наряду с русским языком, имеющим статус государственного, используется язык титульной группы [Конституция Российской Федерации: электр. ресурс]. Тем не менее языки титульных для республик этнолингвистических групп в некоторых случаях становятся менее востребованными в связи с доминирующим положением русского языка. Подобная тенденция характерна и для субъектов другого типа – округов в составе субъектов РФ, на территории которых проживают представители миноритарных этнолингвистических групп. Небольшая численность (доля) представителей миноритарной этнолингвистической группы на территории края или области, доминирование русского языка, отсутствие у правительства институциональных инструментов для защиты языка данной группы может угрожать витальности языка этой группы. Таковой является и языковая ситуация в Пермском крае.

Пермский край представляет собой политичный регион. На его территории проживают как представители доминирующей этнической группы (русские), так и представители других этноязыковых групп, например, татары, башкиры, коми-пермяки и др. Объединение в 2005 г. Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа привело к созданию нового субъекта РФ – Пермского края, на территории которого находится Коми-Пермяцкий

округ, где проживают представители этнолингвистического меньшинства – носители коми-пермяцкого языка. В период с 2010 г. по 2020 г., согласно данным Всероссийской переписи населения, количество носителей коми-пермяцкого языка уменьшилось в два раза [Всероссийская перепись населения, 2010: электр. ресурс; Всероссийская перепись населения, 2020: электр. ресурс], что свидетельствует в том числе и о снижении витальности коми-пермяцкого языка. В связи с данными обстоятельствами **актуальным** является изучение языковой ситуации Пермского края с точки зрения функционирования в ней коми-пермяцкого языка и измерение уровня витальности коми-пермяцкого языка.

Гипотеза исследования заключается в том, что падение уровня витальности коми-пермяцкого языка обусловлено комплексом факторов, наиболее важными из которых являются ограниченное использование коми-пермяцкого языка в публично-правовом пространстве, сокращение численности его носителей, сокращение количества ситуаций его использования при общении с близкими родственниками, низкий уровень языковой лояльности коми-пермяков, а также формальное отношение старшего поколения к передаче языка подрастающему поколению.

Объект исследования – компоненты языковой ситуации Пермского края, связанные с функционированием коми-пермяцкого языка.

Предмет исследования – функциональный статус и уровень витальности коми-пермяцкого языка в Пермском крае.

Цель работы – на основе анализа функционального статуса коми-пермяцкого языка в Пермском крае определить уровень его витальности и проследить динамику изменений функционального статуса и витальности коми-пермяцкого языка в течение последних десяти лет.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) на основе материалов проведенного среди коми-пермяков в 2015 г. анкетирования проанализировать функциональный статус коми-пермяцкого языка десять лет назад;

- 2) разработать анкету для изучения функционального статуса коми-пермяцкого языка в настоящее время;
- 3) провести анкетирование коми-пермяков и проанализировать на основании данных анкетирования языковую ситуацию Коми-Пермяцкого округа с точки зрения функционального статуса коми-пермяцкого языка в настоящее время;
- 4) сопоставить функционирование коми-пермяцкого языка на территории Пермского края в 2015 г. и в 2023–2024 гг.;
- 5) разработать методику расчета индекса витальности языка, отражающую состояние всех важных компонентов языковой ситуации, и провести расчет индекса витальности коми-пермяцкого языка на территории Пермского края в 2015 г. и 2023–2024 гг.;
- 6) проследить изменение индекса витальности коми-пермяцкого языка, произошедшее за последние десять лет.

Материалом исследования стали реакции информантов, которые были получены в ходе анкетирования, посвященного вопросам функционирования и использования коми-пермяцкого языка в Пермском крае. В рамках исследования были использованы результаты анкетирования, собранные студенткой филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета А.Р. Мансуровой в 2015 г. Ею было опрошено 28 информантов-коми-пермяков. Объем полученных в 2015 г. реакций – 840. Помимо этого, была разработана новая анкета для оценки функционирования коми-пермяцкого языка в 2023–2024 гг., которая позволила получить более точные данные о функциональном статусе коми-пермяцкого языка в настоящее время. Исследование проводилось нами с августа 2023 г. по апрель 2024 г. Объем выборки информантов составил 87 человек, которые идентифицировали себя как коми-пермяки. В 2023–24 гг. объем полученных и проанализированных реакций составил 5 046. Таким образом, общий объем проанализированного материала – 5 886 реакций.

В работе использовались следующие **методы**: метод сбора материала – анкетирование; методы анализа материала – описание, классификация, количественные методы для описания функционального статуса коми-пермяцкого языка и расчета значений индекса его витальности.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в развитие понятия языковая ситуация и уточняет взаимосвязь понятий языковая ситуация и языковая витальность. Для оценки уровня витальности коми-пермяцкого языка был разработан индекс витальности, включающий данные обо всех значимых объективных и субъективных составляющих языковой ситуации; кроме того, в индекс витальности языка включен коэффициент сокращения численности носителей, показывающий изменение мощности языка. Предложенный индекс витальности позволил провести количественную оценку витальности коми-пермяцкого языка в языковой ситуации Пермского края и проследить ее динамику за десять лет. В целом результаты исследования вносят вклад в развитие социолингвистики, этнолингвистики, теории языковой политики и языкового планирования.

Научная новизна исследования состоит в том, что 1) изучено функциональное состояние коми-пермяцкого языка в динамике; 2) проанализированы субъективные оценки коми-пермяцкого языка его носителями; 3) предложена методика расчета индекса витальности языка, учитывающая объективные и субъективные факторы языковой ситуации и сокращение численности носителей языка; 4) рассчитан индекс витальности коми-пермяцкого языка в разные временные промежутки (2015 г. и 2023–2024 гг.) и определены тенденции ее изменения.

Положения, выносимые на защиту

1. Коми-пермяцкий язык в настоящее время функционирует в Пермском крае в семейно-бытовой, образовательной, культурной сферах, а также в публично-правовом пространстве (при обращении в официальные учреждения и в органы государственной власти, а также при коммуникации в общественных местах – магазинах, транспорте, банках и т. п.), при этом наиболее объемной

сферой коммуникации является семейно-бытовая, а все общественные сферы коммуникации в значительной мере ограничены.

2. Несмотря на наличие у коми-пермяцкого языка статуса официального на территории Коми-Пермяцкого округа, его функциональный статус в публично-правовом пространстве ограничен. Это находит отражение в низких оценках престижности, ценности и популярности коми-пермяцкого языка его носителями. На выбор коми-пермяцкого языка в качестве языка общения в коммуникативных ситуациях, связанных с публично-правовым пространством, оказывают влияние прежде всего такие факторы, как оценка его престижности и знание языка собеседником(ами).

3. Индекс витальности языка должен учитывать основные параметры языковой ситуации, как объективные (качественные и количественные), так и субъективные (оценка языка). Он формируется из следующих компонентов: индекса языкового разнообразия, индекса языкового выбора, индекса языкового доминирования, индекса языковой преемственности, индекса языкового предпочтения и индекса языковой лояльности. Кроме того, в индексе должен учитываться коэффициент сокращения численности населения, позволяющий учесть динамику изменения мощности языка.

4. Использование коми-пермяцкого языка преимущественно в бытовой сфере, ограниченное использование его в публично-правовом пространстве, а также быстрое сокращение числа носителей приводят к тому, что в настоящее время индекс витальности коми-пермяцкого языка находится на низком уровне. При этом наблюдается уменьшение индекса витальности на 12,3 пункта за последние 10 лет, что позволяет оценить уровень витальности языка как постоянно снижающийся. Сохранение сложившейся языковой ситуации может спровоцировать дальнейшее резкое снижение уровня витальности коми-пермяцкого языка и, как следствие, привести к ситуации языкового сдвига.

Достоверность полученных результатов обеспечивается теоретической базой работы, объемом рассмотренного материала, комплексом применяемых методов, адекватных предмету анализа, а также верифицируемостью полученных результатов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что на основании полученных результатов могут быть разработаны рекомендации для правительства Пермского края, которые позволят скорректировать программу языковой политики региона в соответствии с интересами носителей коми-пермяцкого языка. Предложенный метод расчета индекса витальности языка может применяться для оценки витальности различных языков. Кроме того, полученные результаты могут быть использованы при чтении курсов по социолингвистике, социологии языка, теории языковых контактов и языковой политике.

Многоаспектность проблемы, затронутой в исследовании, определила структуру диссертации. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка источников (22 наименований), Списка литературы (153 наименования) и Приложения. Объем основного текста работы – 189 страниц; работа включает 18 таблиц и 50 рисунков.

Работа прошла **апробацию** на пяти Международных конференциях: LIII Международной научной филологической конференции им. Л.А. Вербицкой (Санкт-Петербург, 2025), XXVIII Открытой конференции студентов-филологов Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, 2025), 78 Герценовских чтениях (Санкт-Петербург, 2025), Международной конференции по когнитивной лингвистике «Когнитивные исследования в цифровую эпоху» (Тюмень, 2025), XVI Конгрессе антропологов и этнологов России (Пермь, 2025); одной Всероссийской конференции – Всероссийской очно-заочной научной конференции студентов и аспирантов высших учебных заведений «Слово и текст в культурном и политическом пространстве» (Сыктывкар, 2025); на научном семинаре Школы молодого этнополитолога при поддержке Фонда Президентских грантов (Уфа, 2023).

Соответствие паспорту научной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика в следующих пунктах: 2. Направления современного языкознания и используемые в них методы описания языков. Терминологический аппарат лингвистики. Лингвистические модели. Метаязык современной лингвистики; 7. Социальная вариативность языка. Исследование языковых ситуаций и языковых явлений методами социолингвистики; 14. Языковые контакты.

Основные положения диссертации отражены в 8 публикациях, 4 из которых опубликованы в рецензируемых журналах из перечня, рекомендованного ВАК РФ по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Глава 1. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ВИТАЛЬНОСТЬ

1.1. Языковая ситуация и ее составляющие

1.1.1. Понятие языковой ситуации

Одним из ключевых концептов современной социолингвистики является понятие языковой ситуации, которое до сих пор не имеет единого определения ввиду расхождения мнения исследователей о природе и ее составляющих.

Изучение языковой ситуации началось в 20–30-е гг. XX в., и первоначально данный термин употреблялся применительно к описанию совокупности языков и их функционального распределения в отдельных регионах или странах. В рамках такого подхода языковая ситуация (далее – ЯС) определялась как «совокупность языков, обслуживающих общение в стране или на какой-либо территории, функциональное распределение языков» [Вахтин, Головко, 2004: 336]. Представленное определение подчеркивает функциональную сторону включенных в ЯС языков, выступающих в качестве инструмента коммуникации между их носителями.

В настоящее время ЯС рассматривается как более сложная структура и немаловажным при определении ЯС является выявление и объяснение фактов, которые выступают в качестве основания для ее формирования. К фактам, оказывающим влияние на формирование ЯС, можно отнести этническую и социальную структуру общества, географические детерминанты, культуру, религию, историческое прошлое, экономические черты и т. п.

Географический фактор

Поскольку ЯС рассматривается как конфигурация языков (и их вариантов) на одной территории, географический фактор является одним из важнейших при ее формировании [см.: Бородина, 1977; Десницкая, 1977; Жирмунский, 1976; Макаев, 1994; Серебренников, 1977; Эдельман, 1968]. География места проживания оказывает непосредственное влияние на язык и его структуру. Например, языковые контакты населения в рамках географически

близко расположенных территорий могут приводить к появлению новых слов или выражений в языке контрагентов. Влияние географии на язык разнообразно и может сказываться на формировании территориальных диалектов и разновидностей языка, использующихся в пределах конкретной географической области.

Структура социума

Соотношение языка и структуры социума – ключевая проблема социолингвистики, в частности, и лингвистики в общем (см., например: [Бодуэн, 1963; Лабов, 1975а, 1975б; Ларин, 2003; Поливанов, 1968; Швейцер, 1976 и др.]).

Весьма убедительной и разделяемой большинством лингвистов является точка зрения, согласно которой природа и характер отношений между структурой общества и социальной структурой языка весьма сложны и непрямoliniейны: несмотря на кажущееся прямое воздействие социума на язык, социальное достаточно сложно трансформировано в языке и речевом поведении индивидов [Лабов, 1975а: 166–168]. При этом речевое поведение человека определяется не только его языковой компетенцией, но и знанием социально обусловленных коннотаций, смыслов, сопутствующих основному значению слова (см., например: [Бенвенист, 1974; Ельмслев, 1960; Крысин, 2021: 58]).

В качестве основных социальных факторов, оказывающих влияние на язык, можно назвать этническую принадлежность, социальные сети (социальное взаимодействие индивидов), пол, социальный класс и др. [Labov, 2010: 2–4]. Комбинации данных факторов отражают языковое взаимодействие между членами социальных групп, включая признание данных эффектов членами и нечленами групп. Взаимодействие социальных факторов приводит к созданию членами социальной группы устойчивых паттернов языкового поведения, находящих свое отражение в языке, например, появление социолектов.

Культура

Понимание языка как общественного явления позволяет отнести его к сфере культуры и рассматривать в качестве одного из ее компонентов, обслуживающих область духовной и материальной культуры [Крысин, 2021: 65–67].

Проследить их взаимосвязь или взаимовлияние можно и через словарный запас языка, и через грамматику, поскольку они фиксируют особенности культуры определенной эпохи и воплощают языковую картину мира народа.

Изменение культурных паттернов оказывает воздействие на выбор носителями идиомов, которые будут использоваться или, наоборот, перестанут использоваться ввиду престижности или, наоборот, непрестижности этих идиомов.

Исторический фактор

К числу факторов, оказывающих влияние на характер взаимоотношений языков в пределах одной территории, можно отнести исторические и политические изменения, которые могут выражаться через вынужденную миграцию (например, насильственное переселение людей), принимаемые правительством государства решения о запрете на использование языка или внедрению новых норм [Labov, 2010: 2–4].

Исторические процессы (прошлого и настоящего) оказывают влияние на формирование языка в процессе его развития. В качестве примера исторических изменений в языке можно привести ситуацию миграции. Группы говорящих на одном языке могут разделиться со временем в результате вынужденной миграции в отдаленные районы. Отсутствие контактов, география проживания создадут множество источников вариаций в лексическом запасе, грамматике, что неизбежно приведет к расколу или оформлению новых языков [см.: Auer, Hinskens, 1996; Trudgill, 1986 и др.].

Обозначенные факторы можно рассматривать в качестве причин, определяющих характер изменений в языке, и, как следствие, – изменения ЯС. Необходимо отметить, что учет внешних и внутренних факторов, которые оказывают непосредственное воздействие на язык, позволяют всесторонне и наиболее полно раскрыть понятие ЯС.

Многообразие и разновекторность происходящих в социуме процессов актуализировали включение понятия ЯС в качестве объекта внимания социолингвистов в 70-е гг. XX века. В это время исследователи при изучении ЯС

в государстве и конкретной политико-административной территории рассматривали не только отдельные языки, но и социально-коммуникативные подсистемы языка.

Обоснование сущности и содержания понятия ЯС нашли свое отражение в работах А. Мартине, У. Стюарта, Ч. Фергюсона, Л.Б. Никольского, А.Д. Швейцера, В.А. Аврорина, Г.В. Степанова, Н.Б. Вахтина, Е.В. Головко, Л.П. Крысина, В.И. Беликова, В.А. Виноградова и мн. др.

Ч. Фергюсон, развивая понятие ЯС, предлагает понимать ее как «общую конфигурацию использования языка в данное время и в данном месте» и включает в нее такие компоненты, как количество людей, говорящих на этих языках, количество и тип языков, которые используются в ареале, оценочный фактор, к которому относятся установки и мнения членов общества, говорящих на нем [Ferguson, 1971: 25]. Ч. Фергюсон подчеркивает значимость количественных и качественных факторов, а также обращает внимание на необходимость учитывать субъективные детерминанты ЯС.

В работах российских исследователей с середины 70-х гг. в структуре ЯС учитываются не только отдельные языки, но и подсистемы языка. Так, в определении В.А. Аврорина ЯС рассматривается как конкретный тип взаимодействия языков и **разных форм их существования** (выделено мной. – *A.T.*) в общественной жизни народа на данном этапе его исторического развития [Аврорин, 1975: 120–121].

Подчеркивается также и системный характер взаимоотношения языковых систем в рамках ЯС, их функциональное распределение. Например, А.Д. Швейцер определяет ЯС как «модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, со-существующих и взаимодействующих в пределах данного политico-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период времени» [Швейцер, 1976: 153]. В этом определении А.Д. Швейцер подчеркивает

собственно лингвистический аспект, указывающий на взаимодействие социально-коммуникативных систем и подсистем, которые при прочих равных условиях находятся в иерархических отношениях.

Аналогичные взгляды на ЯС высказывает и Л.Б. Никольский, который определяет языковую ситуацию как «совокупность языков, подъязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности» [Никольский, 1976: 79], а также «взаимоотношение используемых на данной территории (обычно в пределах государства) функционально стратифицированных языковых образований» [там же: 115].

Помимо обозначенных аспектов ЯС (системный характер и функциональное распределение компонентов), важно учитывать фактор времени. Языки, социально-коммуникативные системы и подсистемы и их взаимодействие составляют и формируют ЯС в определенный промежуток времени. Так, В.И. Беликов и Л.П. Крысин под языковой ситуацией предлагают понимать «функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы **на том или ином этапе существования** (выделено мной. – A.T.) данного языкового сообщества» [Беликов, Крысин, 2001: 15]. Аналогичных взглядов придерживаются Н.Б. Вахтин и Е.В. Головко. Они определяют ЯС как «совокупность **форм существования** (выделено мной. – A.T.) одного языка или совокупность нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий: регионов или административно-политических образований» [Вахтин, Головко, 2004: 47].

Таким образом, указанные исследователи берут за основу определения ЯС функциональное распределение языков и подъязыков (включая стили), которые составляют языковую ситуацию в моно- и многоязычных обществах.

Многообразие определений языковой ситуации может свидетельствовать о вариативности данного понятия, что наряду с отсутствием канонического определения может приводить к замене одного понятия другим. Необ-

ходимо отметить, что долгое время понятие «языковая ситуация» функционировало параллельно с понятием «языковое состояние». Под языковым состоянием Г.В. Степанов понимает «совокупность всех видов его (языка – *A.T.*) вариативности, как функционально нагруженных, так и не имеющих ясно выраженной функциональной нагрузки». Языковая ситуация – это «отношение языка (или его части), характеризующегося данным состоянием, к другим языкам или к другой части того же языка, проявляющееся в различного рода пространственных и социальных взаимодействиях» [Степанов, 1983: 31]. Г.В. Степанов при разграничении понятий «языковое состояние» и «языковая ситуация» делает акцент на статичности и изменчивости. Первое определение фиксирует набор статичных составляющих языка, в то время как языковая ситуация рассматривается с точки зрения динамики языка, т. е. его развития во времени и в пространстве. В настоящее время такое разграничение понятий обычно не проводится, и ЯС рассматривается как в статике, так и в динамике.

Другим понятием, которое тесно связано с разворачивающейся языковой ситуацией в пределах конкретной территории, является понятие языковой политики, которое используется в социолингвистике и понимается как разновидность политики¹, в результате которой акторы (субъекты политики) оказывают воздействие на функциональную сторону языка [Швейцер, Никольский, 1978]. А.Д. Швейцер и Л.Б. Никольский определяют языковую политику как «систему мер, принимаемых государством, партией, классом для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения употребляемых лингвистических норм» [там же: 117]. В своем определении исследователи подчеркивают, что языковая политика выступает в качестве инструмента как

¹ В теории языковой политики до сих пор до конца не решена проблема дефиниции ключевого понятия. Наряду с термином «языковая политика» используются такие термины, как «языковое планирование» и «языковое строительство». Данные понятия являются более узкими по значению, нежели понятие языковая политика. Так, в частности, под языковым строительством понимается «практическое осуществление политики в отношении языка» [Швейцер, Никольский, 1978: 116], обычно направленное на развитие и поддержку языка. Языковое планирование – любое воздействие на язык, осуществляющее со стороны определенных организаций или частных лиц и имеющее официальный или неофициальный характер [Хауген, 1975: 441].

государственных, так и негосударственных акторов, которые преследуют цель оказания воздействия на язык, его корпус, с целью стимулирования, сохранения существующих или введения, закрепления новых лингвистических норм.

А.А. Каневский отмечает, что понятие языковой политики дихотомично. В частности, языковая политика может определяться как «особое отношение языка и политики, в котором язык выступает в качестве орудия и объекта политики» [Каневский, 2015: 47]. В этом определении язык выступает в качестве средства борьбы за власть. Другое определение языковой политики – «разновидность политики, которая проводится государством в отношении самого языка» [там же: 48]. А.А. Каневский настаивает на том, что языковую политику необходимо рассматривать как вид государственной политики, которая определяет нормативно-правовую систему мер, применяемых государством для стимулирования, развития языковых процессов, и устанавливает формы политico-правового контроля над положением языков в государстве.

Несмотря на то что в представленных определениях акцент сделан на политico-институциональном компоненте (виде государственной политики), ключевым актором, реализующим языковую политику, выступает государство. В связи с этим языковую политику необходимо рассматривать как социальный фактор, оказывающий влияние на развитие и функционирование языков в государстве. Языковая политика может обусловливать функциональное распределение языков или языковых подсистем, стимулируя развитие одних языков или препятствуя использование других в рамках одной территории. При включении или исключении языков, языковая политика оказывает непосредственное воздействие на развитие языковой ситуации и ее компонентов, поскольку она имеет дело с выбором языка, формы его существования, языковых единиц.

Описание и типология языковых ситуаций позволяют раскрыть основания реализуемой языковой политики, оценить предпринимаемые меры государственными или негосударственными акторами в отношении языка, спрогнозировать будущие изменения в языковом ландшафте социума.

Трансформации современной общественной жизни приводят к изменениям социально-демографических характеристик населения, установок индивидов в отношении осознания и оценки используемого языка. Эти изменения могут способствовать развитию или исключению из употребления языка, расширению социальных функций, выполняемых языком, усовершенствованию и нормированию языка, регулированию процессов взаимодействия языков и заимствований.

1.1.2. Составляющие языковой ситуации

В определениях ЯС, данных В.А. Аврориным, А.Д. Швейцером, Л.Б. Никольским и другими социолингвистами, находит отражение перечисление основополагающих признаков языковой ситуации, которые подчеркивают объективные характеристики явления (качественные и количественные компоненты ЯС). Представленные характеристики (лингвистические и экстралингвистические) преимущественно описывают объективные стороны функционирования языка, в то время как всестороннее изучение феномена предполагает рассмотрение и его субъективных оценок, т. е. отношения к языку, как указывал Ч. Фергюсон [Ferguson, 1971: 157].

В настоящее время обобщение всех исследований ЯС привело социолингвистов к мнению, что в число составляющих ЯС необходимо включать как объективные, так и субъективные компоненты. Основные компоненты ЯС и их классификация представлены на рисунке 1.

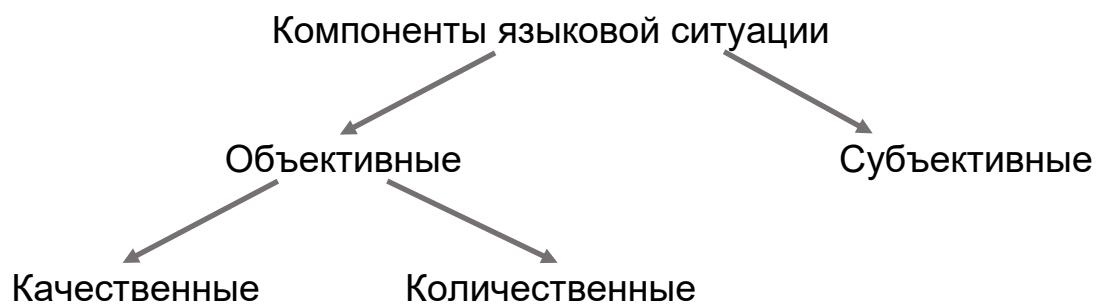

Рисунок 1. Компоненты языковой ситуации

Объективные компоненты – это компоненты ЯС, сложившиеся на определенной территории и в определенное время и не зависящие напрямую от носителей языка. Объективные компоненты ЯС можно рассматривать как взаимодействие количественных и качественных компонентов ЯС.

Качественные компоненты – это компоненты ЯС, которые отражают внутренние характеристики языка и социально-коммуникативных систем, используемых носителями языка [Аворин, 1975; Вахтин, Головко, 2004: 47; Виноградов, 1990; Беликов, Крысин, 2001: 15; Никольский, 1976; Ferguson, 1971: 25; Швейцер, 1976: 153]. В. А. Виноградов, учитывая существование языковой ситуации в пределах территориальных образований, отмечал, что «за языковой ситуацией стоит не только состояние конкретного языка или языков, но и коллектив людей, которые живут на конкретной территории и в определенных ситуациях говорят на конкретном языке» [Виноградов, Коваль, Порхомовский, 1984: 8]. Поэтому качественные компоненты включают в себя не только состав языков и подъязыков, но и носителей языков, а также юридический статус языков, степень генетической близости языков, функционирующих на территории, наличие или отсутствие письменной традиции.

Количественные компоненты – это компоненты ЯС, которые фиксируют в числовом выражении количество носителей языка и разнообразие используемых ими идиомов [Беликов, Крысин, 2001; Вахтин, Головко, 2004: 47; Виноградов, 1990; Никольский, 1976; Швейцер, 1976: 153; Ferguson, 1971]. К количественным компонентам языковой ситуации можно отнести количество языков/подъязыков – компонентов социально-коммуникативной системы и подсистем, функционирующих в пределах одной территории или конкретной административно-территориальной единицы, долю населения, говорящего на языке, число коммуникативных функций, выполняемых языком и т. п.

Таким образом, все исследователи отмечают, что ЯС – это совокупность языков или их разных форм, компоненты социально-коммуникативной системы или подсистем. Данная характеристика указывает на количественный

аспект числа идиомов, функционирующих в пределах одной территории. Другой немаловажной особенностью, которая фигурирует в определениях понятия ЯС, выступает качественный аспект: различия между языками, которые обслуживают общество и его носителей. Количественные и качественные компоненты ЯС рассматриваются во взаимодействии, поскольку важны одновременно и участвующие в ЯС языковые подсистемы, социальные группы их носителей и их количественное соотношение.

Субъективные компоненты – это компоненты ЯС, которые зависят от воли и сознательной деятельности носителей языка [Виноградов, Коваль, Порхомовский, 1984; Никольский, 1976; Швейцер, 1976; Ferguson, 1971]. Субъективные компоненты ЯС позволяют выявить отношение и установки носителей и неносителей к языку и спрогнозировать варианты развития ЯС.

В социальной психологии ключевым понятием является «социальная установка» (*attitude*). Термин «социальная установка» был введен в 1918 г. У. Томасом и Ф. Знанецким и определялся как «предрасположенность субъекта к совершению социального поведения» [Американская социологическая мысль, 1994: 182–194]. Д. Узнадзе при определении термина «установка» исходит из того, что данное понятие подразумевает готовность субъекта к восприятию будущих событий и действиям в определенном направлении [Узнадзе, 1966: 74–77].

Возникновение установки у индивида обусловлено наличием потребности и необходимостью ее удовлетворения, а также взаимодействием субъекта со средой. Установка – это целостное состояние субъекта, не являющееся сознательным, которое формируется как реакция на воздействие ситуации, т. е. является социально обусловленной [там же]. Это находит подтверждение в исследовании взаимосвязи установок и языка, проведенном К. Бейкером. Он характеризует установки как гипотетические конструкции, используемые для объяснения направления и устойчивости человеческого поведения [Baker, 1992: 10]. Установки по своей природе латентны и могут быть зафиксированы и выведены из направления и устойчивости внешнего поведения субъекта.

Понятие установки, или социальной установки, по отношению к ЯС связано с формирующейся или уже сформированной оценкой людьми языка, на котором они говорят. К числу субъективных признаков, которые используются носителями для оценки языка, относятся выбор языка в качестве средства общения или языка обучения, стремление к расширению социальных функций языка, передача языка подрастающему поколению и т. п. [Кондрашкина, 2010: 167–168].

Помимо перечисленных признаков, языковые установки также оказывают влияние на образование, самооценку и возможности трудоустройства людей [Baker, 1992: 13; Papapavlou, Pavlou, 2001: 99]. Однако, помимо обозначенных характеристик, языковые установки по отношению к языку могут формировать у носителей такие убеждения относительно языка, которые по своей природе являются социально-детерминированными (частью социальных условий), влияющими на поддержание и передачу языка [Papapavlou, Mavromati, 2017: 167–168].

У. Стюарт предлагает различать четыре атрибута языков, которые оказывают влияние на формируемые социальные установки:

- историческая обусловленность (связь языка с национальной и этнической традицией);
- стандартизация (наличие у языка кодифицированных норм);
- жизнеспособность (наличие коллектива, для которого данный язык является родным);
- гомогенность (лексика и структура языка восходят к единому, более раннему этапу его развития)

[Stewart, 1968: 533–536].

Понятием, которое обобщает субъективные компоненты ЯС, является активно используемое понятие «отношение к языку» (language attitude). Необходимо отметить, что в научно-исследовательской литературе понятие «отношение к языку» тождественно понятию «языковая установка». Подобное

использование терминов может быть обусловлено особенностями перевода слова *attitude* (отношение или *аттитюд*, установка) и выбором исследователя одного из двух концептов для характеристики субъективных компонентов ЯС. Подтверждением данного положения является замечание Дж. Фишмана, который говорил, что понятие «отношение к языку» почти каждый исследователь трактует по-своему [Agheyisi, Fishman, 1970: 137].

Языковые установки индивидов рассматриваются в рамках двух подходов: бихевиористского и менталистского. С точки зрения первого подхода, установки представляют собой наблюдаемые поведенческие реакции на стимулы и социальные ситуации [Fasold, 1984: 147–180; Wingstedt, 1998]. Представители второго, менталистского подхода определяют установку как «склонность реагировать благоприятно или неблагоприятно на объект, человека, явление» [Айзенк, 1988: 44].

Необходимо отметить, что в научной литературе можно встретить и другие классификации подходов к изучению языковых установок. Например, Сыхуа Лианг рассматривает психологический и дискурсивный подходы [Sihua Liang, 2015: 38]. Согласно психологическому подходу, языковые установки представляют собой ментальные конструкции носителей языка, которые изменяются и искажаются социальными и контекстуальными факторами [Cargile et al., 1994; Ladegaard, 2000; Riagáin, 1997]. В рамках дискурсивного подхода языковые установки рассматриваются как сконструированные в дискурсивных практиках, а значит, они представляют собой продукты взаимодействия межличностных, контекстуальных, идеологических и социальных факторов [Garrett, 2010; Potter, 1998; Wetherell, 2007].

Перенося наработки исследователей относительно установок индивидов на формируемое у них «отношения к языку», можно зафиксировать склонность носителей реагировать благоприятно или неблагоприятно на язык, т. е. формируемое представление носителей о своем языке и языках других групп. В рамках формируемого отношения носителей к языку можно выделить сле-

дующие компоненты: инструментальные установки, отражающие прагматические или утилитарные мотивы индивидов при использовании языка (например, повышение своего социально-экономического статуса посредством использования языка доминирующей группы); интегративные установки, отражающие желание индивида быть частью конкретной языковой группы [Fridriksson, 2008: 74–78].

Помимо перечисленных установок, Сыхуа Лян акцентирует внимание на языковых предпочтениях носителей языка. Отмечается, что они могут демонстрировать определенные языковые предпочтения или сопротивляться им, чтобы конструировать или поддерживать свой статус члена определенной этнолингвистической группы [Sihua Liang, 2015: 53]. Ключевыми факторами, обусловливающими языковые предпочтения индивидов, являются языковая компетентность и идеологические/политические соображения [Auer, 1995; Torras, Gafaranga, 2002]. Предпочтения, связанные с языковой компетентностью носителей, относятся к тенденции говорящих выбирать те языковые вариации, в которых они обладают высокой компетентностью и чувствуют себя комфортно при разговоре [Sihua Liang, 2015: 53]. Предпочтения, связанные с идеологической составляющей, детерминированы внешними факторами, т. е. институциональными нормами, категоризацией членства [там же: 53–54]. Языковые предпочтения индивидов позволяют осмыслить выбранные носителями языка языковые единицы, проанализировать факторы, которые легли в основу сделанного им выбора.

Восприятие языка или отношение к своему языку или языку контрагентов в социолингвистике связывается с понятием «языковая лояльность» (language loyalty), которое было введено У. Вайнрайхом [Weinreich, 1968] (см. подробнее пункт 1.3.3.). Языковая лояльность может быть определена как «составность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, которая определяет степень их приверженности к данному языку» [Словарь социолингвистических

терминов, 2006: 261–262]. Оценка членами языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка проводится на основании субъективных факторов, т. е. сформированных под влиянием социума установок и оценок.

Носители языка учитывают факторы статуса языка (высокий или низкий), коммуникативную пригодность, эстетическую ценность, что в свою очередь формирует у них высокий или низкий уровень языковой лояльности [Баранова, 2010: 32–33]. Так, при решении данного вопроса Б. Викстром предлагает применять экономическую теорию. Он подчеркивает, что для анализа коммуникативной ценности языка необходимо использовать анализ затрат и выгод: преимущества языка (выбор его в качестве основного средства для общения носителями) будут расти по мере роста количества носителей этого языка; затраты на изучение языка будут расти, если изучаемый язык будет специфическим и количество его носителей будет относительно небольшим [Wickström, Templin, Gazzola, 2018: 3–64]. Таким образом, престижным будет считаться тот язык, на котором в социуме говорит большее количество индивидов, а затраты на овладение им будут меньше получаемых индивидом выгод.

Еще в 1964 г. американский ученый П. Гарвин среди параметров, характеризующих язык в качестве социального фактора, выделил так называемые символические функции, одна из которых – «престижная» (prestigious) [Garvin, 1964: 221–223]. Престижная функция языка характерна для литературного языка по сравнению с другими формами его существования, она выражается через формируемые оценки языка его носителями и носителями других языков. В данном случае прослеживается прямая зависимость между социальными факторами и выбором, который делают носители: чем более престижен статус группы в глазах других членов социума, тем вероятнее, что их язык будет использоваться для общения. Функционирование языков с разным престижем формируют разные типы языковых ситуаций: диглоссные (оппозиция языков по уровню престижности) или недиглоссные (равенство языков).

Включение в дефиницию языковой ситуации субъективного компонента фиксирует многоаспектность ЯС. Так, А.Д. Швейцер, обозначая возможность носителей языка воспринимать, осознавать, оценивать и на этом основании делать выбор в пользу конкретных языковых образований, подчеркивает: «...В самом общем виде языковая ситуация может быть определена как модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, существующих и взаимодействующих в пределах данного политico-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период, а также **социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов** (выделено мной. – A.T.)» [Швейцер, 1976: 113–114].

В.А. Виноградов также предложил классификацию языковых ситуаций, учитывающую количественные, качественные и оценочные признаки. Он считает, что каждую языковую ситуацию необходимо характеризовать по количественным (число идиомов, составляющих языковую ситуацию, число говорящих на каждом идиоме, количество коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом, число функционально доминирующих идиомов), качественным (лингвистические характеристики идиомов, структурно-типологические отношения между ними, функциональная равнозначность или неравнозначность, характер доминирующего идиома – местный или импортированный) и аксиологическим параметрам (оценка говорящими различных идиомов) [Виноградов, 1990: 416–417].

Для более детального изучения ЯС необходимо рассматривать данное явление как сложную систему, состоящую из обозначенных факторов, каждый из которых оказывает влияние на ее формирование и изменение.

1.1.3. Типология языковых ситуаций

Многоаспектность ЯС предполагает сложность ее типологии. Л.Б. Никольский предложил многокомпонентную типологию ЯС, которая включает следующие основания:

- экономическое состояние района (страны);
- общественный строй;
- этнолингвистический, социальный и профессиональный состав населения;
- географическое распределение;
- распределение по возрасту и полу;
- образовательный ценз;
- генеалогические различия языковых образований;
- их использование в различных сферах человеческой деятельности [Никольский, 1976: 114–118].

Обобщая исследования российских социолингвистов, в первую очередь А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского, в Лингвистическом энциклопедическом словаре В.А. Виноградов приводит количественные признаки ЯС: число идиомов-компонентов, число говорящих на каждом из идиомов в отношении к общему числу населения исследуемого ареала (демографическая мощность идиомов), число коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом, в отношении к общему числу таких сфер (коммуникативная мощность идиомов), число функционально доминирующих идиомов. К качественным признакам, которые должны быть учтены в типологической модели ЯС, в данной статье В.А. Виноградов относит лингвистический характер входящих в ЯС идиомов, структурно-генетические отношения между идиомами, функциональную равнозначность/неравнозначность идиомов, характер доминирующего в государственном масштабе идиома, функционально дополняющие системы [Виноградов: электр. ресурс].

Опираясь на эти основания, ЯС можно охарактеризовать на основе представленных признаков и предложить следующие типологические группы.

Монолингвальные – полилингвальные ЯС

В качестве основания для данной пары выступает количество и статус используемых языков. Монолингвальные ЯС предполагают использование одного языка, чаще всего имеющего статус государственного; в полилингвальных ЯС в социуме используется несколько языков, имеющих разную функциональную мощность и выполняющих разные функции [Никольский, 1976 и др.].

Равновесные – неравновесные ЯС

Основанием для выделения равновесных и неравновесных ЯС служит демографическая мощность языков. В равновесных ЯС языки и их компоненты характеризуются одинаковой функциональной мощностью; в неравновесных ЯС языки-компоненты имеют разную функциональную мощность [там же].

Сбалансированные – несбалансированные ЯС

Сбалансированные ЯС характеризуются функциональной равнозначностью компонентов ЯС; в несбалансированных ЯС распределение компонентов происходит по сферам общения и социальным группам [там же].

Необходимо отметить, что в типологиях языковой ситуации учитываются объем и характер функций, выполняемых компонентами ЯС. Сфера, в которых может быть использован идиом, могут варьироваться, и все они обладают разной степенью важности. Л.Б. Никольский отмечал, что сферы языка представляют собой совокупности тем, составляющих содержание коммуникации в соответствующих областях социального взаимодействия [там же: 37].

Он предложил следующую классификацию сфер общения:

- 1) общегосударственная;
- 2) региональная (если страна состоит из регионов с исторически сложившимися тесными хозяйственными связями или с этнически однородным населением);
- 3) местная (общественная жизнь в пределах сельской общины или района, включающего несколько взаимосвязанных общин, общественная жизнь в городе или поселке городского типа, на промышленном предприятии);
- 4) производственная (сельское хозяйство или промышленное производство);

- 5) семейно-бытовая;
 - 6) ритуальная (отправление религиозного культа)
- [Никольский, 1976: 37].

В.А. Аврорин предлагает следующий перечень сфер:

- 1) сфера хозяйственной деятельности;
- 2) общественно-политической деятельности;
- 3) быта;
- 4) организованного обучения;
- 5) художественной литературы;
- 6) массовой информации;
- 7) эстетического воздействия;
- 8) устного народного творчества;
- 9) науки;
- 10) все виды делопроизводства;
- 11) личной переписки;
- 12) религиозного культа

[Аврорин, 1975: 76–77]. Он отмечает, что его классификация не представляет собой исчерпывающий перечень, однако может быть применена к широкому спектру случаев.

Как видим, во всех случаях при выделении сфер лингвисты опираются на разные области деятельности и коммуникации социума, а разница заключается в акцентировании внешних или внутренних деталей коммуникации. Так, А.Д. Швейцер отдельно указывает на важность учета объема и характера социальных функций, выполняемых компонентами ЯС. Разнообразие выделенных исследователями сфер, а также возможность изучения подсфер и отдельных компонентов позволяет исследователям выбирать сферы в зависимости от изучаемого случая.

Экзоглоссные – эндоглоссные ЯС

Экзоглоссные ЯС представляют собой совокупности языков, эндоглоссные ЯС – совокупность подсистем одного языка [Швейцер, Никольский,

1978: 102]. Л.Б. Никольский и А.Д. Швейцер указывали, что экзоглоссные и эндоглоссные ЯС подразделяются на сбалансированные и несбалансированные. Авторы выделяют 4 основных типа ЯС по этим основаниям:

- экзоглоссные сбалансированные – юридическое равенство языков при их функциональной неэквивалентности;
- экзоглоссные несбалансированные – наиболее массовый случай (чаще всего двухкомпонентные, включающие язык бытового общения и язык-макропосредник);
- эндоглоссные сбалансированные – наличие нескольких подсистем национального языка, которые в функциональном отношении обслуживают все сферы общения в ряде языковых общностей, живущих в пределах одного территориально-политического объединения;
- эндоглоссные несбалансированные – в однонациональных странах, использующих один язык [там же: 102–110].

Гомогенные – гетерогенные ЯС

В качестве основания для выделения данной пары ЯС выступает количество и степень генетической близости языков, являющихся компонентами ЯС. Гомогенные ЯС предполагают использование нескольких языков с близким родством, гетерогенные ЯС характеризуются функционирование на одной территории множества языков, для которых характерно неблизкое родство или его отсутствие [Никольский, 1976].

Отдельным аспектом типологизации ЯС можно считать вариации выполнения языком социально-коммуникативной роли. Язык может выступать как средство местного общения, региональной, внутригосударственной или международной коммуникации [Мечковская, 2001]. Данная типология позволяет учитывать выполняемую языком функцию в зависимости от уровня политico-территориальной организации общества.

Ч. Фергюсон предложил различать языки в зависимости от их коммуникативной значимости: основные, второстепенные и специальные. Основные

языки должны соответствовать следующим характеристикам: являются родными не менее чем для четверти населения данной страны, на них говорит не менее миллиона человек, ими владеет не менее половины выпускников средних школ, они имеют статус государственного языка. Второстепенные языки, в отличие от основных, характеризуются следующими особенностями: на них говорят от 5 до 25% населения страны, на них говорят от ста тысяч до миллиона человек, а также менее половины выпускников средней школы, при этом у языка отсутствует статус государственного. К категории специальных языков относятся языки, использующиеся в узких сферах (например, при отправлении религиозных обрядов и др.). Исследователь не останавливается на выделении трех категорий и предлагает расширить классификацию языков следующими типами: родной нелитературный, родной литературный, чужой литературный, пиджин или гибридный язык с лексикой одного и грамматикой другого, креольский язык – гибридный язык, ставший родным [Ferguson, 1966: 309–314]. Предложенная Ч. Фергюсоном классификация имеет многоступенчатую структуру; выделенные и четко обозначенные основания позволяют максимально точно типологизировать изучаемый объект.

На основе четырех атрибутов (историческая обусловленность, стандартизация, жизнеспособность, гомогенность), оказывающих влияние на формирование социальных установок, У. Стюарт предлагает выделять пять типов языка: стандартный (наличие всех выделенных параметров); классический (отсутствие третьего параметра); местный (отсутствие второго параметра); креольский (отсутствие второго и четвертого параметров), пиджин (наличие только первого параметра) [Stewart, 1968: 533–536].

Р. Белл предлагает рассматривать языки через их атрибуты: стандартизацию, жизненность, историчность, автономность, редукцию, смешение, фактические нормы. Сочетание атрибутов позволяет зафиксировать следующие типы языков: престандартный, классический, местный, диалектный, креольский, пиджин, искусственный, «Х-ированный», «Y-интер-язык», «язык для иностранцев» [Белл, 1980: 200].

Классификация, учитывающая уровень функционального развития языков, были предложена также В.А. Аврориным, который предлагал акцентировать внимание на четырех ключевых параметрах: социальные условия; среды употребления; сферы употребления; основные формы существования языка [Аврорин, 1975: 121].

Данные классификации языков могут дополнять типологию ЯС, описывая входящие в ЯС языки и их отношения.

В целом типология ЯС учитывает количественные и качественные характеристики языков в конкретной административно-территориальной единице, а также их функциональные типы, как это можно наблюдать, например, в типологии У. Стюарта и Ч. Фергюсона, которые включают число языков, характеристики языков и их функциональную составляющую [Ferguson, 1971: 48, 70–72]. Учет качественных и количественных детерминант языковой ситуации позволяет всесторонне рассмотреть явление и адаптировать его описание к каждому конкретному случаю.

Подчеркивая динамический характер языковых ситуаций, Г.В. Степанов отмечает, что число функциональных элементов может уменьшаться (дисфункция), одни классы языковых систем (например, диалекты, варианты) превращаться в другие (например, в разные языки), а некоторые функции могут передаваться от одной системы к другой (например, обиходно-разговорная функция может перейти от диалекта к устной форме литературного языка) [Степанов, 1983: 142].

Систематизируя рассмотренные признаки ЯС, можно представить типологические модели ЯС (см. табл. 1).

Несмотря на попытки исследователей разработать наиболее точное и полное определение понятия «языковая ситуация», существующие определения не являются исчерпывающими ввиду их редуцированности и учета в них одного или нескольких признаков (качественных или количественных). Тем не менее вариации дефиниций данного понятия включают схожие факторы или компоненты языковой ситуации.

Таблица 1
Типология языковых ситуаций*

Признаки языковой ситуации (ЯС)	Возможные реализации языковой ситуации
Языковое разнообразие – количество идиомов, участвующих в данной ЯС	Однокомпонентные – многокомпонентные
Этническое разнообразие – соотношение этносов с языками	Одноэтничные – разноэтничные
Демографический вес идиомов – процент говорящих на каждом из идиомов	Равновесные – разновесные
Коммуникативная мощность идиомов – процент коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом	Равномощные – разномощные
Число функционально доминирующих идиомов – металектов	Однополюсные – многополюсные
Генетическая близость – степень генетической близости идиомов, участвующих в данной ЯС	Одноязычные – близкородственные – дальнеродственные – неродственные
Типологическое разнообразие – степень типологической близости идиомов, участвующих в данной ЯС	Гомоморфные – гетероморфные
Функциональное распределение идиомов	Гармоничные – дисгармоничные – диглоссные
Характер металекта	Эндоглоссные – экзоглоссные
Нативизация – наличие у каждого из идиомов носителей, для которых он является родным	Нативизированные полностью – нативизированные частично
Престижность идиомов	Равнопrestижные – разнопrestижные

*Таблица составлена по данным [Виноградов, 1990: 616–617; Виноградов, Коваль, Порхомовский, 1984: 33–38; Никольский, 1976: 79–80].

На основании проанализированной научно-исследовательской литературы, посвященной проблеме языковой ситуации, автором предложено рабочее определение ЯС, включающее ключевые составляющие. **Языковую ситуацию** в данной работе предлагается понимать как **функционирующую в границах определенной территориально-административной общности совокупность языков социально-коммуникативных систем и подсистем (с учетом количества их носителей, их статуса и родственных отношений), находящихся во взаимодействии, и представления их носителей о функциональных возможностях и престижности данных языков и подъязыков.**

1.1.4. Развитие языковой ситуации: языковой сдвиг vs языковая устойчивость

Многообразие компонентов ЯС и их комбинаций подчеркивают вариативность данного явления. Вариативность ЯС может выражаться в формировании и развитии противоположных тенденций по отношению к языкам, функционирующим на одной территории. Подобная вариативность может быть связана как с внешними, так и внутренними факторами.

В качестве примеров можно рассмотреть ЯС на Крайнем Севере РФ. Например, ненецкий язык продолжает использоваться населением Ненецкого автономного округа ввиду сохранения оленеводства, поддержания хозяйственной деятельности, которой исконно занималось коренное население. В свою очередь, эвенский язык вытеснен русским по причине притока русскоязычного населения, тенденции к укрупнению хозяйств, сокращению часов на преподавание родного языка (см. [Вахтин, 2001: 11–12]). Обозначенные примеры демонстрируют нам, что в случае с ненецким языком ЯС характеризуется устойчивостью и высокой оценкой носителями престижности своего родного языка; в ситуации с эвенским языком можно говорить о вытеснении титульного языка доминирующим, то есть о явлении языкового сдвига.

В самом общем виде языковой сдвиг можно определить как ситуацию, при которой люди перестают говорить на языках потому, что перестают считать это для себя нужным [там же: 11–16]. Языковой сдвиг можно рассматривать не столько как ситуацию, а как процесс, в результате которого происходит замена одного языка другим в языковом сообществе или подгруппе языкового сообщества. Языковой сдвиг практически всегда является результатом воздействия социальных факторов на язык и оценку носителями его престижности. Таким образом, языковой сдвиг социально детерминирован.

Впервые данный термин был использован в работе У. Вайнрайха, в которой он предпринял попытку описать основные причины языкового сдвига [Weinreich, 1968]. У. Вайнрайх отмечает, что языковой сдвиг является сочетанием социальных и экономических факторов, языкового престижа и языковой

идеологии², смены власти и исторической травмы. Он указывает, что в данный ряд необходимо включить демографические факторы (численность населения, компактность их проживания, интенсивность контактов), однако ключевое значение имеют именно социально-экономические и политические факторы.

Языковой сдвиг можно рассматривать как нестабильную ситуацию, при которой не все представители языковой группы владеют языком своих предков или владеют им не на должном уровне [Гренобль, 2021: 11]. В этом случае языковой сдвиг характеризует отсутствие межпоколенческой передачи языка (старшее поколение не обучает детей родному языку), уменьшение количества областей, в которых он используется, или отсутствие у носителей возможности использовать язык во всех ранее привычных сферах общения; в условиях языкового сдвига обнаруживается значительная вариативность в знании и употреблении языка, наблюдаются вариации в отношении к нему [там же: 11].

Исследователи начали изучать языковой сдвиг и его последствия лишь в 70-е гг XX в. В 1972 г. В. Дресслер обратил внимание исследователей на необходимость изучения и описания не только полноценных языков, но и тех, которые находятся на грани исчезновения или языковой смерти [Dressler, 1972: 455]. Последовавшие в 1980–1990-х гг. работы, посвященные проблеме языкового сдвига, не смогли дать ответ на вопрос, почему одни и те же социальные факторы в каких-то ситуациях приводят к языковому сдвигу, а в других, наоборот, поддерживают и сохраняют язык. Дж. Фишман отмечал, что

² Необходимо отметить, что понятие языковой идеологии до сих пор не имеет четко определения. М. Сильверстейн определяет языковую идеологию как набор представлений о языке, сформулированных и используемых носителями для рационализации или оправдания воспринимаемой структуры языка [Silverstein, 1979: 193–247]. К. Вулард подчеркивает аспект влияния политических сил на формируемую языковую идеологию: языковая идеология является необходимым мостом между лингвистической и социальной теориями, поскольку она связывает микрокультуру коммуникативного действия с политическими и экономическими соображениями власти и вопросами социального неравенства, противостоя макросоциальным ограничениям, накладываемым на языковое поведение [Woolard, 1992: 235–239]. К. Вулард также подчеркивает, что языковая идеология рассматривается как идейный или концептуальный феномен – представления носителей языка и идеи индивидов о социальном статусе, характеристиках конкретной этнолингвистической группы [там же: 235–239]. В связи с тем что феномен языковой идеологии четко не определен, под ней предлагается понимать набор убеждений и представлений членов этноязыковой группы о статусе и престижности своего языка и языка(-ов) других групп [Тюленёва, 2023: 124].

многие из наиболее популярных факторов, которые якобы влияют на поддержание или утрату языка, действуют, как было доказано, в обе стороны в различных контекстах, либо вообще не играют никакой серьезной роли в более широком контексте [Fishman, 1971].

Тем не менее, несмотря на отсутствие явной положительной корреляции между социальными факторами и исходами в виде языкового сдвига, все исследователи согласны с общим списком факторов, которые могут к нему привести. Так, Д. Кристал описал общий механизм языкового сдвига: доминирующий язык, оказавшийся в контакте с другим языком, более слабым, распространяется вширь и вытесняет его – просто потому, что носители доминирующего языка сильнее в политическом, экономическом или военном отношении [Crystal, 1997: 5]. В понимании автора язык тесным образом связан с носителями, которые говорят на нем, т. е. язык существует только в сознании индивида. Когда носитель добивается успеха – язык успешен, когда носитель проигрывает – язык проигрывает вместе с ним.

С. Байд предлагает следующий список факторов, оказывающих влияние на языковой сдвиг:

- исторические (ситуации до контакта);
 - демографические (размер группы, рождаемость и др.);
 - географические (изолированность, плотность населения и др.);
 - социально-структурные (социальный уровень, экономические ниши, распределение власти);
 - институциональные (школы, религия, СМИ и др.);
 - отношения (внутри- и внегрупповые отношения меньшинств)
- [Boyd, 1985: 100–101].

А.Е. Кибрик предлагает перечень факторов, которые негативно влияют на жизнеспособность языка: численность, возрастные группы носителей, характер браков (одно- или межэтнических), место проживания группы (искон-

ная территория или переселение), языковые контакты, социальная форма существования группы (наличие или отсутствие традиционных видов хозяйственной деятельности), национальное самосознание, наличие школьного преподавания и государственная политика в отношении языка [Кибрик, 2001]. Все эти факторы или условия необходимо рассматривать во взаимодействии, поскольку разная их комбинация при разных условиях может приводить к диаметрально противоположным исходам.

К ключевым условиям языкового сдвига можно отнести принуждение и выбор. В случае принуждения носителей титульного или миноритарного языков насильно заставляют отказаться от использования родного для них языка (например, когда детей изымают из семей и помещают в школы-интернаты, в которых они обучаются на ином, чаще всего государственном языке) [Вахтин, 2001: 11]. Проблематика языкового выбора чаще рассматривается применительно к индивиду [Fasold, 1984: 180–212]. В данном случае исследователи пытаются объяснить мотив, которым руководствуются носители при выборе языка. Однако помимо ситуации индивидуального выбора может рассматриваться ситуация группового или коллективного выбора, когда решение об использовании или неиспользовании языка принимается коллективом, группой, семьей, языковой общностью [там же: 15].

С. Герман предложил поведенческую модель отдельного индивида в ситуации языкового выбора. В ситуации выбора на человека одновременно влияют три фактора, каждый из которых при определенных условиях и в конкретной ситуации оказывается ведущим: собственные потребности, непосредственная речевая ситуация и фоновая ситуация [Herman, 1968]. Эти критерии могут действовать как согласованно, так и наоборот, подталкивая индивида к разным решениям (в зависимости от времени, ситуации и доминирующих факторов). Н.Б. Вахтин разделяет идею С. Германа, но предлагает переформулировать предложенные им критерии применительно к ситуации языкового сдвига следующим образом: 1) мотивация прагматического удобства, 2) мотивация ожидания окружающих и 3) мотивация самоидентификации [Вахтин,

2001: 13–14]. Данные факторы действуют не в строгой последовательности, сменяя друг друга, а вперемешку.

Прагматические факторы (или мотивация прагматического удобства) действуют в ситуации группового двуязычия: носители титульного языка, при всеобщем распространении доминирующего, вынуждены учить доминирующий язык, чтобы продолжать нормальное существование в обществе. Прагматические факторы, по мнению Н.Б. Вахтина, тесно связаны с мотивацией ожидания (престижа) – ситуации, когда взрослые сознательно не говорят на родном языке и не обучаются ему своих детей, чтобы облегчить им вхождение в социум и нормальное существование в нем, если в социуме распространен доминирующий язык [там же: 14].

Мотивация ожидания окружающих связана с выполнением языком интегрирующе-дезинтегрирующей функции. На индивида и совершаемый им выбор оказывает влияние сначала прагматическая мотивация, затем мотивация ожидания. В случае, когда данные факторы (мотивации) подталкивают индивида к выбору языка доминирующей этнолингвистической группы, он (как носитель языка) может отграничить себя от этнической группы и ее языка, воспринимающихся как непрестижные. Таким образом, индивид отказывается от использования родного языка и выбирает в качестве единственного язык доминирующей этнолингвистической группы, т. е. меняет свою идентичность (мотивация самоидентификации) [там же: 14].

Н.Б. Вахтин отмечает, что на разных этапах процесса языкового сдвига, с одной стороны, действует прагматическая мотивация, подкрепленная иногда мотивацией ожидания и переходящая в редких случаях в мотивацию самоидентификации. Толчком к включению этого механизма является обычный (не обязательно агрессивный) культурный и языковой контакт: рядом с привычной жизненной моделью возникает другая модель, часто более привлекательная (или кажущаяся таковой) [там же: 15–16]. Тем не менее, даже несмотря на существующее и распространенное убеждение среди носителей

языка о его ценности и необходимости сохранения и защиты (а также поддержания данного тезиса правительством), последствия для языковой ситуации могут быть разными [Dauenhauer N.M., Dauenhauer R., 1998: 63].

Субъективные основания языкового сдвига (обозначенные С. Германом) могут быть описаны с помощью понятий «языковая лояльность», «субъективная жизнеспособность языка», «отношение к языку».

Параметр субъективной жизнеспособности был введен Р. Бурхисом, Г. Гайлсом, Д. Розенталем; ими также была разработана анкета – Subjective Vitality Questionnaire (Опросник по субъективной жизнеспособности) – для ее оценки [Bourhis, Giles, Rosenthal, 1981: 147].

Термин «языковая лояльность», как уже говорилось, был введен У. Вайнрайхом для обозначения престижа языка и стремления носителей защитить язык (см. подробнее пункт 1.3.3).

Языковую устойчивость, или языковую стабильность (*language stability*), можно определить как «проявление жизнеспособности языков, находящихся под угрозой исчезновения» [Вахтин, Головко, 2004: 127–129]. Отметим, что данное понятие рассматривается обычно в связи с ситуацией языкового сдвига. Решающее значение для поддержания языковой стабильности оказывают три фактора: национальное самосознание, языковые установки и языковое планирование [Fridriksson, 2008: 46–47]. Обозначенные факторы действуют не изолированно, а во взаимодействии друг с другом. На языковое планирование и, как следствие, на выбор модели языковой политики могут оказывать влияние политика национальной независимости и языковые установки, которые отражают национальное самосознание носителей языка. Например, исход реализации языкового планирования включает в себя не только выработку и утверждение правительством государства основных норм в отношении языка, но и одобрение и принятие их общественностью.

Дж. Милрой и У. Милрой применительно к обозначенным факторам называют два типа механизмов, которые способствуют языковой стабильности: скрытое и неформальное давление, оказываемое членами социальной

группы, и открытое соблюдение институциональных норм, осуществляемое по-средством всеобщего обязательного образования [Milroy G., Milroy U., 1985].

Таким образом, в качестве ключевых форм развития языковой ситуации необходимо рассматривать два противоположных процесса – языковой сдвиг и языковую стабильность. Сочетание внешних и внутренних факторов в рамках определенной территории определяет сохранение языка миноритарной этнолингвистической группы или отказ от его использования носителями этого языка.

1.2. Юридический и функциональный статус языка

Под статусом языка обычно понимают два понятия: 1) юридический (правовой) статус языка – закрепленное в законодательном порядке использование языка в данной социально-коммуникативной системе; 2) фактический (функциональный) статус языка – реальное использование языка, его функциональная нагрузка [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 42]. Юридический или правовой статус языка закрепляется в федеральном или региональном нормативно-правовом акте. Функциональный (фактический) статус языков определяется объемом выполняемых ими социальных (коммуникативных) функций языков [Иванова, 2019: 101].

Согласно Конституции Российской Федерации и федеральным законам можно выделить пять групп языков, различающихся в зависимости от правового статуса:

- 1) государственный язык Российской Федерации – русский язык;
- 2) государственные языки субъектов Российской Федерации;
- 3) языки коренных малочисленных народов;
- 4) прочие языки народов России, не вошедшие в три предыдущие группы;
- 5) иные национальные языки, не являющиеся языками народов России (иностранные языки)

[Мочалов, 2023: 23].

Государственный (русский) язык – это язык, который является, во-первых, элементом конституционно-правовой идентичности Российского государства и его государствообразующего народа и, во-вторых, коммуникативным инструментом *lingua franca* для всех членов российского общества независимо от национальной принадлежности [там же: 23]. Вторая группа языков – это языки республик Российской Федерации, которые зафиксированы в республиканских конституциях и подлежат использованию в деятельности органов государственной власти республики наряду с русским языком [там же: 24]. Государственный язык – это «язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурных сферах, выступающий в качестве символа данного государства» [Петербургский, 2020: 210]. В этом отличие государственного языка от официального, под которым понимают «язык государственного управления, законодательства, судопроизводства» [там же].

Относительно третьей группы языков в российском законодательстве нет юридически закрепленного перечня языков коренных малочисленных народов, однако в некоторых случаях эти языки могут иметь официальный статус (обычно в автономных округах и областях). Четвертая группа – языки народов РФ, не вошедшие в предыдущие три группы [там же: 28], однако в законодательстве Российской Федерации нет утвержденного перечня языков народов РФ. При этом в федеральных нормативно-правовых актах, в Законе «Об образовании в Российской Федерации» гарантируется право выбирать язык обучения или изучаемый родной язык [там же: 28]. К четвертой группе языков относятся и языки титульных этнолингвистических групп областей и округов, которые могут иметь статус официального языка. Последняя пятая группа – это национальные языки, не относящиеся к языкам народов России и рассматриваемые только как иностранные.

В зависимости от отнесения языка к той или иной группе различается не только их правовой, но и их функциональный статус. Н.И. Иванова, анализи-

руя статус русского языка в Республике Саха (Якутия), отмечает, что юридический (правовой) статус в социально-коммуникативной системе закрепляется в законодательном порядке, а функциональный статус языка предполагает его реальное использование, функциональную нагрузку [Иванова, 2019: 101]. В зависимости от этноязыковой ситуации и мер проводимой языковой политики и политической ситуации в том или ином регионе юридический статус языка может либо соответствовать его функциональному статусу, либо может только декларироваться и находиться в противоречии с последним [там же: 101].

В зависимости от наличия у языка этнолингвистической группы статуса государственного или официального языка отличается набор мер и механизмов по его сохранению, а также варьирует количество сфер, в которых он используется. Анализ законодательно закрепленного статуса у языка с его реальным функциональным статусом – положением языка в социальной системе, определяемом его демографической и функциональной мощностью и использованием в социально-коммуникативном пространстве того или иного региона [Концепция языковой политики, 2023: 487] – может позволить точнее описывать языковую ситуацию и разрабатывать меры языковой политики по поддержке языков.

В качестве примера можно привести ситуации в республиках Российской Федерации. В Республике Хакасия, помимо русского, хакасский язык имеет статус государственного языка. Т.Г. Боргоякова отмечает, что несмотря на наличие у хакасского языка статуса государственного, в законодательстве республики можно зафиксировать языковую иерархию «государственных языков», основанную на коммуникативной и демографической мощности языков [Боргоякова, 2011: 158]. Она отмечает, что на первом месте в языковой иерархии располагается русский язык как государственный язык Российской Федерации с максимальным объемом социальных функций, которому дополнительно придается статус языка межнационального общения. «На втором месте – хакасский язык как второй государственный язык на территории Республики Хакасия. Закрепление его функционального статуса носит в основном

рекомендательный характер, и предусматривается возможность софункционирования хакасского языка примерно в половине ситуаций региональной официальной коммуникации» [Боргоякова, 2011: 157].

Таким образом, юридическое закрепление статуса государственного или официального языка титульной или миноритарной этнической группы региона не всегда свидетельствует о его полном или частичном использовании наравне с государственным языком Российской Федерации в социально-коммуникативном пространстве. Учет обозначенной выше ситуации может позволить выявить несоответствие между декларируемым (законодательно закрепленным статусом) и реальным положением языка в обществе, что оказывается важным аспектом для выявления уровня языковой витальности.

Однако есть и иные ситуации. Например, согласно закону Республики Татарстан от 8 июля 1992 г. № 1560-ХII «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» государственными языками в данной республике являются «равноправные татарский и русский языки» [Мочалов, 2023: 24]. Это может свидетельствовать об отсутствии языковой иерархии и равных правовых статусах языков в нормативно-правовых актах региона. Государственными структурами Республики Татарстан обеспечивается поддержка и продвижение татарского языка в публично-правовом пространстве региона. Например, государственное финансирование позволяет поддерживать и расширять функционирование татарского языка в системе региональных СМИ [Нурутдинова, 2022: 151]. Объем вещания на татарском языке составляет 53%, на русском – 47%, что говорит о доминировании титульного языка над государственным языком РФ [там же: 132].

В целом в РФ наблюдается доминирование русского языка как в публично-правовом пространстве и семейно-бытовой сфере. Э.В. Хилханова, анализируя языковую ситуацию в Республиках Тыва и Саха (Якутия), приходит к выводу, что проводимая правительством Российской Федерации языковая политика направлена на укрепление и поддержку государственного языка.

Поддержка русского языка ведет к изменению удельного веса факторов, влияющих на витальность языка миноритарных групп [Хилханова, 2019: 237].

Таким образом, в ряде субъектов Российской Федерации языки титульных или миноритарных этнолингвистических групп также имеют статус государственного языка, т. е. регламентировано его использование в публично-правовом пространстве наравне с русским языком. Однако закрепление за языком титульных или миноритарных этнолингвистических групп статуса государственного языка на территории региона не гарантирует его реальное использование в общественных сферах, что может подрывать его языковую устойчивость.

1.3. Витальность языка и ее зависимость от языковой ситуации

1.3.1. Понятие витальности языка

Витальность языка (linguistic vitality) изучается в рамках социолингвистики, социальной психологии и исследований, посвященных изучению культурных аспектов этнических общностей.

Витальность, или жизнеспособность, языка можно определить как «способность к дальнейшему развитию, изменению или сохранению структурных и, главным образом, функциональных качеств» [Словарь социолингвистический терминов, 2006: 312]. Витальность языка связана с тем, в каком объеме и в каких сферах употребляется язык. Понятие витальности языка, факторов, оказывающих влияние на ее изменение, и оценка языковой витальности на примере языков титульных или миноритарных групп Российской Федерации и Западной Европы нашла отражение в работах Л.С. Архиповой [Архипова, 2017], С.К. Бashiевой и М.Ч. Шогеновой [Бashiева, Шогенова, 2018], Т.Г. Боргояковой и А.В. Гусейновой [Боргоякова, 2019; Боргоякова, Гусейнова, 2019], Г.Ц. Гунжитовой [Гунжитова, 2020], Е.А. Кондрашкиной [Кондрашкина, 2010, 2016], Н.В. Поляковой [Полякова, 2022], Э.Д. Сулейменовой [Сулейменова, 2011], Э.В. Хилхановой [Хилханова, 2019] и др.

Помимо понятия «вitalность языка», встречается понятие этнолингвистической витальности (ethnolinguistic vitality), которое было введено Г. Джайлсом, Р. Бурхисом и Д. Тейлором в 1977 г. в качестве инструмента для анализа социокультурных переменных, оказывающих воздействие на устойчивость этнолингвистических сообществ в межгрупповой среде [Giles, Bourhis, Taylor, 1977]. Под этнолингвистической витальностью они предлагает понимать «ту силу, которая заставляет группу вести себя в межгрупповых ситуациях как отличная и активная коллективная единица» [там же: 308].

В рамках теории этнолингвистической витальности, предложенной Г. Джайлсом, Р. Бурхисом и Д. Тейлором, этнолингвистические группы с низкой витальностью склонны к прекращению существования как отдельная группа, в то время как группы с высокой витальностью, вероятнее всего продолжат существование. В качестве основных факторов, оказывающих влияние на этнолингвистическую витальность, авторы указывают демографическое состояние группы, ее институциональную поддержку и статусный фактор. В представленной теории фокус внимания направлен не на язык, а на этнос или этноязыковую группу, а язык рассматривается лишь как инструмент идентификации принадлежности к данной группе и как один из факторов, определяющих уровень витальности группы.

Предложенная теория этнолингвистической витальности была детально разработана, были выделены переменные, которые могут оказывать влияние на этнолингвистическую витальность. Хотя данное понятие подверглось критике (в качестве основных положений для критики исследователи называют недостатки в раскрытии ключевого понятия, неточные механизмы анализа и измерения этнолингвистической витальности [Husband, Khan, 1982: 193–196]) и несмотря на то, что на современном этапе сохраняются методологические проблемы, которые не позволяют разработать и применить единую технику для измерения этнолингвистической витальности, методика измерения этнолингвистической витальности стала основой для разработки методов измерений языковой витальности.

Так, например, М. Эхала предпринял попытку преодолеть существующие теоретико-методологические проблемы к определению и оценке этнолингвистической витальности языка. Он отталкивается от положения, что «языковая витальность – это функция дискурсивных факторов: ценностей, убеждений и отношений в определенном языковом сообществе» [Ehala: электр. ресурс]. Изучая витальность языка, необходимо учитывать не только объективные факторы (например, правовой статус и экономическую мощь языка), а рассматривать их отражение в общих представлениях группы, т. е. опираться и на субъективные факторы [там же]. Поэтому в своих следующих работах М. Эхала совместно с А. Забродской предложил математическую модель оценки языковой витальности, учитывающую как объективные, так и субъективные факторы, поскольку оценка жизнеспособности языка производится посредством учета коммуникации индивидов, которая не может быть всецело подвержена воздействию только объективных характеристик [Эхала, Забродская, 2011: 6].

На сайте Летнего института лингвистики указано, что языковая витальность определяется степенью, в которой язык используется в качестве средства коммуникации в различных социальных контекстах для конкретных целей [Summer Institute of Linguistics: electr. resource]. Представленное определение подчеркивает зависимость уровня витальности языка от сферы и его частотности употребления, т. е. чем в большем количестве сфер и ситуаций будет использован язык, тем большим уровнем витальности он будет обладать.

При определении языковой витальности необходимо также учитывать влияние функциональных характеристик языка. О.А. Казакевич, Е.М. Будянская, А.П. Евстигнеева, Ю.Б. Коряков и др. отмечают, что в качестве основных функциональных характеристик необходимо рассматривать межпоколенческую передачу языка и сферы, в которых продолжает употребляться язык [Казакевич и др., 2022: 7–47].

Таким образом, понятия «этнолингвистическая витальность» и «языковая витальность» акцентируют внимание на разных аспектах. Понятие этно-

лингвистической витальности подчеркивает зависимость жизнеспособности языка от действий этнолингвистической группы, для которой он является родным. Понятие языковой витальности языка рассматривает сам язык в качестве ключевого актора, развитие которого способно приводить к увеличению или уменьшению его функциональных качеств. Поскольку язык является лишь одним из факторов языковой ситуации, то понятие языковой витальности будет уже понятия этнолингвистической витальности. В то же время витальность языка тесно связана с этнолингвистической витальностью группы.

1.3.2. Факторы, влияющие на витальность языка

Актуальность изучения вопросов витальности языка обусловлена тем, что функционально более востребованные языки (например, имеющие статус государственного) объективно вытесняют менее используемые языки (причем как титульных, так и миноритарных этнолингвистических групп) [Гунжитова, 2020: 42], что свидетельствует о необходимости поставить вопрос о факторах витальности, которые оказывают влияние на изменение ее уровня.

На уровень витальности языка оказывает влияние множество факторов.

Так, Э.В. Хилханова предлагает следующую типологию факторов, оказывающих влияние на витальность языка: 1) внешние факторы – политические, исторические, демографические и др.; 2) внутренние факторы – субъективные, прагматические, фактор идентичности; 3) собственно лингвистические факторы – отсутствие понятий в миноритарном языке, недостаточная языковая компетенция говорящих и др. [Хилханова, 2019: 237]. Ключевым из представленных факторов является политический, поскольку в пределах государства именно властные субъекты принимают решения, утверждают и реализуют конкретные механизмы, направленные на поддержку языка.

Среди наиболее часто обозначаемых факторов исследователи обращают внимание на объективные (не зависящие от воли индивида) и субъективные (ценостные ориентации индивида) факторы. Так, Э.Д. Сулейменова считает, что на изменение уровня витальности языка оказывают влияние субъективные

(ценостные ориентации индивидов, этнолингвистическое самосознание или идентичность) и объективные (социально-политические, социально-демографические, собственно лингвистические, социально-функциональные и национально-культурные) показатели [Сулейменова, 2011: 5–6]. Данная классификация факторов витальности языка тесным образом связана с классификацией компонентов языковой ситуации (см. рис. 1). В данном случае витальность языка выступает в качестве компонента языковой ситуации, позволяющего выразить в количественном отношении, в каком объеме используются языки, социально-коммуникативные системы и подсистемы, функционирующие в обществе.

Объективные факторы витальности языка

Объективные факторы витальности фиксируют независимую от воли носителей языка оценку структурных и функциональных качеств языка. Г. Джайлс выделил три ключевых объективных фактора этнолингвистической витальности: 1) демографическое состояние группы, 2) статус группы, 3) институциональная поддержка [Giles, Bourhis, Taylor, 1977: 309].

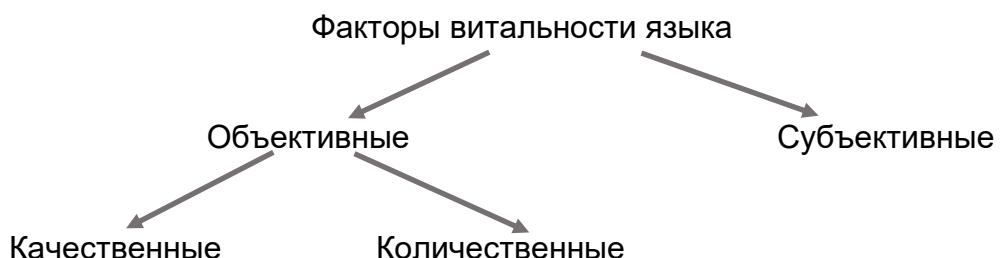

Рисунок 2. Факторы витальности языка

Количественные факторы витальности языка

Количественные факторы фиксируют демографическую мощность языка, которая выражается в числовых значениях. К количественным компонентам можно отнести количество носителей языка, их долю от общей численности населения, динамику изменения количества носителей, количество сфер или областей, в которых используется язык, количество языковых контактов и др.

Качественные факторы витальности языка

Качественные факторы витальности языка акцентируют внимание на внутренних характеристиках этнолингвистической группы и используемого ими языка. Они включают лингвистические характеристики языка носителей, описание языкового окружения этнолингвистической группы, характеристики территории проживания и расселения членов этнолингвистической группы, наличие и/или отсутствие механизмов передачи языка младшему поколению, характеристику реализуемой языковой политики.

Субъективные факторы витальности языка

Субъективные факторы витальности языка представляют собой сформированное отношение носителей к используемому языку, осознание ими своей идентичности и ценности принадлежности к данной этнолингвистической группе.

Понятие этничности или этнической принадлежности многогранно и может быть истолковано по-разному. В литературе, посвященной вопросам политической идентичности, можно выделить два ключевых подхода к определению понятия «этничность».

1. Примордиализм. В рамках данного подхода (см. работы Э. Шилза, К. Гирца, Ж. Габино, А. Розенберга, П. Ван ден Берга) этническая группа рассматривается как естественно сложившаяся группа, основанная на кровнородственных связях. Сторонники примордиализма считают, что «осознание групповой принадлежности заключено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания» [Тишков, 1997: 92]. Основанием для этнической принадлежности выступает общность территории, на которой проживают представители группы, кровное родство и общее происхождение.

2. Конструктивизм. Представители конструктивистского подхода (например Б. Андерсон, Ф. Барт, В.А. Тишков, Л.М. Дробижева) оспаривают тезис о предзаданности этнической принадлежности индивида. Они указывают, что этничность представляет собой искусственное образование или

результат целенаправленной деятельности людей по конструированию этничности. В зависимости от конкретной ситуации этническая принадлежность индивида может быть изменена или сконструирована, например, властными субъектами. В качестве основных этнических маркеров могут выступать религия, язык и др. По мнению Г. Тайфела и Дж. Тернера, на процесс формирования личностной и групповой идентичности оказывают влияние четыре когнитивных процесса: социальная категоризация (social categorization), социальная идентификация (social identity), социальное сравнение (social comparison) и психологическая дифференциация (psychological distinctiveness) [Tajfel, Turner, 1979: 33–47].

Фактор идентичности можно назвать одним из важнейших при оценке витальности языка миноритарной этнолингвистической группы. Осознание членами этнолингвистической группы своей этнической принадлежности является фактически единственным основанием и стимулом для сохранения и дальнейшего использования языка [Хилханова, 2019: 237].

Г. Джайлс и его соавторы, а также М. Эхала в качестве ключевого фактора, влияющего на витальность языка, выделяют эмоциональную привязанность к этнолингвистической группе [Giles, Bourhis, Taylor, 1977; Ehala, 2011]. М. Эхала предлагает делить этносы на «горячие» и «холодные» в зависимости от уровня эмоциональной привязанности к этносу и языку: «горячие этносы» характеризуются высокой степенью эмоциональной привязанности к своей группе и, как следствие, являются более жизнеспособными; «холодные этносы», наоборот, характеризуются низким уровнем эмоциональной привязанности, в результате чего уровень витальности языка у них заметно ниже [Ehala, 2011: 192–194].

На формирование личностной (физической, интеллектуальной и нравственной) и групповой (этнической, социальной, профессиональной) идентичностей влияют социально-психологическим факторы. Участники групп выступают в качестве ключевого фактора для изменений межгрупповой ситуации, которые могут быть обусловлены неудовлетворенностью членов группы своей

социальной идентичностью, осознанием существования когнитивных альтернатив. Обозначенные когнитивные альтернативы определяются степенью ощущаемой стабильности-нестабильности (the perceived stability-instability), восприятием ситуации как законной или незаконной (legitimacy-illegitimacy) и уровнем витальности, который может быть высоким или низким (high-low vitality). В зависимости от значений трех указанных параметров этнические меньшинства, или, как они именуются в рамках концепции этнолингвистической витальности, субординатные (т. е. подчиненные) группы, практикуют одну из трех возможных стратегий изменения ситуации: 1) культурную и психологическую ассимиляцию с доминантной группой; 2) пересмотр негативно воспринимаемых характерных признаков в положительную сторону; 3) создание новых параметров для выгодного отличия от доминантной группы. Альтернативой вышеперечисленным стратегиям является прямая конкуренция внутренней группы с внешней [Giles, Bourhis, Taylor, 1977: 339]. Все эти процессы напрямую влияют и на витальность языка этнолингвистической группы.

Суммируя многообразие классификаций факторов, оказывающих влияние на изменение уровня витальности языка, предложенных исследователями (см.: [Гунжитова, 2020: 42; Боргоякова, 2019: 6; McConnell, 1996: 33–47; Stewart, 1968: 540–545; Белл, 1980: 195–201; Кибрик, 2001: 6–71]), можно привести следующий перечень факторов:

- 1) численность этнической группы и число говорящих на языке этой группы;
- 2) возрастные группы с разной степенью владения языком;
- 3) доля носителей языка в общей численности населения;
- 4) этнический характер браков;
- 5) воспитание детей дошкольного возраста;
- 6) место проживания этноса;
- 7) социально-общественная форма существования этноса;
- 8) национальное самосознание;
- 9) преподавание языка в школе;
- 10) государственная языковая политика;

- 11) владение языком исконными носителями;
- 12) использование языка младшим поколением;
- 13) уровень функциональной развитости языка;
- 14) интенсивность применения языка в разных сферах общения,
- 15) количество социальных функций, выполняемых языком в ключевых сферах: образовании, производстве, административной деятельности, религии, социально-политической сфере, науке, массовой коммуникации;
- 16) языковое окружение и языковые контакты;
- 17) собственно лингвистические параметры и наличие/отсутствие письменности;
- 18) национальное самосознание, отношение членов этнической группы к родному языку;
- 19) место проживания этнической группы.

Представленное многообразие факторов витальности языка демонстрирует, что при определении уровня витальности исследователи исходят из взаимосвязи объективных и субъективных факторов. Безусловно, невозможно детерминировать высокий или низкий уровень витальности языка исключительно численным превосходством представителей определенной этнолингвистической группы, в связи чем невозможно рассматривать объективные и субъективные компоненты изолированно.

1.3.3. Языковая лояльность как составляющая витальности языка

Термин «языковая лояльность» был введен У. Вайнрайхом для обозначения престижа языка и стремления носителей защитить язык. У. Вайнрайх определял языковую лояльность как «явление, при котором язык как целостная сущность, противопоставляемая другим языкам, занимает высокое на шкале ценностей положение, нуждающееся в защите...» [Вайнрайх, 1979: 166]. Исследователь отмечает, что языковая лояльность представляет собой базовое и естественное чувство, которое присуще всем носителям языка. Актуализация данного чувства связана со сформированным у нас отношением

к языку и выражается в естественной реакции на попытку внести изменения в язык. У. Вайнрайх связывает актуализацию языковой лояльности с ситуацией языкового контакта, определяемого им как речевое общение между языковыми коллективами [там же: 167]. В ситуации взаимодействия представителей или групп двух разных языковых коллективов, носители родного языка начинают испытывать чувство большей или меньшей лояльности в зависимости от множества факторов. У. Вайнрайх указывает, что языковая лояльность может принимать разные размеры в зависимости от воздействующих на нее социокультурных факторов [там же: 167].

Дж. Фишманом формулирует следующее определение языковой лояльности – поддержка, которая оказывается группой идиому или готовность носителей отказаться от него, языковые установки группы, выражающиеся в оценках идиома по таким признакам, как эстетическая ценность, высокий или низкий статус, коммуникативная пригодность [Fishman, 1989: 485–497]. Дж. Фишман делает акцент именно на осознанной языковой лояльности, которая в совокупности с положительными установками носителей по отношению к языку в целом может способствовать сохранению и поддержанию стабильности языка.

Т.Г. Боргоякова и А.В. Гусейнова указывают на то, что понятие языковой лояльности может трактоваться двумя способами:

- 1) оценка членами языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса и соответствующая приверженность ему, признание его родным – в данном случае носители оценивают коммуникативную пригодность и престижность языка на основании субъективных факторов;
- 2) уважительное отношение к доминирующему этносу [Боргоякова, Гусейнова, 2019: 342].

Использование второго значения может ввести в заблуждение, поскольку для обозначения уважительного отношения к доминирующему этносу используют понятие «языковая толерантность» (или языковая терпимость) –

«уважительное отношение со стороны численно или социально доминирующего на какой-либо территории этноса, а также соответствующих властных структур к языкам иных этнических групп, проживающих на той же территории (как правило, малочисленных или некоренных), соблюдение гражданских, языковых прав и экономических интересов их носителей, обеспечение возможности пользоваться родным языком в некоторых коммуникативных сферах, количество и состав которых зависит от демографической мощности этих групп, функциональной развитости их языков, исторических традиций бытования этих языков на данной территории» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 267]. Определение понятия языковая толерантность, в отличие от понятия языковая лояльность, фиксирует отношение носителей к чужому языку.

Таким образом, понятие «языковая лояльность» определяет субъективное отношение индивида к языку, формируемое под воздействием внутренних и внешних факторов и выражющееся в использовании или неиспользовании родного языка.

Понятие языковой лояльности тесным образом связано с реализуемой властными субъектами языковой политикой, поскольку она включает в себя вопросы, связанные с функциональным регулированием языков в публично-правовом пространстве на определенной территории. Доминирование в государстве одного из идеологических направлений – языкового пуританства (доминирование одного языка на территории государства, этническая гомогенность) или языкового многообразия (учет и поддержка ценности индивидуального и социального языкового многообразия [McCarty, Warhol, 2011: 177–196]) накладывает отпечаток на формируемое отношение у носителей к родному языку, что приводит к усилению или уменьшению чувства языковой лояльности.

Таким образом, чувство языковой лояльности носителей языка формируется под воздействием внешних и внутренних факторов. Степень языковой лояльности у носителей может приводить как к увеличению функциональной мощности родного языка, так и к отказу от него в пользу доминирующего

языка. В силу того, что языковая лояльность представляет собой совокупность субъективных представлений носителей о родном языке, она является одним из компонентов витальности языка.

1.3.4. Методы изучения витальности языка

Витальность языка представляет собой комплексное понятие, и до сих пор не разработан универсальный метод оценки витальности языка. В целом способы оценки языковой витальности можно разделить на качественные методы, шкалы и количественные индексы.

Качественные методы оценки витальности языка

Один из первых методов для определения этнолингвистической витальности был предложен Г. Джайлсом, Р. Бурхисом, Д. Тейлором. Предложенный ими метод оценивал объективную и субъективную этнолингвистическую витальность. Объективная этнолингвистическая витальность описывалась с помощью демографических характеристик и социальных аспектов изучаемой этнолингвистической группы, а также используемого ею языка [Giles, Bourhis, Taylor, 1977].

В качестве основного метода для оценки субъективной витальности использовался опрос, который позволяет получить большой объем информации об использовании языка представителями этнолингвистической группы в различных сферах деятельности, оценить степень их владения языком, зафиксировать их отношение к языку. Наиболее распространенным является проведение опроса с помощью анкет. Анкета может включать две части: социальную и социолингвистическую. Социальная часть анкеты включает вопросы демографического (пол, возраст респондентов и др.) и социального (место проживания, образование, род деятельности респондента и др.) характера. Социолингвистическая часть анкеты направлена на установление языковой компетенции респондентов по владению родным языком, выявлению сфер его использования, оценки уровня престижности языка и сформированных у респондентов языковых установок.

Качественно-количественный метод оценки витальности языка

Помимо методов, направленных на выявление и объяснение субъективных факторов витальности языка, используются методы для фиксации и количественной оценки уровня витальности языка. М. Ландвир был предложен и апробирован качественно-количественный метод. При исследовании вымирающих языков в Папуа – Новая Гвинея она выявила восемь показателей, оказывающих влияние на этнолингвистическую витальность:

- 1) расположение языкового сообщества на шкале «деревня – город»;
- 2) сферы употребления языка;
- 3) частота переключения с одного языка на другой и тип этого переключения;
- 4) динамика населения и языкового меньшинства;
- 5) распределение носителей в социальной структуре общества;
- 6) престиж языка;
- 7) доступ к стабильной экономической базе;
- 8) выделение этнической группы как самой общностью, так и остальным обществом

[Landweer, 2006: 3–8].

По ее мнению, ни один из представленных показателей не имеет большего веса при определении уровня этнолингвистической витальности. Для каждого из показателей исследователь формулирует вопрос, ответ на который оценивается по шкале от 0 (наиболее низкий потенциал жизнеспособности языка) до 3 баллов (наиболее высокий потенциал жизнеспособности языка) [Landweer, 2016: 1–3]. Далее баллы по каждому показателю суммируются; максимальное количество баллов – 24: от 18 до 24 баллов – высокое значение витальности языка, но при отсутствии воздействия внешних обстоятельств (например, военные действия, социально-экономические кризисы, стихийные бедствия), от 15 до 17 баллов – возможная жизнеспособность языка, от 12 до 14 баллов – для общества характерна ситуация языкового сдвига, менее 12 баллов – язык находится под угрозой исчезновения [там же: 2–3]. Предложенный М. Ландвир метод для оценки витальности языка преодолевает одно-

сторонность качественных методов, предлагая квантизированную оценку уровня витальности (жизнеспособности) языка. Однако настороженность вызывает то, что выделенные факторы рассматриваются во взаимодействии и выделить тот, который приводит к снижению или увеличению уровня витальности языка оказывается невозможным.

Шкалы витальности языка

Для оценки уровня витальности языка, помимо обозначенных показателей, предлагают также включать факторы межпоколенческой передачи, реализуемой государственной политики в отношении языка и использовать шкалы.

В рамках проекта ЮНЕСКО в 2003 г. экспертной группой лингвистов были разработаны 9 критериев для оценки витальности языка [UNESCO: electr. source]:

- 1) передача языка от поколения к поколению;
- 2) общее число носителей языка;
- 3) доля носителей языка в общей численности населения;
- 4) области употребления языка;
- 5) использование языка в новых областях и СМИ;
- 6) наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков грамотности;
- 7) государственная политика в отношении данного языка, включая его статус и использование;
- 8) отношение членов сообщества к родному языку;
- 9) вид и качество документации.

Ключевым параметром для оценки уровня витальности языка выступает межпоколенческая передача языка от поколения к поколению. Представленная шкала насчитывает 6 уровней, где 0 соответствует исчезнувшему языку, а значение 5 свидетельствует о высокой степени благополучия языка (см. табл. 2).

М. Краусс предложил шкалу для оценки уровня витальности языка во многом схожую со шкалой ЮНЕСКО (см. табл. 3). Отталкиваясь от базового

противопоставления языков на благополучные, находящиеся под угрозой и исчезнувшие, М. Краусс предлагает детализировать категорию языков, находящихся под угрозой исчезновения, поскольку именно они вызывают наибольшую сложность [Krauss, 2007: 1].

Таблица 2
Шкала витальности ЮНЕСКО

Уровень витальности	Межпоколенческая передача языка
Safe (благополучный)	Языком владеют представители всех поколений; передача языка от родителей к детям сохраняется
Vulnerable (уязвимый)	В большинстве случаев дети владеют языком, однако его использование ограничено рядом сфер (например, семейно-бытовым общением)
Definitely endangered (под угрозой исчезновения)	Передача языка детям прервана; взрослые говорят на языке, а дети нет
Severely endangered (под существенной угрозой исчезновения)	Происходит процесс языкового сдвига в обществе: языком владеют лишь представители старшего поколения; поколение родителей может лишь понимать язык, но не используют его для общения друг с другом и детьми
Critically endangered (на пороге исчезновения)	Процесс языкового сдвига завершен: самыми молодыми носителями языка являются представители старшего поколения, которые используют язык достаточно редко
Extinct (исчезнувший)	Не осталось носителей языка

Таблица 3
Шкала витальности М. Краусса

Статус	Уровень	Описание	
Safe (благополучный)	A+	На языке говорят представители всех поколений, включая детей; прогноз относительно сохранения и передачи языка детям благополучный	
Endangered (под угрозой исчезновения)	Stable (стабильный)	A	На языке говорят представители всех поколений, в частности, дети
	Instable (нестабильный)	A-	Часть детей говорит на языке
	Definitely endangered (под угрозой исчезновения)	B	Дети не говорят на языке; самыми молодыми являются родители и представители старшего поколения
	Severely endangered (под существенной угрозой исчезновения)	C	Самыми молодыми носителями является старшее поколение (бабушки, дедушки)
	Critically endangered (на пороге исчезновения)	D	Носителей осталось немного, в основном среди представителей поколения прабабушек и прадедушек
Extinct (исчезнувший)	E	Не осталось носителей языка	

Шкала Graded Intergenerational Disruption Scale (GIDS), разработанная Дж. Фишманом, фиксирует в качестве основания для оценки витальности языка сферу его использования. Разработанная Дж. Фишманом шкала для оценки уровня витальности языка, а также положения шкалы ЮНЕСКО выступили в качестве основания для шкалы межпоколенческой утраты языка Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale (EGIDS) [Lewis, Simons, 2010: 104–107, 109–117].

Шкала EGIDS представляет собой попытку предложить универсальный инструмент для анализа витальности любого языка (см. табл. 4). Уровень витальности в представленной шкале определяется на основании двух параметров: официальный статус и сферы использования языка.

В основании шкалы витальности ELCat лежит индекс уязвимости языков (Language Endangered Index), который включает в себя такие параметры, как межпоколенческая передача, абсолютное число носителей языка, динамика соотношения численности говорящих и величины этнической группы, сфера использования языка. Каждому из представленных параметров присваивается значение в диапазоне от 0 (наиболее благоприятная ЯС) до 5 (наиболее неблагоприятная ЯС) [Endangered Languages Project: electr. resource].

Далее значение обозначенных факторов суммируются (максимальное значение суммы факторов – 25). Уровень витальности языка по шкале ELCat вычисляется как процентное соотношение полученного значения факторов к максимально возможному (см. табл. 5).

В соответствии со шкалой ELCat можно выделить уровни витальности языка [Endangered Languages Project: electr. source]. (см. табл. 6).

Таблица 4

Шкала витальности EGIDS

Уровень	Статус	Описание
0	International (международный)	Язык используется в международной торговле, обмене знаниями и в политике.
1	National (государственный)	Язык используется в образовании, в производственной сфере, в СМИ, в административной и законодательной сферах.
2	Provincial (региональный язык)	Язык используется в образовании, в производственной сфере, в СМИ и в региональных органах власти.
3	Wider communication (язык межэтнического общения)	Язык используется на определенной территории в производственной сфере и СМИ как язык межэтнического общения, не имея при этом официального статуса.
4	Educational (язык образования)	Интенсивно используемый стандартизированный язык с богатой литературой, устойчивость которого обеспечивается разветвленной системой институционально поддерживаемого образования.
5	Developing (развивающийся)	Интенсивно используемый язык, имеющий стандартизированную форму, на основе которой существует литература, однако эта форма еще недостаточно широко распространена и неустойчива.
6a	Vigorous (благополучный)	Носителями языка являются представители всех поколений, языковая ситуация стабильна.
6b	Threatened (под угрозой исчезновения)	Носителями языка являются представители всех поколений, но общая численность носителей сокращается.
7	Shifting (развитие языкового сдвига)	Самыми молодыми носителями языка являются представители поколения родителей; передача языка детям прервана.
8a	Moribund (обреченный на смерть)	Самыми молодыми активными носителями языка являются представители старшего поколения.
8b	Nearly extinct (на пороге исчезновения)	Самыми молодыми представителями языка являются представители старшего поколения, которым редко представляется возможность использовать язык.
9	Dormant (спящий)	Язык служит маркером национальной идентичности этнической группы, но не используется в общении, сохраняя исключительно символическое значение.
10	Extinct (исчезнувший)	Язык не используется, и национальная идентичность этнической группы больше не ассоциирована с языком.

Таблица 5

Характеристика факторов витальности языка шкалы ELCat

Уровень витальности	Межпоколенная передача	Абсолютное число говорящих	Соотношения численности говорящих и величины этнической группы	Сфера использования
5 critically endangered (на пороге исчезновения)	Осталось несколько носителей старшего поколения.	1–9	Небольшой процент сообщества говорит на языке, число говорящих уменьшается очень быстро.	Язык используется в нескольких особых сферах, таких как обряды, молитвы, или при определенных бытовых действиях.
4 severely endangered (под существенной угрозой исчезновения)	Многие из старшего поколения говорят на языке, молодые люди не говорят.	10–99	Меньше половины сообщества говорит на языке; число говорящих уменьшается ускоренными темпами.	Язык используется в основном дома и в кругу семьи, и может быть не основным в этих сферах для многих членов общества.
3 endangered (под угрозой исчезновения)	Некоторые взрослые говорят на языке, но передачи языка не происходит. Дети не говорят на языке.	100–999	Только около половины членов говорит на языке. Число говорящих неуклонно снижается, но не ускоренными темпами.	Язык главным образом используется в семейно-бытовом общении, но сохраняет статус основного языка в этой сфере для многих.
2 threatened (начало языкового сдвига)	Большинство взрослых владеют языком; детям язык не передается.	1000–9999	Большинство членов сообщества говорят на языке. Численность носителей постепенно сокращается.	Язык используется в некоторых неофициальных сферах наряду с другими языками и является основным языком в сфере семейно-бытового общения для многих членов.
1 vulnerable (уязвимый)	Большинство взрослых и некоторые дети владеют языком.	10000–99999	Большинство членов сообщества или этнической группы говорят на языке. Численность носителей может сокращаться.	Язык используется в большинстве сфер, включая официальные.
0 safe (благополучный)	Языком владеют представители всех поколений, включая детей.	>100000	Почти все члены сообщества или этнической группы говорят на языке, численность говорящих стабильна или увеличивается.	Язык используется в большинстве сфер, включая официальные.

Таблица 6

Шкала витальности ELCat

Наименование статуса витальности	Уровень витальности, %
Safe (благополучный)	0
Vulnerable (уязвимый)	1–20
Threatened (начало языкового сдвига)	21–40
Endangered (под угрозой исчезновения)	41–60
Severely endangered (под существенной угрозой исчезновения)	61–80
Critically endangered (на пороге исчезновения)	81–100

Сотрудниками Института языкоznания РАН в рамках проекта «Языки России» были проанализированы языки Российской Федерации. Согласно критериям данного проекта языками России считаются те языки, которые удовлетворяют хотя бы одному из следующих критериев:

- 1) языки, носители которых проживают в компактных поселениях (т. е. таких, где процент говорящих на данном языке составляет более 20%);
- 2) языки, носители которых проживали в недавнем прошлом (в пределах 100–150 последних лет) в компактных поселениях и все еще образуют соответствующую этническую группу;
- 3) языки, половина или более носителей которых проживают на территории РФ [Список языков России (v2023): электр. ресурс].

На 2023 год количество живых языков России – 155, количество языков России, заснувших и/или исчезнувших с начала XX века – 15 [там же].

Сотрудниками Института языкоznания РАН также была предложена классификация языков России по степени их витальности. Основаниями классификации языков по степени витальности выступили следующие ключевые социолингвистические параметры:

- 1) наличие межпоколенческой передачи языка;
 - 2) наличие регулярной коммуникации на языке;
 - 3) наличие носителей языка (в таблице показана также ориентировочная численность, для конкретных языков может существенно отличаться)
- [Проект «Языки России»: электр. ресурс].

В Таблице 7 представлена классификация статусов витальности языков России [Список языков России (v2023): электр. ресурс].

Таблица 7

Классификация статусов витальности языков России

Индекс	Название статуса	Описание	Межпоколенческая передача	Регулярная коммуникация	Носители
1А	исчезнувшие	Последние активные носители умерли в XX веке	нет	нет	0
1Б	заснувшие	Последние активные носители умерли в XXI веке	нет	нет	0
1В	засыпающие	Регулярная коммуникация не происходит	нет	нет	~1–40
2А	прерванные	Межпоколенческая передача прервана на всем ареале	нет	ограничена	~10–5 000
2Б	прерывающиеся	Межпоколенческая передача сохраняется на небольшой территории, которая составляет незначительную часть всего ареала сообщества	резко ограничена (территориально)	да	~100–50 000
3А	локализованные	Межпоколенческая передача сохраняется на значительной части ареала сообщества. Ареал характеризуется небольшим размером и/или труднодоступностью. Языковое сообщество обычноmono-этнично и проживает компактно, хозяйствование близко к традиционному. Языковая инфраструктура развита слабо.	сохраняется (в ограниченном ареале)	да	~300–100 000
3Б	ограниченные сельские	Межпоколенческая передача сохраняется на заметной территории ареала сообщества преимущественно в сельской местности, в редких случаях сохраняется и в городских условиях. Языковая инфраструктура развита в разной степени, языки функционально ограничены. Языки часто имеют статус государственного языка в республиках.	ограничена в сельских условиях	да	~6 500–1 млн.
3В	ограниченные городские	Межпоколенческая передача сохраняется на значительной части ареала сообщества, часто также в городских условиях. Владеющие языком составляют значительный процент (в том числе преобладание) на территории региона. Языковая инфраструктура сравнительно развита, но языки функционально ограничены. Языки обычно имеют статус государственного языка в республиках.	ограничена в городских условиях	да	~40 000–5 млн.
4А	стабильные	Миноритарный язык, для которого стабильна межпоколенческая передача, обеспеченная развитой языковой инфраструктурой.	да	да	<5 млн.
4Б	благополучные	Мажоритарный язык со стабильной межпоколенческой передачей и обеспеченный развитой языковой инфраструктурой.	да	да	>5 млн.

Представленные модели и шкалы демонстрируют вариативность в оценке уровня витальности языка, однако все они без исключения учитывают основные демографические и социолингвистические характеристики. В качестве ключевых недостатков шкал витальности языка можно отнести отсутствие возможности присвоить языку только одно значение уровня витальности по шкале, поскольку разные локальные варианты языка могут иметь различную степень витальности [Казакевич и др., 2022: 43–45]. При построении шкал используются значения переписи населения для фиксации значений числа говорящих на языке. Использование значений из переписи населения не дает возможности реально оценить степень владения языком, поскольку респонденты могут предоставлять некорректные данные.

Количественная оценка витальности языка этнической группы М. Эхала

М. Эхала, соглашаясь с положениями теории витальности, предложенной Г. Джайлсом, Р. Бурхисом и Д. Тейлором и рассмотренной выше, отмечает, что данная классическая теория имеет недостатки: ключевое понятие витальности не определено точно, в связи с чем отсутствуют адекватные факторы для ее оценки. М. Эхала и А. Забродская отмечают, что наряду с объективными факторами и самоощущением группы есть и другие социально-психологические характеристики, оказывающие влияние на витальность. Исходя из вышесказанного, М. Эхала и А. Забродская предлагают обновленную модель для оценки витальности, которая основывается на взаимодействии четырех факторов [Эхала, Забродская, 2011: 10–15]:

- 1) межэтнического соотношения сил (ощущаемый сравнительный межэтнический потенциал);
- 2) межэтнического диссонанса;
- 3) утилитаризма;
- 4) межэтнической дистанции.

Ощущаемый сравнительный этнический потенциал (*PSD – perceived strength differential*) выражает оценку членами этнолингвистической группы

своей силы ($S_{мы}$) в сравнении с силой другой группы ($S_{они}$). Представления о силе формируются на основании таких показателей, как экономический, социальный и культурный статус группы, демографическая мощность (например, численность населения и доля представителей титульной или миноритарной группы) и сила социальных институтов [там же: 10–11]. Психологический компонент в этом случае заключается в необходимости человека принадлежать к определенной социальной или этнолингвистической группе, чтобы сохранять свою самооценку или поддерживать социальный статус.

Связь между ощущаемой разницей межэтнического соотношения сил и витальностью языка (V) может быть описана в виде формулы [Эхала, 2010: 84]:

$$V = PSD = S_{мы} - S_{они}$$

Если значение $S_{мы}$ ниже значения $S_{они}$, то $V < 0$. Это означает, что в социальной среде группа ощущает себя слабой. Такое восприятие указывает на низкую витальность тем больше, чем меньше значение V . Если $V = 0$, то группы ощущают себя как равные; если же $V > 0$, то свою группу воспринимают сильнее другой [там же: 84].

Ощущаемый сравнительный этнический потенциал по своей сущности когнитивен и эмоционально нейтрален, т. е. должен отражать действующие различия реалистично. При помощи коммуникации, естественно, можно влиять на этот потенциал так, что результат будет положительным или отрицательным [Эхала, Забродская, 2011: 11].

Ощущаемый межэтнический диссонанс (D – perceived interethnic discordance) выражает оценку членами группы легитимности и доверительности межэтнических отношений [Эхала, Забродская, 2011: 11]. Чем более легитимными (или узаконенными) видятся отношения между представителями двух этнолингвистических групп, тем ниже уровень межэтнического диссонанса.

Влияние межэтнического диссонанса на витальность языка может быть выражена в виде следующего соотношения [Эхала, 2010: 84]:

$$V = (S_{мы} - S_{они}) + D$$

Чем выше значение D, тем выше уровень V (вitalности). Даже если значение ощущаемого сравнительного этнического потенциала будет иметь отрицательное значение, высокое значение D может изменить значение V на положительное и продемонстрировать высокий уровень витальности [Эхала, Забродская, 2011: 12].

На межэтнический диссонанс оказывает влияние межгрупповая доверительность, исторический опыт и взаимоотношения между этнолингвистическими группами. Уровень взаимного доверия и уровень легитимности находятся между собой в определенном соотношении – чем более доверительны межгрупповые отношения, тем более легитимными они воспринимаются [там же: 11–12].

Утилитаризм (*U* – index of utilitarianism) демонстрирует, как высоко члены группы ценят свою культуру, язык, традиции и насколько важным оказывается передача знаний, ценностей из поколения в поколение [там же: 12–13]. Люди с утилитарной оценкой при принятии решений отталкиваются от экономических выгод, которые они получат, если выберут тот или иной язык. Это может означать, что люди с высоким уровнем эгоистичности будут мало заинтересованы в сохранении родного языка и скорее выберут дугой язык (например, государственный или *lingua franca*), что снизит уровень витальности языка миноритарной этнолингвистической группы.

Влияние утилитаризма на витальность языка может быть выражено следующим образом:

$$V = U \times ((S_{мы} - S_{они}) + D)$$

Индекс утилитаризма колеблется в диапазоне от 0 до 2. Если индекс утилитаризма равен 0, то представленную этнолингвистическую группу можно назвать традиционной, для которой будет характерно сохранение своих культурных традиций. В данном случае значение *V* будет равно 0. В случае, если

$U = 1$, будет зафиксировано равновесие между утилитарными и традиционными ценностями в обществе и на значение V будут оказывать влияние другие факторы. Если значение $U > 1$, то значение V будет уменьшаться [там же: 13].

Межэтническая дистанция (R) представляет собой сумму расовых, этнических, языковых и культурных различий. Чем выше различия между двумя группами, тем сложнее применять стратегию социальной мобильности для улучшения жизненного уровня: несмотря на все усилия, невозможно будет скрывать свое происхождение, и это неизбежно будет тормозить смену идентичности [там же: 14]. Таким образом, чем больше дистанция, тем выше мотивация к коллективным действиям.

Межэтническая дистанция включается в модель следующим образом:

$$V = U \times ((S_{мы} - S_{они}) + D) / R$$

Межэтническая дистанция принимает значения от 1 до 2. В случае, если $R = 1$, то значение V не изменяется. В случае, когда $R = 2$ (максимальная межэтническая дистанция), значение витальности будет повышенено [там же: 14–15].

М. Эхала отмечает, что предложенная модель подходит для оценки этнолингвистической витальности языка миноритарной группы только в том случае, если ощущаемый сравнительный этнический потенциал принимает отрицательные значения, то есть $PSD < 0$. Для оценки витальности групп большинства в предложенную модель необходимо внести изменения в части фактора утилитаризма и межэтнической дистанции.

Формула для оценки витальности языка доминирующей этнолингвистической группы будет выглядеть следующим образом:

$$V = R \times ((S_{мы} - S_{они}) + D) / U$$

Чем выше значение межэтнической дистанции между группами (R), тем выше значение уровня витальности языка (V); чем выше значение утилитаризма (U), тем ниже значение уровня витальности (V) [там же: 15].

Количественная оценка витальности языка Г. Экстра

Г. Экстра совместно с группой лингвистов разработал метод оценки языковой витальности путем вычисления индекса витальности языка (*LVI – Language Vitality Index*) [Extra, Yağmur, 2008: 139–140]. Причиной создания индекса витальности послужила ограниченность и отсутствие возможности для применения во многих случаях теории этнолингвистической витальности, разработанной Г. Джайлсом, Р. Бурхисом, Д. Тейлором [Giles, Bourhis, Taylor, 1977].

В разработанной исследователями анкете фигурировали следующие пять параметров:

- 1) языковая способность (*language proficiency*) характеризует умения носителя языка писать, читать, говорить и воспринимать на слух;
- 2) языковой выбор (*language choice*) отражает выбор индивидом языка из числа имеющихся в языковой ситуации общества;
- 3) языковое доминирование (*language dominance*) показывает, каким языком индивид владеет лучше всего;
- 4) языковое предпочтение (*language preference*) характеризует языковые пристрастия индивида;
- 5) языковое разнообразие (*language variety*) отражает языки, которые используются индивидом вместо языка, доминирующего в обществе или в дополнение к нему

[Broeder, Extra, 1999: 35–36].

Из числа обозначенных параметров только четыре были использованы для составления языкового профиля и анализа языковой ситуации в Нидерландах: языковая способность, языковой выбор, языковое доминирование и языковое предпочтение [там же: 25–27]. В данном исследовании были проанализированы миноритарные языки, функционирующие наряду с голландским. Основной фокус-группой выступили учащиеся школ.

В более позднем исследовании миноритарных языков в многонациональных европейских городах Г. Экстра были составлены языковые профили миноритарных языков и получены значения их витальности [Extra, Yağmur,

2008]. Для количественной оценки уровня витальности языка были операционализированы и использованы следующие индексы:

- 1) индекс языкового выбора (I_{ch}) направлен на выявление языка, на котором происходит общение с матерью;
- 2) индекс языкового доминирования (I_{dom}) определяет, какая часть носителей миноритарного языка владеет родным для них языком, отличным от доминирующего;
- 3) индекс языкового предпочтения (I_{pref}) направлен на выявление языка (помимо доминирующего), которому отдается предпочтение;
- 4) индекс языковой способности (I_{prof}) характеризует способность индивида читать, писать, говорить и воспринимать на слух информацию на родном языке

[там же: 139–141].

Итоговый индекс витальности (LVI) выводится как среднее арифметическое всех индексов, вычисленных для всех четырех параметров. Таким образом, формула индекса витальности языка выглядит так:

$$LVI = \frac{I_{ch} + I_{dom} + I_{pref} + I_{prof}}{4}.$$

Необходимо отметить, что в данном исследовании для расчета индекса витальности коми-пермяцкого языка как основа будет использован именно индекс витальности, разработанный Г. Экстра и его соавторами. Данный индекс витальности языка позволяет учесть широкий перечень параметров (объективных и субъективных), которые могут оказывать влияние на витальность языка миноритарной группы в обществе³. Однако в данной формуле не учтены демографические данные, которые, безусловно, влияют на уровень витальности языка. Помимо этого, не в полном объеме рассмотрено функционирование языка в семейной и внесемейных сферах и не включен один из важнейших

³ Разработанная М. Эхала формула для оценки витальности языка также позволяет получить объективные данные об уровне витальности миноритарной этнолингвистической группы, однако эта формула содержит множество сложно получаемых параметров и требует применения особого типа анкетирования, что затрудняет ее использование.

параметров витальности языка – межпоколенческая передача. Поэтому в настоящем исследовании данная формула была нами модифицирована (см. пункт 3.4.1).

1.4. Выводы

Языковая ситуация – понятие, которое на современном этапе развития не имеет единого определения в связи с разнообразием точек зрения исследователей на сущностные характеристики данного явления. Многообразие компонентов ЯС и их сочетание позволяют рассматривать ЯС как совокупность языков, социально-коммуникативных систем и подсистем, находящихся во взаимодействии в пределах определенной территории и обслуживающих общение членов данного языкового сообщества. Однако такая характеристика ЯС учитывает исключительно объективные компоненты, игнорируя субъективные. Для описания и выявления основных изменений в ЯС региона необходимо учитывать сформированные установки или отношение индивидов к используемому ими языку. В настоящей работе в качестве рабочего принимается следующее определение языковой ситуации: языковая ситуация – функционирующая в границах определенной территориально-административной общности совокупность языков социально-коммуникативных систем и подсистем (с учетом количества их носителей, их статуса и родственных отношений), находящихся во взаимодействии, и представления их носителей о функциональных возможностях и престижности данных языков и подъязыков.

Низкий уровень престижности языка, высокие «затраты» на изучение родного языка, сужение количества сфер или ситуаций, в которых он может быть использован, могут сформировать устойчивую установку индивидов об отсутствии необходимости использовать родной язык [Wickström, Templin, Gazzola, 2018]. Отказ от использования родного языка или сокращение количества сфер, в которых он может быть использован в виду объективных или субъективных факторов, может свидетельствовать о происходящем переходе

к использованию другого языка, например, государственного или языка-макропосредника. Одним из подобных вариантов может выступать ситуация языкового сдвига, при которой носители языка перестают говорить на родном для них языке по причине низкой престижности. Языковой сдвиг, как один из вариантов развития ЯС, детерминирован исключительно социально-экономическими и политическими процессами, разворачивающимися на территории субъекта. В случае, если политическими акторами или носителями языка не будут предприняты шаги по сохранению, стимулированию изучения и продвижению языка титульной для субъекта группы, крайним вариантом развития ЯС может явиться «языковая смерть».

Несмотря на огромное количество работ, посвященных анализу языковых ситуаций в субъектах Российской Федерации и территорий иностранных государств, мало внимания уделено случаям поддержания языковой стабильности, а также подробно не описан механизм перехода от равновесной, сбалансированной ЯС к неравновесной и несбалансированной. Отсутствие понимания основных триггеров, приводящих к языковому сдвигу или в крайнем случае к языковой смерти, исключают возможность выработки рекомендаций для акторов по стабилизации ЯС.

В связи с многообразием и разновекторностью происходящих событий, которые оказывают непосредственное воздействие на язык и ЯС на определенной территории, важным оказывается подробное выявление и рассмотрение объективных и субъективных компонентов, среди которых особое внимание необходимо уделить оценке витальности (жизнеспособности) языка. Витальность языка, понимаемая как «способность группы вести себя отличительной и активной коллективной единицей в межгрупповом общении», выступает в качестве ключевого количественного показателя ЯС, позволяющего спрогнозировать и зафиксировать происходящие изменения в обществе [Эхала, Забродская, 2011: 6–7].

Хотя до сих пор не существует единого подхода к определению витальности языка и, как следствие, единого метода для оценки уровня витальности

языка, многообразие качественных и количественных методов для ее оценки позволяют выявить как объективные, так и субъективные характеристики индивидов в отношении родного языка и экстраполировать полученные результаты относительно функционального статуса данного языка в обществе. Таким образом, выявление и объяснение уровня витальности языка в пределах конкретной территории позволит оценить и объяснить функциональное состояние языков, языковых систем, используемых носителями.

Глава 2. КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ ЯЗЫК В ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

2.1. Краткая характеристика коми-пермяцкого языка

2.1.1. История коми-пермяцкого языка

Коми формировались на основе северных пермских племен, которые на базе ананьинской культуры сложились в гляденовскую общность, распространившуюся в III в. до н. э. – IV в. н.э. на верхней Каме и верхней Вычегде; в дальнейшем из нее в IX в. выросли другие археологические культуры: ломоватовская и сменяющая ее родановская в Верхнем Прикамье, а также ванвиздинская и вымская в бассейне Вычегды [Напольских, 1997: 55]. Разделение археологических культур между бассейнами Камы и Вычегды, по мнению В.В. Напольских, согласуется с тем, что сейчас под общим самоназванием коми существует два народа: коми-зыряне, живущие в основном на территории Республики Коми (изначально – бассейн Вычегды), и коми-пермяки, живущие в основном на территории Коми-Пермяцкого национального округа в Пермской области (Верхнее Прикамье) [там же: 55–56]. Таким образом, коми-пермяки – это коренное население территории современного Пермского края.

Процесс оформления народности у коми-пермяков произошел в рамках Русского государства во второй половине XV в. [Чагин, 2013: 9]. Это совпало с завершением процесса «собирания» русских земель, укрепления и возвышения статуса Московского княжества и начала оформления государственности. Уже к XVI в. складываются две обособленные группы коми-пермяков: зюздинцы, живущие на Верхней Каме в Афанасьевском районе Кировской области, говорящие на верхнекамском диалекте коми-пермяцкого языка, и язывинцы, живущие по р. Язьве в Красновишерском районе на северо-востоке Пермской области [Напольских, 1997: 58]. Значительная часть коми-пермяков проживала в Верхнем Прикамье.

До конца XVIII в. протекали процессы этнической консолидации коми-пермяцкого народа. В результате компактное проживание коми-пермяков

сложилось на территориях Оханского, Чердынского и Усольского уездов Пермской губернии, Орловского и Глазовского уездов Вятской губернии [Каменских, 2021: 20–21].

Язык коми-пермяков относится к пермской группе финно-угорской ветви уральской языковой семьи [Язык и общество, 2016: 219]. В. В. Напольских предложена схема родословного древа уральской семьи языков, согласно которой удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий языки восходили к пермскому праязыку. Выделение собственно коми-пермяцкого языка произошло в XIV–XV вв. [Напольских, 1997: 267]. Несмотря на существующие различия в ударении, синтаксисе, морфологии, в коми-пермяцком и коми-зырянском языках обнаруживаются черты, свидетельствующие об общности их происхождения: общие пласти лексики, наличие суффиксов, выражающих многократность или мгновенность совершения действия, наличие притяжательных суффиксов [Баталова: электр. ресурс]. В.И. Лыткин указывает на то, что несмотря на большую близость коми-пермяцкого и коми-зырянского языков, между ними есть и известные различия, что и послужило одним из оснований для создания коми-пермяцкого литературного языка [Лыткин, 1962: 11].

После событий 1917 г. коми народ получил автономию: в 1921 г. была создана автономная область Кomi (коми-зырян), в дальнейшем преобразованная в Республику Кomi [Напольских, 1997: 59]. Эти события актуализировали вопрос об этнической принадлежности пермяцкого населения Пермской губернии. С одной стороны, этнически коми-пермяки были близки соседнему зырянскому населению, с другой – исторически и экономически тяготели к Пермской губернии [Каменских, 2021: 24–25]. Вопрос о коми-пермяках и их статусе был окончательно решен лишь в 1925 г., когда был создан Кomi-Пермяцкий национальный округ Уральской области. На протяжении XX в. данный субъект именовался по-разному: 1934–1938 гг. – Кomi-Пермяцкий округ Свердловской области, 1938–1977 гг. – Кomi-Пермяцкий национальный округ Пермской (в 1940–1957 гг. – Молотовской) области, 1977–1992 гг. – Кomi-Пермяцкий автономный округ в составе Пермской области, 1992–2005 гг. –

Коми-Пермяцкий автономный округ (с декабря 1993 г. как равноправный субъект РФ) [Каменских, 2021: 14]. По итогам референдума от 7 декабря 2003 г. большинство жителей Коми-Пермяцкого автономного округа высказались за объединение округа с Пермской областью; с 2005 г. Коми-Пермяцкий автономный округ был преобразован в Коми-Пермяцкий округ, в составе Пермского края.

2.1.2. Типологические черты коми-пермяцкого языка

Фонетика

Коми-пермяцкий язык включает в себя 33 фонемы: *a, б, в, г, д, дь (д')*, *дж (з), дз (з')*, *жс, з, зь (з')*, *и, ѹ, к, л, ль (л')*, *м, н, нь (н')*, *о, ѕ, н, р, с, сь (с')*, *т, тши (твердое ч), ть (т')*, *у, ч (ч')*, *и, ы, э* [Лыткин, 1962: 57]. В коми-пермяцком языке семь гласных фонем, из них две переднего ряда (*и, э*); все гласные звуки имеют одинаковую долготу. Коми-пермяцкий язык характеризуется отсутствием стечения гласных и согласных звуков в начале исконных слов и в начале морфем, отсутствием стечения гласных и ограниченностью стечения двух согласных звуков в конце исконных слов и морфем [там же: 6]. Гласные и согласные в основном распределены равномерно, однако ряд диалектов характеризуется использованием в слове нескольких гласных подряд. В исконных коми-пермяцких словах отсутствуют согласные *ф, х, ң*, они встречаются лишь в русских заимствованиях [там же: 6, 57].

Морфология

Коми-пермяцкий язык с типологической точки зрения относится к агглютинативным языкам, для которых ключевым типом словоизменения является присоединение к основе формантов (суффиксов или префиксов), каждый из которых несет только одно значение. Однако в коми-пермяцком языке наблюдаются и черты флексивности [Русская спонтанная речь коми-пермяков, 2014: 9].

Наиболее распространенными типами словообразования являются аффиксальный (суффиксальный, приставки для коми-пермяцкого языка

не характерны), словосложение и транспозиция (переход одной части речи в другую). Наиболее продуктивным способом из представленных является аффиксальный способ [Письменные языки мира, 2003: 220].

В коми-пермяцком языке можно выделить знаменательные части речи – имя существительное, имя прилагательное, глагол, имя числительное, наречие, местоимение; служебные части речи – послелоги, частицы, союзы; междометия. Необходимо отметить, что в коми-пермяцком языке отсутствуют предлоги, однако есть послелоги [Лыткин, 1962: 7–10].

В коми-пермяцком литературном языке представлены следующие грамматические категории:

- 1) число (единственное и множественное);
- 2) падеж (17 форм);
- 3) лицо;
- 4) личнопритяжательность (посессивность);
- 5) степени сравнения имени прилагательного (сравнительная и превосходная);
- 6) время (настоящее, будущее, прошедшее первое, прошедшее второе);
- 7) наклонение (изъявительное и повелительное)

[Лыткин, 1962: 7–10].

Грамматические категории одушевленности/неодушевленности, вида и залога выражены в языке нечетко, категория грамматического рода отсутствует [там же].

Синтаксис

В коми-пермяцком языке употребляются как простые, так и сложные предложения. Простые предложения могут быть односоставными/двусоставными, распространенными или нераспространенными, полными или неполными. Сложные предложения могут быть сложносочиненными или сложноподчиненными. Связь между компонентами сложного предложения может быть выражена с помощью союзов, союзных слов или без них.

Главные члены предложения: подлежащее, выраженное именем в nominativе, сказуемое – глагол. Глагольное сказуемое согласуется только с подлежащим. Предложение оформляется в соответствии с жестким порядком слов:

- 1) определение предшествует определяемому слову;
- 2) во всех отглагольных оборотах – причастных, деепричастных и в оборотах с отглагольными существительными – зависимые слова предшествуют отглагольным словам, которые всегда замыкают отглагольный оборот

[Лыткин, 1962: 10].

Лексика

По происхождению слова современного коми-пермяцкого языка делятся на две группы: исконно коми-пермяцкие слова и заимствования [Лыткин, 1962: 114]. Ядро лексики коми-пермяцкого языка включает в себя слова, которые были унаследованы от финно-угорского языка, общепермскую лексику и собственно пермяцкие слова [там же: 115]. Собственно пермяцкие слова представляют собой реалии, которые связаны с культурой и занятиями коренного населения, описанием природы и ее явлений, бытом и приготовлением пищи. После принятия и распространения христианства происходит активное заимствование слов из русского языка [там же: 125].

2.1.3. Диалектное членение коми-пермяцкого языка

Развитие коми-пермяцкой культуры и языка происходило не концентрировано, т. е. не в рамках единой территории, что наложило отпечаток на развитие коми-пермяцкого языка, который на современном этапе характеризуется существованием ряда диалектных вариантов. Необходимо отметить, что отсутствие единого подхода к классификации языков коми и отсутствие четких критериев для их различия приводит к разнообразию выделяемых территориальных диалектов или говоров в рамках одного языка.

Н.А. Рогов одним из первых указал на наличие нескольких территориально-языковых разновидностей коми-пермяцкого языка. Он предложил клас-

сификацию, в основании которой лежало употребление фонем /v/ и /l/: коренное (северные и восточные части иньвенской дачи) и южное (юго-западные части иньвенской дачи) наречия [Рогов, 1860: 5–7].

Первая научная классификация диалектов коми-пермяцкого языка была сделана В.И. Лыткиным, который писал, что «территориальные разновидности коми-пермяцкой речевой системы в пределах Коми-Пермяцкого округа можно объединить в два говора (или, вернее, в две диалектные группы) северный и южный» [Лыткин, 1962: 27]. В основании для выделения предложенных диалектных групп лежит территориальный признак. Северную диалектную группу он также называл косинско-камской, в составе которой выделял лупьинский говор, распространенный в бассейне р. Лупьи, занимающий Мысовский сельсовет. Однако большинством лингвистов лупьинский говор не выделяется как особый, поскольку он распространен на территории лишь одного Мысовского сельсовета. В южной диалектной группе им были выделены следующие говоры: оньковский, нижнеиньвенский, нердинский, кудымкарско-иньвенский [Лыткин, 1962: 29]. Ученый также акцентирует внимание на том, что употребление /l/ и /v/ введено в коми-пермяцкий язык искусственно, потому что употребление этих звуков, представляя собой срединный тип между северными (сильно «лэкающими») и южными (сильно «вэкающими») коми-пермяцкими говорами, сближает эти две диалектные группы [там же: 44].

Таким образом, в самом общем виде в коми-пермяцком языке можно выделить две группы диалектов:

- 1) северную группу;
- 2) южную группу.

В данную классификацию не включены диалекты язывинцев (этнолингвистическая группа, проживающая в бассейне р. Язывы в Красновишерском районе Пермского края) и зюздинцев (этнолингвистическая группа, проживающая на территории Кировской области), поскольку основанием для их выделения выступает территориальный признак. Носители южной и северной

групп говоров составили ядро населения Коми-Пермяцкого национального округа Уральской области при его образовании в 1925 г.

Р.М. Баталова предложила следующую схему диалектного деления коми-пермяцкого языка (см. табл. 8): все диалекты северного наречия относятся к эловым (характерной чертой является сохранение звука /л/ в любом положении), а диалекты южного наречия, кроме оньковского и нердинского, характеризуются отсутствием твердой /л/ и сужением позиций звука /в/ – вэ-эловый диалект [Баталова, 1975: 210–211; Лыткин, 1962: 27–29, 42–43]. Верхнекамское наречие рассматривается Р.М. Баталовой в качестве самостоятельного наречия [там же: 210–211]. Носители этого наречия проживают на северо-востоке Кировской области в Афанасьевском районе. Как отмечает Р.М. Баталова, верхнекамское наречие является одним из переходных между коми-пермяцким и коми-зырянским языками, но, находясь в условиях изолированного развития, оно имеет свои особенности [Баталова, 1975: 221–223].

Таблица 8
Схема диалектного деления коми-пермяцкого языка*

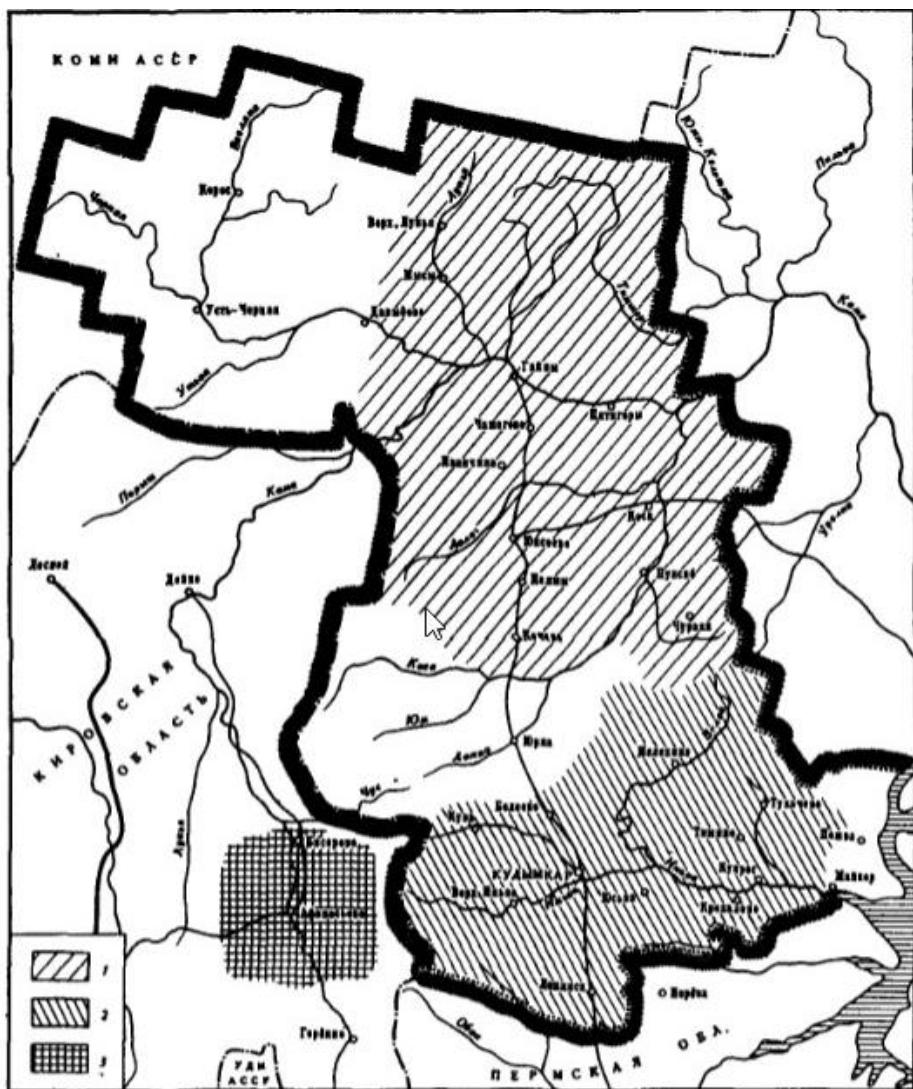
Коми-пермяцкий язык		
Южное наречие	Северное наречие	Верхнекамское наречие
Оньковский диалект ⁴	Кочевский диалект	
Нижнеиньвенский диалект	Косинско-камский диалект	
Нердинский диалект	Мысовский диалект	
Кудымкарско-иньвенский диалект	Верх-лупгинский диалект	

*Таблица составлена по данным [Баталова, 1975: 235].

На рисунке 3 представлена карта наречий коми-пермяцкого языка, предложенная Р.М. Баталовой. Северное наречие занимает территорию трех районов – Кочевского, Косинского и Гайнского – и охватывает более половины территории Коми-Пермяцкого округа [Баталова, 1975: 211]. Южное наречие коми-пермяцкого языка распространено в двух крупных районах – Кудымкарском и Юсьвинском, на территории которых проживает более половины коми-

⁴ Р.М. Баталова исследовала диалекты в 60–80-е гг. XX в. В настоящее время уже нет носителей данного диалекта.

пермяцкого населения [Баталова, 1975: 223]. За пределами региона, на северо-востоке Кировской области проживают носители верхнекамского наречия. В рамках данного исследования основное внимание сосредоточено на северном и южном наречиях коми-пермяцкого языка, поскольку в поле внимания находится языковая ситуация в Коми-Пермяцком округе Пермского края.

1 – северное наречие, 2 – южное наречие, 3, верхнекамское наречие

Рисунок 3. Карта наречий коми-пермяцкого языка в Коми-Пермяцком округе

А.С. Кривошекова-Гантман и Л.П. Ратегова поддержали классификацию диалектов коми-пермяцкого языка. Они подтверждают, что крупными диалектными подразделениями коми-пермяцкого языка являются два

наречия: северное и южное. Эти наречия объединяют группы диалектов и говоров, связанных между собой общими языковыми признаками [Кривошекова-Гантман, Ратегова, 1980: 4]. Южное наречие коми-пермяцкого языка распространено в Кудымкарском и Юсьвинском районах; северное наречие – в Кочевском, Косинском и Гайнском районах.

В северном наречии исследователи выделяют два диалекта: косинско-камский и лупьинский [Кривошекова-Гантман, Ратегова, 1980: 4]. Южное наречие коми-пермяцкого языка, по мнению А.С. Кривошековой-Гантман, включает два иньвенских диалекта: кудымкарско-иньвенский и нижнеиньвенский. К южному наречию примыкают нердинский и оньковский диалекты, относящиеся к эловым диалектам, но имеющие общие признаки с иньвенскими диалектами [Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа, 2006: 181].

В предложенных классификациях ключевые отличия заключаются в выделении говоров в рамках северного и южного наречий. В северном наречии ряд исследователей выделяет мысовский и верх-лупьинский (лупьинский) диалекты в качестве самостоятельных диалектов (В.И. Лыткин, Р.М. Баталова) или лупьинский и косинско-камский диалекты (А.С. Кривошекова-Гантман). Е.Н. Федосеева в работе «Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития» отмечает, что жители селений, где преимущественно был распространен верх-лупьинский диалект, переселились в с. Гайны, п. Кебраты с преимущественно русскоязычным населением и в другие деревни, населенные носителями мысовского диалекта [Федосеева, 2002: 429]. Необходимо отметить, что обозначенная Е.Н. Федосеевой тенденция к переселению коми-пермяков из деревень в более крупные населенные пункты может приводить к смешению диалектов или к их исчезновению под влиянием численного превосходства носителей одного из диалектов. В 2019 г. учеными Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук была проведена лингвоэтнографическая экспедиция в Коми-Пермяцкий округ. В ходе экспедиции не удалось

найти ни одного носителя онъковского диалекта коми-пермяцкого языка, что может свидетельствовать об исчезновении данного диалекта [Финно-угорский мир: электр. ресурс].

Т. Рантанен, Х. Толванен, М. Рузе, Дж. Юликоски. О. Весакоски разработали серию карт, посвященных уральским языкам [Language maps: electr. source]. На рисунке 4 представлены данные традиционных ареалов распространения коми языков.

Как можно заметить, основной территорией распространения северного наречия коми-пермяцкого языка являются Гайнский, Косинский и Кочёвский районы Кomi-Пермяцкого округа, а основной территорией распространения южного наречия коми-пермяцкого языка – Кудымкарский и Юсьвенский районы Кomi-Пермяцкого округа.

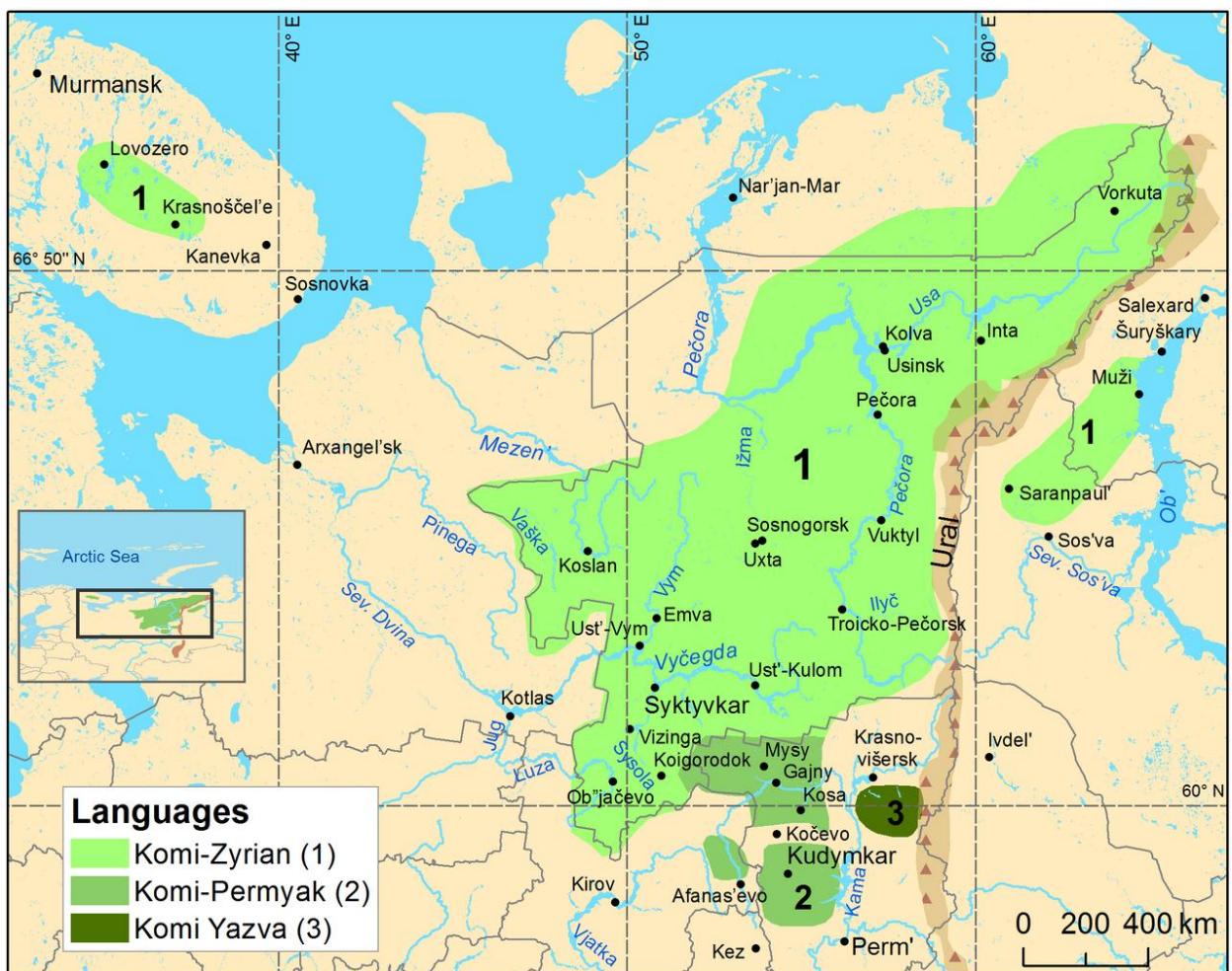

Рисунок 4. Карта распространения коми языков

Ю.Б. Коряков составил карту языков России, отражающую общее распространение языков на территории Российской Федерации (см. рис. 1 Приложения) [Коряков, 2023: 54]. Как отмечает автор, карта базируется в основном на данных переписи 2010 г. и отражает 83 языка. Согласно данной карте, коми-пермяцкий язык распространен на северо-западе Пермского края, помимо этого на северо-востоке региона отмечена территория распространения коми-язывинского языка. Карта «Языки России: статусы витальности (2021)» характеризует статус витальности коми-пермяцкого языка как «ограниченный сельский», коми-язывинский язык – как «прерванный» (см. рис. 2, Приложения) [там же: 55], что отражает разворачивающуюся языковую ситуацию в Коми-Пермяцком округе.

Предложенные исследователями карты отражают идеи о территориальном разделении коми-пермяцкого языка на несколько групп (наречий) и фиксируют ареалы его распространения.

Коми-пермяцкий язык имеет диалектное варьирование, при этом диалекты могут отличаться от литературного коми-пермяцкого языка довольно сильно, что является одной из ключевых проблем использования литературного коми-пермяцкого языка, в том числе и при школьном обучении.

2.1.4. Коми-пермяцкая письменность. Грамматики коми-пермяцкого языка

В развитии письменности коми-пермяцкого языка можно выделить исторические периоды, в рамках которых происходило формирование специфической формы письменности. В качестве основных периодов развития коми-пермяцкой письменности можно выделить следующие.

1. До обращения в православную веру коми народ использовал рунические родовые знаки – пасы, на основе которых в XIV в. Стефан Пермский разработал коми письменность [Пунегова, 2014б: 69].

2. В 1372 г. Стефаном Пермским была составлена первая азбука для коми – анбур. Эта азбука включала буквы из кириллицы и глаголицы, а также

родовые знаки народа коми (пасы). В.И. Лыткин отмечает, что в первоначальной стефановской азбуке было 24 буквы, а звуков в пермском языке было 35 [Лыткин, 1952: 26]. Стефановской азбукой написаны три памятника: приписка Васюка Кылдашева в рукописном Номоканоне 1510 г., надпись на иконе «Троицы» и надпись на иконе «Сошествие св. духа» [там же: 32]. Она не получила широкого распространения, и ее использование прекратилось в XV в., подтверждение чему можно найти в цитате М.Н. Сперанского о древнепермской письменности, приведенной в работе В.И. Лыткина: «Изобретенная по преданию просветителем зырян в XIV в. Стефаном, еп. Пермским, создавшим ее на основах современного кирилловского и греческого курсивного алфавитов, азбука эта не привилась на практике и уже в XV веке, как малоизвестная, получает значение тайнописи; но и в этом качестве она, по-видимому, широкого распространения не получила. Употребление ее ограничивается главным образом XV веком и началом следующего и притом областью только Московской Руси: почти все до сих пор сделанные ею немногочисленные записи, начинаясь с XV века, не переходят за половину XVI в.» [Лыткин, 1952: 75; Лудыкова, 2014: 7–8].

3. С XVII в. древнепермское письмо было постепенно вытеснено кириллицей, однако еще некоторое время оно продолжало использоваться как тайнопись. Графическая система письменности претерпела изменения под влиянием принципов русской графики [Пунегова, 2014б: 70]. Из древнепермских текстов ключевыми работами, по мнению В.И. Лыткина, являются Лепехинские и Евгеньевские списки отрывков литургии [Лыткин, 1952: 50].

4. Одним из ключевых периодов формирования коми письменности можно считать XIX в., когда начали появляться коми грамматики, лексикографические разработки [Пунегова, 2014б: 73]. Например, в учебниках по зырянскому языку А.Е. Попова и Н.П. Попова была использована система графики на основе кириллицы без изменения начертаний букв, на основе латиницы обозначались лишь некоторые звуки [там же: 73]. Уже к XX в., как утвер-

ждают Г.Г. Бараксанов и В.И. Мартынов, «не только графика (в двух вариантах), но и диалектная основа и орфография коми литературного языка в общих чертах оформились» [Бараксанов, Мартынов, 1975: 6].

5. Алфавит В.А. Молодцова, или «молодцовский алфавит», был специально разработан для распространения грамотности среди народа коми. В этом алфавите все специфические звуки речи передавались одной графемой [Пунегова, 2014а: 148]. Молодцовский алфавит использовался в 1918 – 1930 и 1936–1938 гг. [Пунегова, 2014б: 77].

6. Появление и существование алфавита на латинской основе до 1936 г. [Пунегова, 2014б: 81], отличительной особенностью которого было добавление символов для фонем, не использовавшихся в коми-пермяцком языке. Несмотря на попытки руководства СССР к унификации языков титульных наций посредством перевода на латиницу, переход к использованию латинизированного алфавита не произошел ввиду объективных обстоятельств [Киселев, 2020: 988–991].

7. С 1938 г. используется современный вариант алфавита на основе кириллицы, а для передачи звуков, отсутствующих в русском языке, имеются буквосочетания *ձ*, *ճ* и *ڦ*, а также дополнительные графемы *ö* и *i*. Современная система коми графики основана на принципах русской графической системы [Пунегова, 2014б: 82].

Появление первых букварей коми-пермяцкого языка относится к концу XIX – началу XX вв. Учитель коми-пермяцкого языка Е.Е. Попов в 1891 г. опубликовал первую коми-пермяцкую азбуку, а в 1894 г. в свет вышел первый коми-пермяцкий букварь, написанный на иньвенском диалекте [Язык и общество, 2016: 220]. В 1908 г. был выпущен букварь на чердынском наречии, автором которого является К.М. Мошегов. Несмотря на название «Букварь для пермяцких детей (на чердынском наречии)», К.М. Мошегов подчеркивал, что его работа выполнена на северном наречии коми-пермяцкого языка. Данный букварь содержал около 1 200 пермяцких лексем, которые отражают черты северного наречия коми-пермяцкого языка [Гайдамашко, 2018: 30].

Оформление современного литературного коми-пермяцкого языка происходит в советскую эпоху, в основном на базе кудымкарско-иньвенского диалекта. В качестве ключевых вех в формировании литературного коми-пермяцкого языка можно выделить следующие:

- 1) 1933 г. – начало книгопечатания в г. Кудымкар;
- 2) 1940 г. – публикация первой нормативной грамматики коми-пермяцкого языка (Майшев И.И. Грамматика коми-пермяцкого языка [Майшев, 1940]).
- 3) 1962 г. – публикация первой научной грамматики коми-пермяцкого языка (Лыткин В.И. Коми-пермяцкий язык: введение, фонетика, лексика и морфология [Лыткин, 1962]).

В.А. Степанов в работе «Опыт периодизации донациональной эпохи в истории коми-пермяцкого литературного языка» выделил и охарактеризовал основные этапы в становлении и развитии коми-пермяцкого литературного языка [Степанов, 2009: 263–267].

1. Древнепермский период XIV–XV вв. Основным источником выступают «Стефановы письмена».

2. Академический период (1705–1785 гг.). Этот период характеризуется собиранием и публикацией материалов о «пермяцком языке» лицами, не владевшими коми-пермяцким языком. К ключевым работам академического периода можно отнести работы Ф.И. Страненберга, Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, Н. Виттена.

3. Рукописный период (1785–1850-е гг.). Появляются первые рукописные пермяцкие словари (А. Попова, Г. Чечулина, Ф. Волегова), первые рукописные грамматики пермяцкого языка (А. Попова, Ф. Любимова). Для работ рукописного периода была характерна фиксация лексики и грамматических форм языка, а также их творческое преобразование: в словарях появляются абстрактные единицы искусственного происхождения (слова или словосочетания, которые употреблялись в христианских богослужениях), в грамматиках данного периода заметно вмешательство авторов в структуру пермяцкого языка с целью его нормализации.

4. Раннепечатный период (1860–1910-е гг.). В данный период происходит издание первой печатной грамматики Н.А. Роговым (1860 г.), словарей, букварей и Евангелия.

Развитие коми-пермяцкой письменности способствовало оформлению литературного коми-пермяцкого языка, в котором были нивелированы различия между северными и южными говорами [Лыткин, 1962: 44].

2.2. Социолингвистическая характеристика коми-пермяцкого языка

2.2.1. Качественные и количественные признаки, характеризующие коми-пермяцкий язык в языковой ситуации Пермского края

Коми-пермяцкий язык распространен на севере Пермского края – в Коми-Пермяцком округе, который включает в себя семь муниципальных образований: один городской округ – город Кудымкар, шесть муниципальных округов – Гайнский, Косинский, Кочевский, Кудымкарский, Юрлинский, Юсьвинский.

Согласно данным, полученным во Всероссийской переписи населения в 2020 г., в Пермском крае проживало более 2 500 тыс. чел., [Всероссийская перепись населения, 2020: электр. ресурс]. Наиболее многочисленные национальности в регионе по данным переписи 2020 г.:

- русские – 2 030 442 (89,4%);
- татары – 92 472 (4,07%);
- коми-пермяки – 50 163 (2,2%);
- башкиры – 16 105 (0,7%);
- удмурты – 11 808 (0,5%)

[Всероссийская перепись населения, 2020: электр. ресурс].

Многонациональный состав населения края предопределяет софункционирование на его территории языков доминирующей и миноритарных этнолингвистических групп.

Согласно Конституции Российской Федерации, «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа» [Конституция Российской Федерации: электр. ресурс]. Русский язык используется в следующих сферах:

- 1) при написании наименований географических объектов, в СМИ, в рекламных продуктах;
- 2) в деятельности и во взаимоотношениях между федеральными органами государственной власти, органами власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органами местного самоуправления, организациями всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства;
- 3) граждане Российской Федерации получают образование на русском языке в государственных и муниципальных образовательных учреждениях; получают информацию на русском языке в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органах, органах местного самоуправления, организациях всех форм собственности; получают информацию на русском языке через общероссийские, региональные и муниципальные средства массовой информации

[Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»: электр. ресурс].

Статус и положение языков титульных и миноритарных этнолингвистических групп на территории Российской Федерации регламентирован в Конституции. Статья 68 Конституции Российской Федерации гласит, что «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [Конституция Российской Федерации: электр. ресурс]. Помимо Конституции, положение языков титульных групп регламентировано в законе «О языках народов Российской Федерации», вступившем в силу 25 октября 1991 г. Согласно данному закону:

- 1) языки народов Российской Федерации находятся под защитой государства;

- 2) государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия;
- 3) Российская Федерация гарантирует всем ее народам независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения. В государстве признается и гарантируется равноправие языков.

[Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации»: электр. ресурс].

Положения ключевых нормативно-правовых актов Российской Федерации позволяют прийти к выводу, что в субъекте, на территории которого проживают представители разных этнолингвистических групп, язык титульной или миноритарной этнолингвистической группы может использоваться и софункционировать наравне с государствообразующим языком – русским.

Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2020 г. в Пермском крае русским языком владеет более 2 250 тыс. чел., что составляет 90% населения края; на коми-пермяцком говорят 38 157 чел., из них 36 716 указали коми-пермяцкий в качестве родного языка [Всероссийская перепись населения, 2020: электр. ресурс]. Необходимо отметить, что с момента объединения Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области в один субъект произошел отток населения с территории бывшего Коми-Пермяцкого автономного округа. Данные о численности населения Коми-Пермяцкого округа и численности коми-пермяков в Пермском крае представлены на рисунках 7 и 8 (диаграммы составлены по данным [Всероссийская перепись населения, 2010: электр. ресурс; Всероссийская перепись населения, 2020: электр. ресурс; Пермский край в цифрах 2022: электр. ресурс]; данных за 2014, 2016 и 2017 гг. в открытом доступе нет).

Согласно данным Всероссийских переписей населения и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю с 2005 по 2023 года произошло снижение численности населения Коми-Пермяцкого округа на 30 207 человек. Указанные данные включают в себя носителей как русского, так коми-пермяцкого языков.

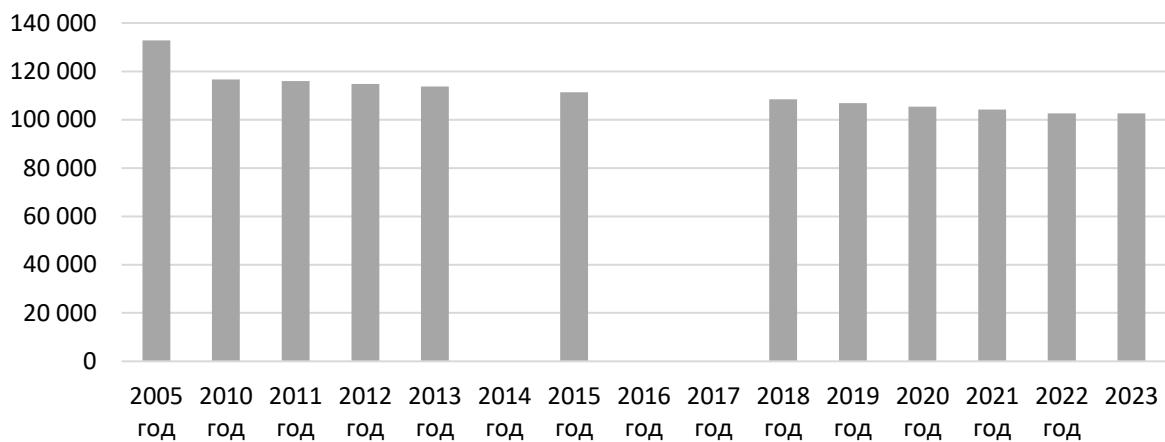

Рисунок 5. Численность населения Кomi-Пермяцкого округа с 2005 по 2023 г., абс.

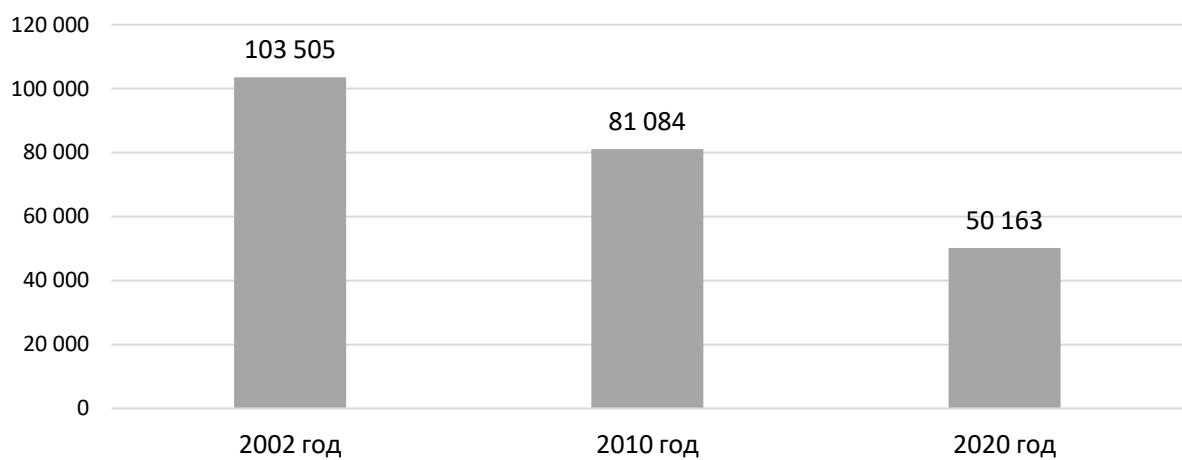

Рисунок 6. Динамика численности коми-пермяков в Пермском крае, абс.

Данные на рисунках 5 и 6 позволяют зафиксировать планомерное снижение численности населения Кomi-Пермяцкого округа и коми-пермяков в Пермском крае.

В таблице 9 представлены данные по возрастному составу коми-пермяков за 2020 г.

**Таблица 9
Распределение коми-пермяков по возрастным группам, абс.***

Возрастные категории	Общая численность
06 – 14 лет	3 672
15 – 19 лет	2 008
20 – 29 лет	3 717
30 – 39 лет	6 584
40 – 49 лет	7 118
50 – 59 лет	9 523
60 – 69 лет	10 215
Старше 70 лет	5 662

*Таблица составлена по данным [Всероссийская перепись населения, 2020: электр. ресурс].

Необходимо отметить, что в таблице 9 общая численность коми-пермяков составила 48 499 человек, поскольку в переписи населения не учтены данные о детях в возрасте до 6 лет. Полученные данные свидетельствуют о том, что наибольшая часть коми-пермяков представлена людьми в возрасте от 50 до 69 лет.

Снижение численности населения Коми-Пермяцкого округа негативно отразилось на количестве носителей коми-пермяцкого языка. В таблице 10 приведены данные относительно владения русским и коми-пермяцким языками на территории Пермского края. В таблице 11 приведены данные относительно владения и использования коми-пермяцкого языка в городе и сельской местности.

Таблица 10
Родной язык у русских и коми-пермяков*

Год	Этническая принадлежность	Численность, абс.	Указавшие в качестве родного соответствующий (русский/коми-пермяцкий) язык, абс.	Доля, %
2010	Русский	2 188 686	2 187 059	99,9
	Коми-пермяк	81 049	53 028	65,4
2020	Русский	2 008 383	2 005 948	99,9
	Коми-пермяк	49 936	36 716	73,5

*Таблица составлена по данным [Всероссийская перепись населения, 2010: электр. ресурс; Всероссийская перепись населения, 2020: электр. ресурс].

Таблица 11
Количество людей, владеющих коми-пермяцким языком и использующих его в повседневном общении, в Пермском крае, абс.*

Пол	Всего	Городское население		Сельское население	
		Владение	Использование	Владение	Использование
Мужчины	17 860	3 032	2 291	14 828	13 729
Женщины	21 457	4 827	3 646	16 630	14 951

*Таблица составлена по данным [Всероссийская перепись населения, 2020: электр. ресурс].

За 10 лет произошло снижение количества носителей коми-пермяцкого языка примерно на 31 тыс. человек (более чем на 30%). Полученные данные демонстрируют, что коми-пермяцкий язык на территории Пермского края находится под угрозой.

Языковые процессы, происходящие на территории этнических республик или субъектов, в которых проживают представители этнолингвистического меньшинства, характеризуются схожими чертами: доминирование русского языка как государственного языка, стремление сохранить языковое и культурное многообразие, функционирование образовательных учреждений с преподаванием родных языков [Черных, Каменских, 2018: 29].

Несмотря на сокращение носителей коми-пермяцкого языка, правительством Пермского края предпринимаются все возможные меры для защиты и сохранения культуры и языка коми-пермяков. В Уставе Пермского края от 2007 года зафиксировано положение об обеспечении сохранения этнической идентичности коми-пермяцкого народа (статья 42):

- 1) органы государственной власти Пермского края создают условия для сохранения и развития языка, духовной культуры и иных составляющих этнической самобытности коми-пермяцкого народа;
- 2) в официальных сферах общения на территории Коми-Пермяцкого округа наряду с русским может использоваться коми-пермяцкий язык

[Устав Пермского края: электр. ресурс].

Согласно Уставу Пермского края, коми-пермяцкому языку присвоен статус официального языка, что выражается в его использовании в публично-правовом пространстве Коми-Пермяцкого округа наряду с государственных языками. Помимо Устава Пермского края от 2007 г., использование коми-пермяцкого языка регламентировано в законе Пермского края от 12 марта 2014 г. № 308-ПК «Об образовании в Пермском крае». Статья 13 о национальном образовании в Пермском крае гласит, что «граждане, проживающие в Пермском крае, имеют право на получение общего образования на национальном (родном) языке, на выбор языка воспитания и обучения в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также настоящим Законом» [Закон Пермского края «Об образовании в Пермском крае»: электр. ресурс]. Реализация Закона «Об образовании в Пермском крае» способствовала тому, что

в 2018–2019 гг. в 46 учебных заведениях в регионе велось преподавание родного языка в 184 классах [Черных, Каменских, 2018: 29].

Отдельно хотелось бы отметить, что 14 февраля 2014 г. было утверждено Постановление Правительства Пермского края № 82 «Об утверждении положения о Министерстве по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края». Согласно принятому постановлению, целью Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа является «осуществление мер по реализации основных направлений единой региональной политики по социально-экономическому развитию административно-территориальной единицы с единой территорией и особым статусом – Коми-Пермяцкий округ Пермского края с учетом этнокультурных особенностей» [Постановление Правительства Пермского края: электр. ресурс]. Деятельность Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа в Пермском крае направлена на создание благоприятных социальных и экономических условий в округе, улучшение качества жизни коми-пермяков, создание условий для сохранения, развития и популяризации коми-пермяцкого языка, национальной (духовной) культуры и иных составляющих этнической самобытности коми-пермяцкого народа, обеспечение взаимодействия органов местного самоуправления округа с региональными органами власти [там же]. Согласно данным отчета об итогах работы Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа в Пермском крае за 2021 г., были реализованы следующие проекты «Творческая мастерская “Гижисsez ордын” (“В гостях у писателей”)», Проект «Память», Проект «Орсам» («Играем»), Акция «Кыv менам дона» («Язык мой родной») – серия этнокультурных мероприятий, Фестиваль КВН на коми-пермяцком языке «Пуксы да ваксы» («Садись и смеяся») [Отчет об итогах работы Министерства: электр. ресурс]. Все указанные проекты были реализованы в рамках государственной национальной политики Пермского края и были направлены на развитие этнокультурного многообразия в Пермском крае и сохранение культуры и языка коми-пермяков.

Помимо Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края существовали и существуют общественных организаций, целью которых

является поддержка и продвижение коми-пермяцкого языка и культуры [Коньшин, 2019: 511–512]. Например, с 1988 г. ведет деятельность Пермская региональная общественная организация «Общество радетелей коми-пермяцкого языка и культуры «Югör», члены которой занимаются защитой, пропагандой и развитием коми-пермяцкого языка и культуры в регионе [Коми-Пермяцкий окружной государственный архив: электр. ресурс].

12 апреля 2010 года было открыто Государственное краевое бюджетное учреждение культуры «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр» [Коми-Пермяцкий этнокультурный центр: электр. ресурс]. Основной миссией центра является сохранение, возрождение и передача материального и духовного культурного наследия коми-пермяков; популяризация и развитие национальных традиций, воплощения их в новых формах. Сотрудниками Коми-Пермяцкого этнокультурного центра проводятся различные конкурсы, организуются фестивали и праздники, посвященные коми-пермяцкой культуре и языку, издаются книги коми-пермяцких писателей; любой желающий может присоединиться к творческим объединениям центра, а также изучать коми-пермяцкий язык [Коми-Пермяцкий этнокультурный центр: электр. ресурс].

Наличие нормативно-правовых актов, закрепляющих официальный статус коми-пермяцкого языка, позволяет носителям языка использовать родной язык не только в семейно-бытовой сфере, но и в публично-правовом пространстве. Существование равнодоступного информационного пространства должно создавать условия для полноценного функционирования всех языков в регионе. При его наличии, задача этнических, региональных массмедиа заключается в отображении полной картины жизни общества, формирования информационно-языковой культуры, сохранении этнокультурных традиций, речи, межэтнического согласия в регионе [Иванова, 2021: 105]. В свою очередь коми-пермяцкий язык официально используется в образовании, СМИ, театре и интернете.

Коми-пермяцкий язык интегрирован в систему среднего и высшего образования. Так, например, в средних общеобразовательных учреждениях

обучающиеся могут изучать коми-пермяцкий язык и коми-пермяцкую литературу, однако их изучение не является обязательным для всех и осуществляется по заявлению родителей или иных законных представителей обучающихся. В 2015–2016 гг. на территории Пермского края функционировало 33 учебных учреждения, в которых коми-пермяцкий язык изучался учащимися в качестве школьного предмета. Количество учащихся, изучавших коми-пермяцкий язык как предмет, составило 1 906 человек [База данных Языковая политика: электр. ресурс].

Согласно данным Всероссийской переписи населения, в 2020 г. количество коми-пермяков, имеющих образование, составило около 50 тыс. чел. Данные о распределении русских и коми-пермяков по уровню образования указаны в таблице 12.

Таблица 12
Распределение русских и коми-пермяков по уровню образования, абс.*

Этническая принадлежность	Указали уровень образования	Кадры высшей квалификации	Высшее образование	Неполное высшее образование	Среднее профессиональное образование	Нет образования
Русские	1 789 964	16 905	325 481	31 133	697 219	29 654
Коми-пермяки	48 267	324	5 720	337	22 106	418

*Таблица составлена по данным [Всероссийская перепись населения, 2020: электр. ресурс].

Общая численность русских (мужчин и женщин) составила 1 904 396 человек, указали уровень образования 1 789 964 человека. Необходимо отметить, что в таблицу не включены лица, получившие среднее, основное, начальное и дошкольное образование, а также безграмотные. Общая численность коми-пермяков (мужчин и женщин) – 48 499 человек, из них указали уровень образования 48 267 человек. Полученные данные позволяют нам говорить о том, что среди русских и коми-пермяков большее количество человек имеет среднее профессиональное образование. Количество людей, получивших высшее образование, среди носителей коми-пермяцкого языка, составляет 11,85%, среди носителей русского языка – 18,18%.

Ключевыми образовательными учреждениями Коми-Пермяцкого округа являются среднепрофессиональные учебные заведения, например, Коми-Пермяцкий профессионально-педагогический колледж (г. Кудымкар) готовит специалистов родного языка на базе среднего специального образования [Каменских, 2021: 157]. Подготовка специалистов с высшим образованием по коми-пермяцкому языку осуществляется на базе коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета [там же: 157] (набор студентов закрыт в 2025 г.). Помимо этого, в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете функционирует научно-исследовательский институт языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа.

Необходимо отметить, что коми-пермяцкий язык используется не только в сфере образования и делопроизводства на территории Коми-Пермяцкого округа, но также в СМИ, в сфере культуры и интернет-пространстве.

С 2010 г. на коми-пермяцком языке выходит газета «Кама кытшын» («В окружении Камы»). На коми-пермяцком языке публикуется раздел газеты «Парма». Районные газеты, например «Юсьвинские вести», «Иньвенский край», издаются на русском языке. Для детей на коми-пермяцком языке выпускается детский журнал «Сизимок». С 1931 г. в городе Кудымкар функционирует Коми-Пермяцкий драматический театр им. М. Горького. В репертуаре театра классическая и современная драматургия отечественных и зарубежных авторов, а также коми-пермяцкая национальная драматургия [Коми-Пермяцкий драматический театр: электр. ресурс]. На коми-пермяцком языке ведется теле- и радиовещание. В городе Кудымкар выходит еженедельная программа о быте, культуре и традициях коми-пермяков на родном языке «Бур асыв, Пермской край!» (ГТРК Пермь). Радиовещание на коми-пермяцком языке осуществляется на канале «Радио России».

В 2018 г. Кудымкарская местная общественная организация «Центр патриотического воспитания “Патриот”» отправила заявку в Фонд президентских грантов для получения финансирования на запуск проекта «Байтö Кудымкар»

(«Говорит Кудымкар»). Сотрудники Центра патриотического воспитания планировали подготовить и запустить в радиоэфир цикл тематических радиопрограмм на коми-пермяцком языке, посвященных выдающимся коми-пермякам и их произведениям, памятным датам для России и Коми-Пермяцкого округа [Цикл тематических радиопрограмм: электр. ресурс]. Основная цель, которую преследовали участники данного проекта, заключалась в популяризации коми-пермяцкого языка. Инициаторы проекта отмечают, что СМИ в Коми-Пермяцком округе играют малозначительную роль в популяризации коми-пермяцкого языка. Это может быть связано с тем, что печатные СМИ на коми-пермяцком языке имеют малый тираж, телепередачи на коми-пермяцком языке стали малодоступны после перехода на цифровое вещание, программу «Радио России», освещающую новости на коми-пермяцком языке, слушают представители старшего поколения, тогда как представители молодого поколения не получают информацию на родном языке из теле- и радиопрограмм. Несмотря на стремление авторов проекта «Байтö Кудымкар» («Говорит Кудымкар») изменить сложившуюся ситуацию среди носителей коми-пермяцкого языка и повысить уровень престижа родного языка, данный проект не получил поддержку и не был реализован.

Б.В. Орехов и К.Ю. Решетников, изучая активность миноритарных языков в интернете, отмечают, что «если принимать во внимание тенденции, наблюдаемые ныне в области распределения информационных потоков, то есть основания предполагать, что активная интернет-коммуникация, а также значительный объем и разнообразие выложенных в Сеть текстов свидетельствуют о социальной престижности и полифункциональности соответствующих языков» [Орехов, Решетников, 2016: 261]. Анализируя презентацию миноритарных языков в Википедии, авторы отмечают, что «на территории России встречаются и языки, не обладающие официальным статусом, но представленные в Википедии полноценным самостоятельным разделом: коми-пермяцкий, кабардино-черкесский и цыганский» [там же: 265] (в данном исследовании выборка включала 31 язык, которые имели статус государственных и

титульных языков в различных национальных административных образованиях).

Если рассматривать другие интернет-ресурсы, то коми-пермяцкий язык представлен в различных интернет-коллекциях, однако в меньшем объеме по сравнению с другими сферами. Одним из ярких примеров плохой представленности коми-пермяцкого языка в интернете является сайт Коми-Пермяцкого округа, на котором вся размещенная информация опубликована на русском языке. Даже раздел «Блоги», включающий вопросы пользователей и обсуждение наиболее важных для жителей округа тем, ведется преимущественно на русском языке.

Согласно данным проектам «Языки России в Интернете», количество доменов на коми-пермяцком языке равно 1(!), сообществ ВКонтакте, приходящихся на коми-пермяцкий язык – 10 [Языки России в Интернете: электр. ресурс]. При самостоятельном поиске сообществ ВКонтакте по ключевым словам «коми-пермяцкий» и «Кудымкар» (при поиске сообществ в социальной сети ВКонтакте невозможно выбрать в качестве региона Коми-Пермяцкий округ) удается зафиксировать 104 сообщества. Необходимо отметить, что в данных сообществах встречается написание текстов как на коми-пермяцком, так и на русском языках. Среди найденных сообществ коми-пермяцкий язык чаще используется в тех, которые специализируются на обучении коми-пермяцкому языку; среди служащих госорганизаций коми-пермяцкий язык используют в основном сотрудники библиотек, которые публикуют информацию об известных коми-пермяках, культуре и традициях.

Ситуация с коми-пермяцким языком на территории Пермского края находится на особом контроле у регионального правительства. Об этом свидетельствуют положения нормативно-правовых актов Пермского края, в которых, как было показано выше, отражена приверженность защитить культурную самобытность коми-пермяков, а также стремление сохранить и ретранслировать использование коми-пермяцкого языка. Однако хотелось бы отметить, что на современном этапе развития для языковой ситуации в Пермском

крае характерны следующие процессы, которые происходят с коми-пермяцким языком.

1. Отсутствие единых подходов к изданию учебных пособий, недостаточное количество высококвалифицированных кадров, а также слабая мотивация к изучению коми-пермяцкого языка приводит к снижению количества носителей коми-пермяцкого языка, и как следствие – к языковому нигилизму, т. е. отказу от использования языка, признанию его ненужным [Кондрашкина, 2018].

2. Из-за большого количества русских заимствований в коми-пермяцком языке, экспансии русского языка в официальных сферах все большее распространение получает коми-пермяцко-русский билингвизм. Данный тип билингвизма относится к наиболее массовому типу двуязычия в Российской Федерации – национально-русскому двуязычию, которое распространено во многих республиках или субъектах Российской Федерации, в которых компактно проживает этническая группа. В случае с носителями коми-пермяцкого языка билингвизм можно охарактеризовать как естественный [Русская спонтанная речь коми-пермяков, 2007: 10–12].

Обозначенные тенденции в развитии коми-пермяцкого языка и культуры на территории Пермского края свидетельствуют о двойственности ситуации: с одной стороны, наблюдается стремление субъектов власти к сохранению и защите коми-пермяцкого языка и культуры посредством принятия нормативно-правовых актов по их сохранению, а с другой – происходит сокращение количества носителей коми-пермяцкого языка, фиксируется использование коми-пермяцкого языка преимущественно в семейно-бытовой сфере.

Таким образом, можно охарактеризовать языковую ситуацию в Пермском крае в отношении коми-пермяцкого языка как полилингвальную (софункционирование русского и коми-пермяцкого языков), неравновесную (разная функциональная мощность языков), несбалансированную (использование коми-пермяцкого языка преимущественно в семейно-бытовой сфере, в других ситуациях преимущественно используется русский язык), экзоглоссную

(ситуация, при которой общение в административно-территориальной единице и в этнолингвистической группе коми-пермяков обслуживается русским и коми-пермяцким языками).

2.2.2. Оценочные признаки, характеризующие коми-пермяцкий язык

Вопросы сохранения и развития языка этнолингвистических групп, отличных от доминирующей русскоязычной этнолингвистической группы, тесным образом связаны с вопросами идентичности, и как следствие, формирующими представлениями носителей языка о его престижности.

Ю.П. Шабаев и К.В. Истомин утверждают, что в случае с бывшим Коми-Пермяцким автономным округом государству удалось создать этническую идентичность коми-пермяков на основе территориальной идентичности [Шабаев, Истомин, 2017: 100]. Происходящие в 1920-х гг. процессы по созданию «автономной» территории для коми-пермяков оказали влияние на процесс формирования идентичности у коми-пермяков. Как констатировал Ю.П. Шабаев: «проект по созданию коми-пермяцкой идентичности прошел успешно» [Шабаев, 2000: 73–85].

Однако хотелось бы отметить, что идентичность – это сложный процесс идентификации индивида с социальными образцами поведения и ожиданиями социальной среды [Воронков, Освальд, 1998: 13]: в зависимости от влияния совокупности внутренних, внешних и темпорального факторов, индивид может определять себя как члена местного (локального), регионального сообществ или государства, идентифицировать себя с доминирующей этнолингвистической группой или титульной нацией региона.

Полученные В.С. Дерябиным данные о происходящих языковых процессах и сложившемся этническом самосознании коми-пермяков демонстрируют следующие тенденции:

- 1) согласно исследованию 1989 г., родной язык оценивается большинством коми-пермяков как важнейший фактор – интегратор этноса;

- 2) языковую ситуацию в регионе характеризует прежде всего усиливающееся влияние русского языка и падение престижа коми-пермяцкого;
 - 3) в урбанизированной среде происходит очевидная эрозия этнического самосознания, что вполне объяснимо, поскольку коми-пермяки – это сугубо сельский этнос;
 - 4) уровень этнической лояльности достаточно низок и особенно это характерно для городского населения и младших возрастных групп
- [Дерябин, 1997: 8–13].

Объяснением данных положений, зафиксированных в ходе опросов носителей коми-пермяцкого языка, могут выступать такие факторы, как изменение типа расселения коми-пермяков (миграция в город из-за сокращения сельских поселений), усиление межнациональных контактов (в первую очередь с русскоязычным населением) и информационное воздействия на носителей коми-пермяцкого языка (публикация новостных материалов на русском языке, телевидение, радиовещание, публикация информации в интернете на русском языке и др.) [Евдокимова, Черных, 2014: 85–86].

Последствия объединения регионов (Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа) также оказали влияние на ситуацию с коми-пермяцким языком. Объединение Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области на референдуме в декабре 2003 г. было поддержано 90% населения округа, среди коми-пермяков за объединение с Пермской областью высказались 59%. Население бывшего Коми-Пермяцкого автономного округа поддержало проект объединения с Пермской областью для улучшения экономической ситуации в округе и повышения уровня жизни. Однако спустя 10 лет после слияния с Пермской областью существенных изменений в качестве жизни населения не произошло: отсутствовал рост производства, фиксировался высокий уровень безработицы среди местного населения, была ослаблена роль г. Кудымкара в качестве политического центра [Шабаев, 2006: 67–68].

Ю.П. Шабаев, В.Н. Денисенко и Н.В. Шилов в работе «Языковая политика в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации:

поиск модели» утверждают, что для языковых ориентаций представителей финно-угорских народов характерно увеличение количества титульных этнических групп, считающих родным русский язык, и уменьшение среди них доли владеющих языком своей группы [Шабаев, Денисенко, Шилов, 2009: 297–298]. Это положение находит свое отражение в ситуации с коми-пермяцким языком: языковые ориентации коми-пермяков продолжают смещаться в пользу русского языка. В 1994 г. в семье на русском языке общались 38% коми-пермяков. Результаты опроса жителей Коми-Пермяцкого округа в 2005 г. показали, что лишь 17,5% носителей коми-пермяцкого языка считают, что дети в округе должны изучать родной язык [там же: 299]. Согласно данным опроса, проведенного в 2004 г., в Коми-Пермяцком автономном округе только 11,5% семей говорит на родном языке с детьми [там же: 301]. Помимо прочего носители коми-пермяцкого языка отмечают, что задача сохранении языка должна решаться в школе, поскольку именно там дети обучаются родному языку. В данном случае перекладывается ответственность носителей коми-пермяцкого языка за передачу знаний молодежи с семьи на другой институт (школу) и государство. В этой ситуации повышение престижа коми-пермяцкого языка возможно только за счет увеличения количества уроков для изучения языков всеми школьниками, что сложно для реализации и может вызвать недовольство определенной части общества.

Несмотря на небольшой процент положительных ответов, полученных от респондентов на вопрос о необходимости использования и изучения коми-пермяцкого языка, данные, полученные в анкетном опросе А.В. Михалевой, демонстрируют, что для коми-пермяков язык, культурные традиции, территория, общее историческое прошлое выступают в качестве основных маркеров этничности [Михалева, 2016: 29]. В ходе анкетного опроса 246 респондентов в возрасте от 20 до 72 лет ею были получены следующие результаты:

- 1) значимость этнической составляющей в иерархии идентичностей коми-пермяцкого населения Пермского края, которая реализуется с большими оговорками и противоречиями;

- 2) на когнитивном уровне информанты демонстрируют достаточную осведомленность о принятых нормах и традициях и позитивно их оценивают;
- 3) на аффективном уровне для коми-пермяков характерна повышенная гибкость самовосприятия, при этом эмоциональное отношение к группе носит ситуативный характер (в зависимости от внешних условий при повышенной конкуренции с более сильными брендами может переключаться с позитивной на негативную тональность)

[там же: 36]. А.В. Михалева приходит к выводу, что этническая идентичность коми-пермяков носит амбивалентный характер и требует дальнейшего изучения.

С.С. Шляхова проводила анкетирование с целью выявить, как русские и коми-пермяки относятся друг к другу. В анкетирование приняли участие студенты Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, 64 коми-пермяка и 59 русских в возрасте от 17 до 22 лет [Шляхова, 2014: электр. ресурс]. В ходе проведенного анкетирования были получены следующие результаты:

- 1) выделенные коми-пермяками свойства указывают на то, что большинство респондентов недостаточно высоко оценивает свои этнические достоинства – среди доминантных как положительные можно отметить *сдержанность, уравновешенность и доброту*;
- 2) русские студенты более высоко оценивают этнические достоинства коми-пермяков, чем сами коми-пермяки;
- 3) коми-пермяки осторожно воспринимают русских, видят их более полно, в нюансах и в целом воспринимают скорее негативно, чем позитивно [Шляхова, 2014: электр. ресурс].

С.С. Шляхова, анализируя результаты анкетирования, приводит данные, согласно которым «представления коми-пермяков о себе включают 52% положительных реакций. Около половины реакций указывают на нейтральную (38,7%) и отрицательную (9,2%) оценку своего этноса» [там же]. На полученные

данные может накладывать отпечаток билингвальный характер коми-пермяков и осознание ими себя одновременно и коми-пермяком, и русским» [там же].

А.В. Михалева отмечает, что в ситуациях, когда на носителя коми-пермяцкого языка оказывают влияние внешние факторы (например, нахождение в обществе с носителями русского языка), респонденты прибегают к мимикрии, т. е. они отказываются от использования коми-пермяцкого языка в пользу русского, пытаются скрыть, что они являются представителями другой этнолингвистической группы [Михалева, 2016]. Подобное явление может быть названо естественной языковой ассимиляцией. С. Лаллукка писал, что причиной ассимиляции коми-пермяков стала множественная идентичность, размытость, нечеткость этнических границ и наличие значительных маргинальных групп, которые утратили язык своих предков [Лаллукка, 2010].

Таким образом, для коми-пермяков характерна ослабленная этническая лояльность, двойственная этническая идентичность, которая преобразуется в зависимости от внешних обстоятельств. Отсутствие четкого понимания своей идентичности может приводить к искаженному восприятию тех факторов, которые являются базовыми/основополагающими для определения идентичности, например, к затруднению в определении родного языка. В ситуации с коми-пермяцким языком ситуация оказывается сложной, поскольку определенная часть носителей коми-пермяцкого языка предъявляет требования по его защите и сохранению, однако реализуемая политика по сохранению и развитию языка не дает положительных результатов. В целом внутригрупповая оценка коми-пермяцкого языка носителями может быть охарактеризована как нейтральная, поскольку фиксируются важность и ценность коми-пермяцкого языка, но далее обозначаются основные проблемы, которые мешают повышению уровня престижности родного языка среди носителей.

2.3. Выводы

Современная языковая ситуация на территории Пермского края характеризуется софункционированием доминирующего русского языка, а также

языков других миноритарных этнолингвистических групп – татарского, коми-пермяцкого, башкирского и др. В Пермском крае только коми-пермяцкий язык на территории Коми-Пермяцкого округа получил статус официального языка, что наделяет его носителей *большими* возможностями по использованию в публично-правовом пространстве и налагает на правительство Пермского края обязательства по его защите.

Функционирование коми-пермяцкого языка на территории Коми-Пермяцкого округа, где проживает большая часть носителей данного языка, встречает на своем пути ряд проблем:

- 1) сокращается межпоколенческая передача родного языка подрастающему поколению;
- 2) несмотря на то, что многие носители коми-пермяцкого языка сохраняют чувство этнической идентичности, часть из них определяет себя как русские и в качестве родного языка указывает русский язык, что свидетельствует об размывании идентичности коми-пермяков под влиянием ряда факторов;
- 3) демографический и территориальный факторы – проживание русскоязычного населения на территории Коми-Пермяцкого округа и численное превосходство такого населения в ряде районов и сел Коми-Пермяцкого округа (например, Юрлинский муниципальный округ представляет собой «русский остров» в коми-пермяцком окружении, т. е. коми-пермяки являются в данном районе численно меньшей этнолингвистической группой) [Каменских, 2021: 104] может приводить к языковой и этнической ассимиляции коми-пермяков.

Несмотря на подчеркиваемую коми-пермяками в ходе опросов и анкетирований важность и ценность родного языка и этнической принадлежности, для них характерны процессы размывания/двойственной идентичности, сокращение уровня этнической и языковой лояльности. Вопросы идентичности и родного языка находят свое отражение в данных Всероссийской переписи населения. За десять лет произошло существенное сокращение численности

коми-пермяков и тех из них, кто указывает коми-пермяцкий язык в качестве родного. Это может являться подтверждением постепенного размывания идентичности у коми-пермяков.

У Правительства Пермского края и руководства Коми-Пермяцкого округа есть возможности и инструменты для реализации языковой политики по сохранению коми-пермяцкого языка и культуры, что свидетельствует о понимании важности сохранения этнолингвистического многообразия региона в крае. Предпринимаемые в этом направлении шаги с момента вхождения Коми-Пермяцкого округа в состав Пермского края были направлены на сохранение и стабилизацию этнолингвистической ситуации в округе. Однако качественные и количественные показатели по родному языку, этнической принадлежности могут свидетельствовать о недостаточности предпринимаемых мер, необходимости проведения детального анализа языковой ситуации в округе и крае, учета опыта и практик других субъектов, на территории которых проживают представители коми.

Помимо совершенствования политico-институциональных механизмов для ревитализации коми-пермяцкого языка необходимо, чтобы сами носители, представители интеллигенции, члены общественных организаций и объединений начали предпринимать шаги для сохранения и ретранслирования важности и ценности родного языка. Как отмечает К. Замятин: «Никто не может возродить язык, кроме самого языкового сообщества. Никто не может начать использовать язык вместо его простых носителей. Если они не готовы предпринять усилия ради будущего своего языка – говорить на нем, если они его знают, или же учить его, если они его не знают – прогнозы относительно языкового возрождения остаются неблагоприятными» [Замятин и др., 2012: 160].

Глава 3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС И ВИТАЛЬНОСТЬ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА В ПЕРМСКОМ КРАЕ

3.1. Материал и методы исследования

Изучение функционального статуса и витальности коми-пермяцкого языка проводилось методом анкетирования. Цель анкетирования – анализ реального использования коми-пермяцкого языка его носителями на территории Пермского края. Предметом анкетирования выступает функциональное использование коми-пермяцкого языка его носителями.

3.1.1. Анкетирование 2015 г.

Для изучения состояния и функционирования коми-пермяцкого языка десять лет назад были использованы результаты анкетирования, проведенного студенткой филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета А.Р. Мансуровой в 2015 г. Ею была разработана анкета для анализа витальности татарского языка в Пермском крае и проведено анкетирование как среди татар, так и среди коми-пермяков, но полученные от коми-пермяков данные не были обработаны до настоящего времени. В социальной части анкеты информанты заполняли данные о своем возрасте, месте жительства, трудовой деятельности. Анкета включала 32 вопроса, которые были разделены на 4 блока:

- 1) информация о языковой компетенции информанта – родной язык, другие языки и уровень владения им, языки, которыми хотелось бы овладеть, язык, на котором ведется обучение;
- 2) функциональное использование коми-пермяцкого языка – бытовая сфера (общение с родителями, братьями и сестрами, друзьями), образовательная, религиозная, культурная сферы, СМИ и взаимодействие с органами муниципальной власти;
- 3) оценка параметров русского и коми-пермяцкого языков – красота и престиж, сложность в изучении языка, использование и популяризация языка в обществе, использование языка в сфере образования;

4) межпоколенческая передача языка – планы о возможной передаче языка следующим поколениям
[Мансурова, 2015: 68].

Образец бланка анкеты представлен в Приложении 1. Вопросы 5–15, 35 являются открытыми, вопросы 16–24, 36 подразумевают выбор ответа из числа предложенных. На вопросы 25–34 в качестве ответа нужно было поставить оценку по пятибалльной шкале Лайкерта. Образец бланка анкеты представлен в Приложении (см. Анкета 1). Анкетирование проводилось в форме письменного опроса. Хотя в анкете присутствовали вопросы об использовании языков в религиозной сфере⁵, в настоящем исследовании ответы на них не анализировались, поскольку в 2023–2024 гг. вопросы по данной тематике не были включены в анкету.

В анкетировании приняло участие 28 информантов-коми-пермяков, в большинстве своем проживающих в населенных пунктах Коми-Пермяцкого округа – Кудымкарском (деревнях и селах Кудымкарского района), Кочевском, Юсьвинском, Гайнском районах; только один информант указал в качестве места жительства город Пермь. Необходимо отметить, что в анкете информанты указывали язык, который является для них родным: пять информантов указали, что для них русский язык является родным; 23 человека в качестве родного языка указали коми-пермяцкий.

Социальный состав информантов выглядит следующим образом: 4 учащихся средних общеобразовательных школ Коми-Пермяцкого округа, 16 студентов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, обучающихся на 1, 4 и 5 курсах, 8 информантов – учителя средних общеобразовательных школ и сельскохозяйственного техникума в Коми-Пермяцком округе. Важно обозначить, что большинство информантов, принявших участие в анкетировании, – это студенты Пермского государственного гума-

⁵ Вопросы о религии были обусловлены тем, что изначально анкета разрабатывалась для татар, исповедующих иную религию, чем русские и коми-пермяки.

нитарно-педагогического университета, а также учителя школ и преподаватели техникума в Коми-Пермяцком округе, т. е. данных людей можно отнести к интеллигенции, которая должна поддерживать и продвигать коми-пермяцкий язык в публично-правовом пространстве.

Распределение выборки информантов по возрастным группам представлено на рисунке 7.

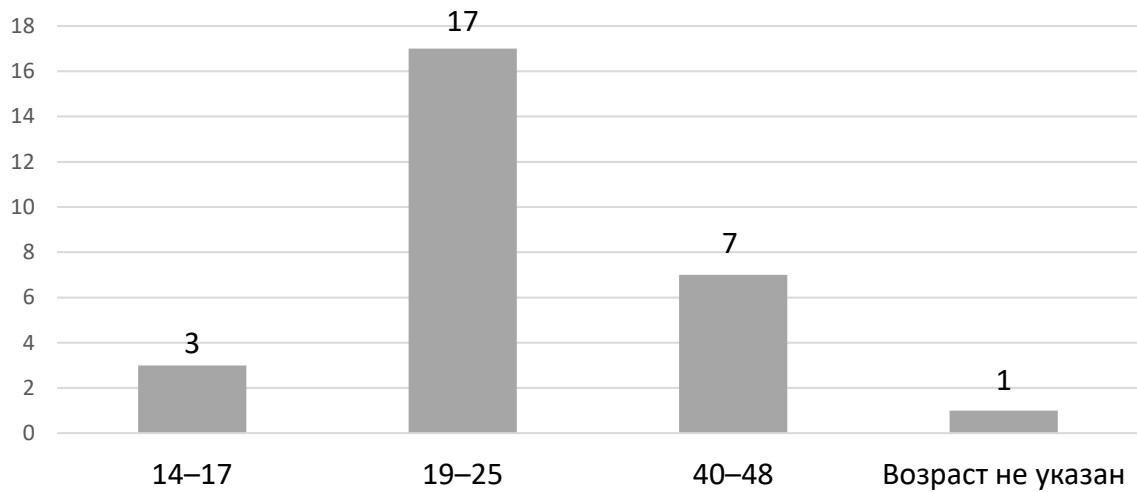

Рисунок 7. Распределение выборки информантов по возрастным группам, абс.

3.1.2. Анкетирование 2023–2024 гг.

Для изучения современного состояния и функционирования коми-пермяцкого языка и его витальности в рамках исследования была разработана анкета, которая помимо социальной части (вопросы 1–10: информации о возрасте, этнической принадлежности, месте рождения и жительства, уровне образования, специальности, трудовой занятости респондентов), содержала 68 вопросов, разделенных на 2 раздела:

- 1) владение коми-пермяцким языком – степень владения коми-пермяцким языком, функциональное использование коми-пермяцкого языка (бытовая сфера, образовательная, культурная, СМИ, органы государственной власти), межпоколенческая передача языка (планы о возможной передаче языка следующим поколениям), оценка параметров коми-пермяцкого языка (престиж, красота, сложность изучения, использование языка в образовании, использование и популярность языка в обществе);

2) владение русским языком – степень владения русским языком и иностранными языками, функциональное использование русского языка (бытовая сфера, образовательная, культурная, СМИ, органы государственной власти), оценка параметров русского языка (престиж, красота, сложность изучения, использование языка в образовании, использование языка в публично-правовом пространстве).

Вопросы с 11 по 68 – это содержательная часть анкеты, включающая информацию о степени владения коми-пермяцким языком, сферах его использования и отношении к нему. Вопросы 11, 14, 16, 17, 20, 21, 27, 29, 31, 33, 35, 37, 50, 53, 59, 60, 68 являются открытыми, вопросы 12, 13, 15, 18, 19, 22–26, 28, 30, 32, 34, 36, 43, 44, 48, 49, 51, 54–58, 61–64 подразумевают выбор ответа из числа предложенных. На вопросы 38, 39, 40, 42, 45–47, 65–67 в качестве ответа нужно было поставить оценку по пятибалльной шкале Лайкерта. Давая ответы на вопросы 41 и 68, информанты должны были описать несколькими словами коми-пермяцкий и русский языки; вопрос 52 подразумевал написание 5–7 предложений на коми-пермяцком о любви или нелюбви к коми-пермяцкому языку. Образец бланка анкеты представлен в Приложении (см. Анкета 2).

Анкетирование проводилось в форме онлайн-опроса с помощью сервиса Google Forms с августа 2023 г. по апрель 2024 г.

В анкетировании приняли участие 87 информантов, идентифицирующих себя как коми-пермяки, в возрасте от 16 до 63 лет, родившихся и проживающих в населенных пунктах Перми и Пермского края (включая населенные пункты Коми-Пермяцкого округа) (см. табл. Приложение). Возрастная дифференциация информантов представлена на рисунке 8.

Социальный состав информантов следующий: учащиеся старшей школы; один преподаватель и студенты Пермского государственного гуманистально-педагогического университета, студенты Пермского государственного национального исследовательского университета; учителя средних общеобразовательных учреждений Коми-Пермяцкого округа. Как и в случае с анкетированием 2015 г., подавляющее большинство информантов – это студенты

Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, изучавшие коми-пермяцкий язык в школе, в техникуме и университете. Информанты в возрасте 30–39 лет, как и студенты Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, изучали коми-пермяцкий язык в образовательных учреждениях. Именно данные категории информантов проявляют максимальный уровень лояльности к родному языку и обеспечивают его поддержку и продвижение, т. е. являются опорой языковой витальности.

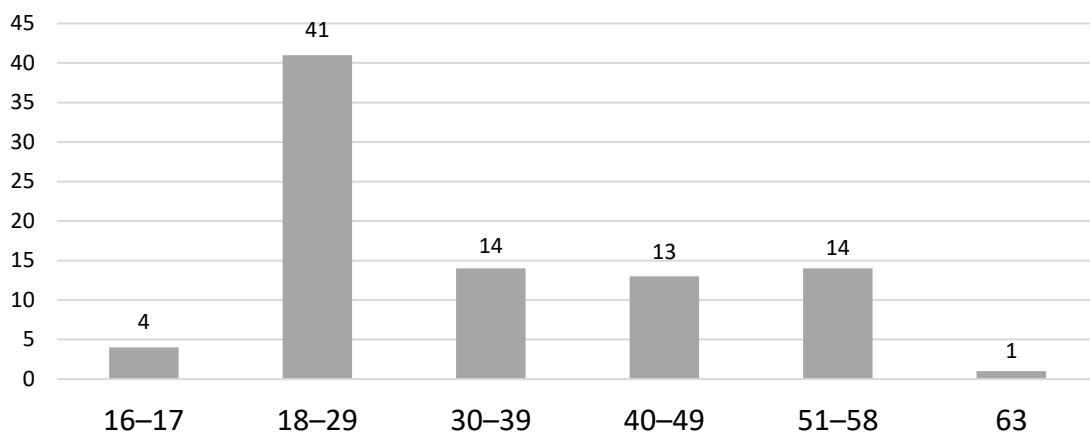

Рисунок 8. Распределение выборки по возрастным группам, абс.

3.1.3. Общая характеристика полученного материала

Объем материала анкетирования 2015 г. – 840 реакций (с отказами). Количество отказов в ходе заполнения анкет – 53, что составляет 6,3% от общего числа полученных реакций. Больше всего отказов было получено на вопросы об использовании языка на работе с коллегами, о желании изучить дополнительный(-ые) язык(-и), а также на вопрос, направленный на уточнение информации об учреждениях, в которых используется коми-пермяцкий язык.

Объем материала анкетирования 2023–2024 гг. – 5 046 реакций (с отказами). Количество отказов в ходе заполнения анкет – 159, что составляет около 3,15% от общего числа полученных реакций. Больше всего отказов было получено на вопросы об аргументации выбора языка, на котором информанты предпочитают читать книги и журналы, смотреть фильмы и др.

Разница в количестве отказов в анкетировании 2015 г. и 2023–2024 гг. обусловлена типом вопросов. Анкета 2015 г. содержала открытые вопросы, в

которых информантам необходимо указать язык, который они используют в ситуации общения с разными группами лиц. В анкетировании 2023–2024 гг. информантам было предложено выбрать вариант(-ы) ответа на вопрос, а затем аргументировать свой выбор. Именно в данной категории вопросов зафиксировано наибольшее количество отказов.

Таким образом, совокупный объем полученного и проанализированного материала составил 5 886 реакций (с отказами), без отказов – 5 674 реакций.

3.2. Функциональный статус коми-пермяцкого и русского языков: 2015 г.

3.2.1. Владение языками

Одним из ключевых вопросов исследования является вопрос о владении коми-пермяцким языком. По результатам анкетирования были получены следующие данные: в качестве родного языка⁶ 17,9% информантов указали русский язык, 82,1% информантов – коми-пермяцкий (см. рис. 9).

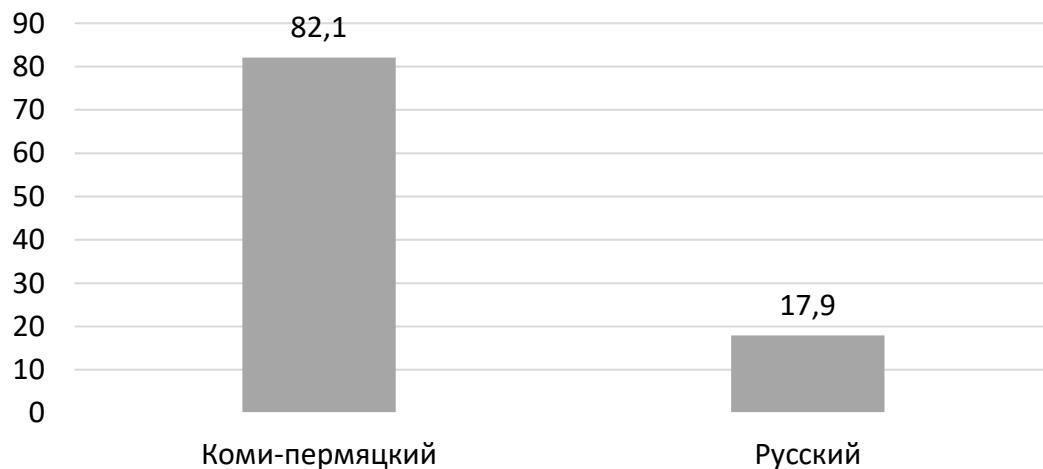

Рисунок 9. Родной язык, %

Полученные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на самоидентификацию «коми-пермяк», часть информантов (17,9%) выбирала в качестве

⁶ Понятие «родной язык» не является терминологическим. В социолингвистике обычно используются термины «материнский язык» или «первый язык», однако для информантов они не являются ясными. Поэтому при обращении к носителям языка обычно используют выражение «родной язык» (см., например, материалы переписей населения). В настоящем исследовании, поскольку часть информантов не была связана с лингвистикой и не знала лингвистической терминологии, было принято решение использовать при анкетировании выражение «родной язык».

родного русский язык. Подобная ситуация может быть объяснена сложностью и неоднозначностью вопроса о связи этнической идентичности и языка [Тишков, 1997: 57–65], а также влиянием внешних факторов при выборе родного языка.

Помимо владения родным языком информанты отметили, что также владеют другими языками. На рисунке 10 представлены ответы информантов о владении другими языками, помимо родного.

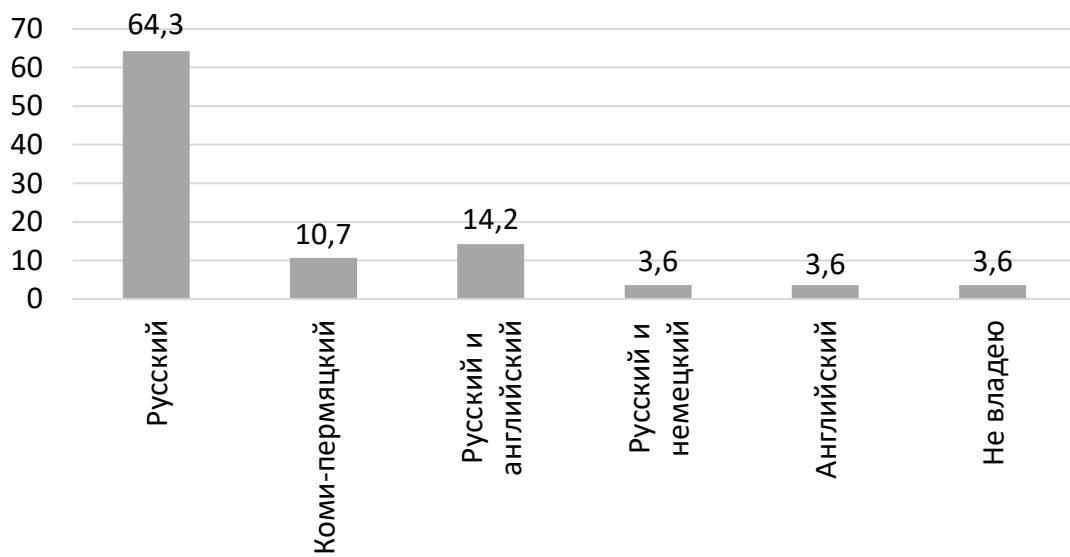

Рисунок 10. Владение носителями коми-пермяцкого языка иными языками, %

Так, 64,3% владеют также русским языком, который не является для них родным, 14,2% владеют русским и английским языками (еще 3,6% информантов указали, что владеют английским 3,6%), 3,6% владеют русским и немецким языками, коми-пермяцким – 10,7% информантов, не владеют никакими другими языками помимо родного – 3,6% информантов. Необходимо отметить, что те информанты, которые указали, что владеют коми-пермяцким языком, в предыдущем вопросе указали, что для них родным является русский язык. Один из информантов на этот вопрос ответил, что владеет коми языком. На вопрос о родном языке данный информант указал, что родным для него является русский язык, в связи с этими обстоятельствами его ответ о коми языке был расценен как владение коми-пермяцким языком и включен в общий

процент тех, кто указал коми-пермяцкий в качестве языка, которым владеет помимо родного.

Информантам необходимо было самим указать язык или языки, которые для них являются родными. В данном случае информанты могли давать ответ, основываясь на сформированных у них ощущениях, которые под воздействием внешних факторов могут не искажать ситуацию. На рисунке 11 представлены данные об оценке владения информантами языками (коми-пермяцким и русским языками).

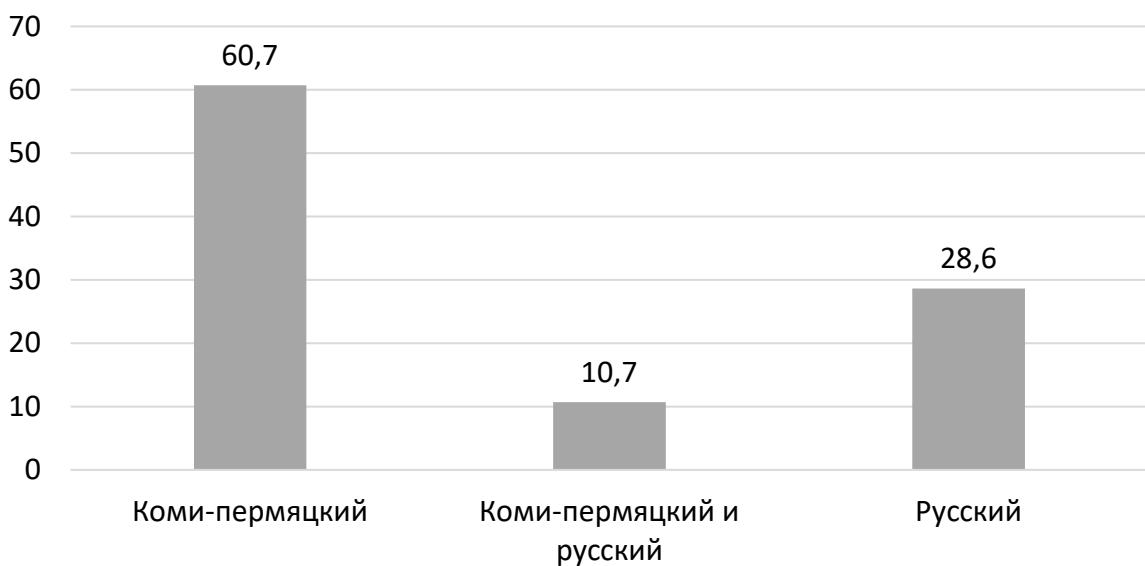

Рисунок 11. На каком языке говорят лучше всего, %

Большинство информантов (60,7%) указали, что лучше всего говорят на коми-пермяцком языке, 28,6% информантов отметили, что лучше всего говорят на русском, 10,7% респондентов указали, что хорошо говорят как на коми-пермяцком, так и на русском языках. Присутствие в ответах информантов русского языка может свидетельствовать о билингвизме коми-пермяков.

3.2.2. Ситуации общения с точки зрения использования языков

Как уже говорилось выше, языковая ситуация Коми-Пермяцкого округа характеризуется софункционированием русского и коми-пермяцкого языков. Рассмотрим активность языков в разных ситуациях общения.

Результаты анкетирования показывают, что в процессе взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления половина опрошенных информантов использует русский язык; 39,3% используют в данной ситуации коми-пермяцкий; 7,1% информантов используют русский и коми-пермяцкий языки (см. рис. 12). Полученные результаты подтверждают доминирующее положение русского языка в публично-правовом пространстве. Хотя более половины опрошенных использует русский язык при обращении и взаимодействии с органами государственной власти, коми-пермяцкий язык также включен в данную сферу, поскольку имеет статус официального языка и является языком, на котором может быть получена информация при обращении граждан за получением информации.

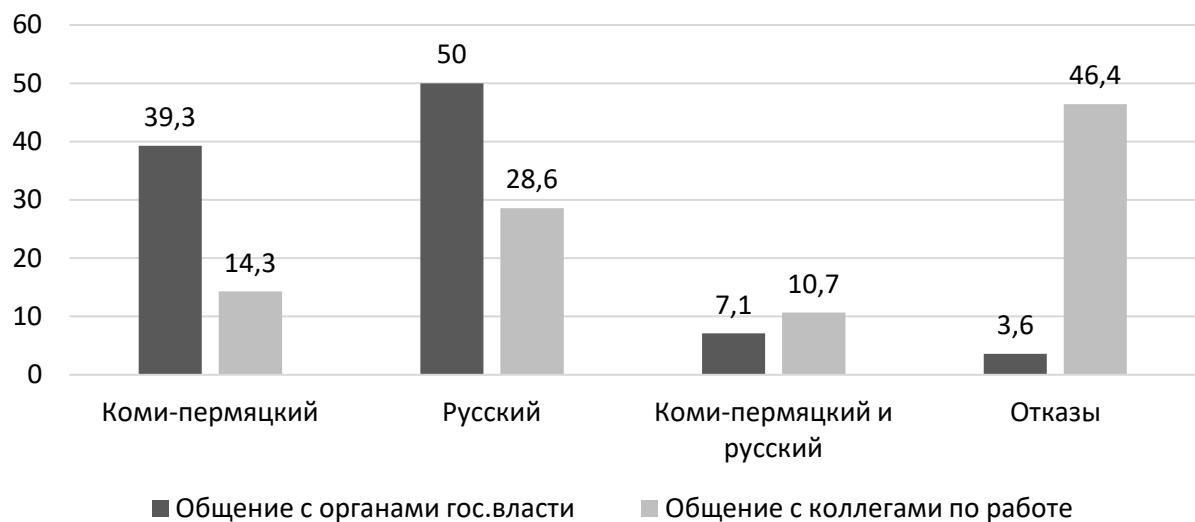

Рисунок 12. Использование коми-пермяцкого и русского языков при обращении в органы государственной власти и на работе с коллегами, %

На рисунке 12 представлены также ответы информантов об использовании коми-пермяцкого языка при общении с коллегами на работе. Как можно видеть, в данном случае получено крайне большое количество отказов, что свидетельствует о сложности вопроса для информантов, возможно, в силу того что многие из них – молодые люди, еще не имеющие опыта работы. Из оставшейся части информантов 28,6% указали, что используют для коммуникации с коллегами по работе русский язык; лишь 14,3% информантов ответили, что

используют коми-пермяцкий язык; оба языка используют 10,7% информантов. Таким образом, при общении в деловой обстановке большинство информантов предпочитают использовать русский язык, что может быть обусловлено присутствием в коллективе русскоговорящих, нежеланием использовать коми-пермяцкий язык для общения в коллективе и др.

Доминирующей для коми-пермяцкого языка остается бытовая сфера, в рамках которой носители языка общаются с близкими родственниками и друзьями. Однако даже бытовая сфера может быть охарактеризована как билингвальная, поскольку респонденты общаются с членами семьи и друзьями и на русском, и на коми-пермяцком языках. На рисунке 13 представлена сводная диаграмма использования коми-пермяцкого и русского языков при общении с семьей, братьями и сестрами, а также с друзьями.

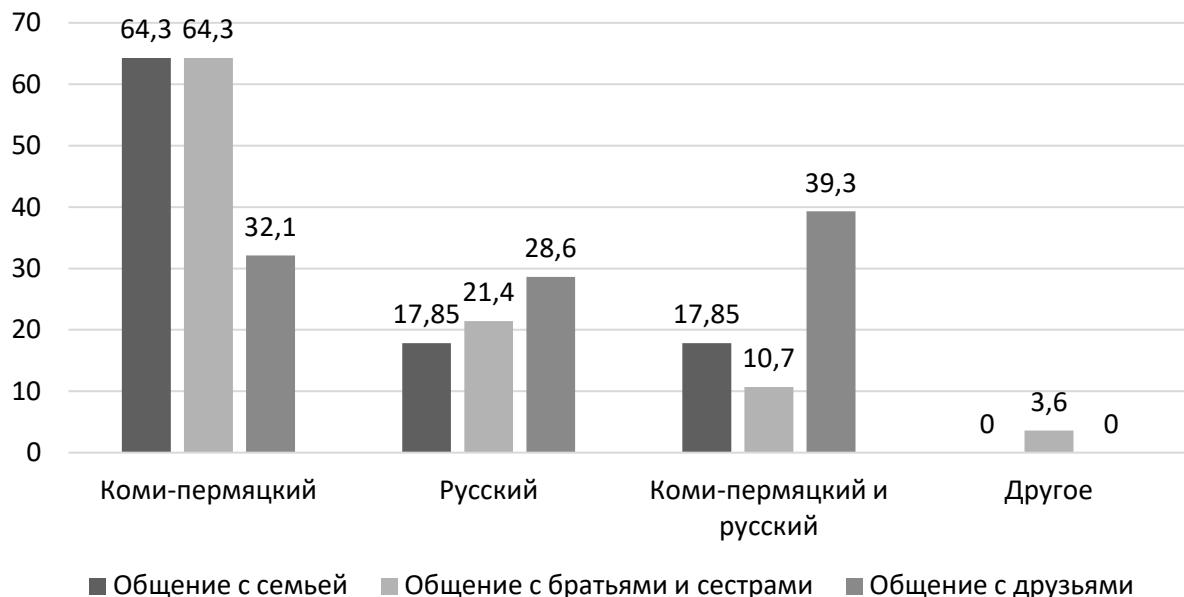

Рисунок 13. Использование коми-пермяцкого и русского языков в бытовой сфере, %

Доминирующим языком для общения с семьей является коми-пермяцкий язык (64,3% ответов), при этом лишь 17,85% указали русский язык и 17,85% информантов указали сразу оба языка – коми-пермяцкий и русский.

С ровесниками (братьями и сестрами) доминирующим языком общения также является коми-пермяцкий (64,3% ответов). Остальная часть информантов разделилась на две группы: те, кто использует только русский язык (21,4% информантов), и те, кто использует оба языка (10,7% информантов). Один из информантов (3,6%) на данный вопрос ответил: «нет», что на графике обозначено как «Другое» (можно предположить, что ответ информанта подразумевает отсутствие у него братьев и сестер, в связи с чем он не использует ни русский, ни коми-пермяцкий для общения в данной ситуации). Таким образом, коми-пермяцкий язык является доминирующим в ситуации общения с близкими родственниками.

В ситуациях общения с друзьями коми-пермяцкий язык используют только 32,1% информантов; при этом 39,3% информантов отметили, что при общении с друзьями используют и коми-пермяцкий, и русский языки, а 28,6% информантов, ответили, что в данной ситуации используют только русский язык. Круг общения информантов может включать в себя носителей разных языков, что обуславливает использование как русского, так и коми-пермяцкого языков. Те информанты, кто отметил, что использует русский язык в ситуации общения с друзьями, могут говорить о музыке, новинках в интернете, компьютерных играх, т. е. о темах, которые невозможно или сложно обсуждать на коми-пермяцком языке ввиду отсутствия или недостатка понятий. Проживание преимущественно в русскоговорящем городе обуславливает наличие друзей, говорящих на русском языке. Это является причиной того, что носители коми-пермяцкого языка используют с русскоговорящими друзьями русский язык, а с носителями коми-пермяцкого – коми-пермяцкий язык. Подобная ситуация отражает высокий процент ответов об использовании сразу обоих языков в общении с друзьями.

3.2.3. Коми-пермяцкий как язык образования

Поскольку большая часть информантов связана с системами среднего и/или высшего образования, одним из ключевых вопросов является изучение

информантами родного языка в образовательных учреждениях. На рисунке 14 представлены данные по языку, на котором ведется обучение в вузе или школе, где работают или обучаются информанты.

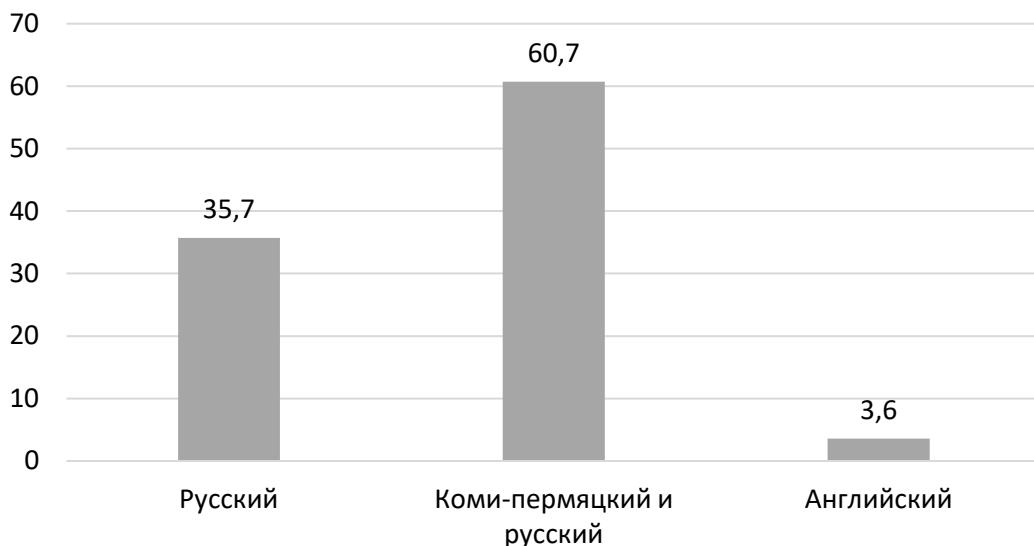

Рисунок 14. Язык, на котором ведется обучение в вузе/школе, %

Необходимо отметить, что в анкетировании вопрос об языке обучения не был разделен на два вопроса об использовании языка в средних, высших учебных заведениях (отдельно). Представляется, что для автора данной анкеты важным было получить от информантов ответ о языке, который они изучали в школе (как предмет «Родной язык»). В системе высшего образования только на программе с двумя профилями обучения «Родной язык и литература. Русский язык» в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете на коми-пермяцком ведутся отдельные дисциплины, но остальные дисциплины преподаются на русском языке.

Подавляющее большинство респондентов (60,7% соответственно) отметили, что в период обучения в школе или вузе они изучали коми-пермяцкий и русский языки; 35,7% респондентов ответили, что изучали исключительно русский язык, а 3,6% информантов отметили, что изучали английский язык. Использование коми-пермяцкого в качестве языка, на котором ведется обучение, может свидетельствовать о стремлении сохранить его. Несмотря на то что более половины опрошенных информантов указали, что их обучение ведется

на обоих языках, данные анкетирования не позволяют определить, в каком объеме используется коми-пермяцкий язык в обучении. В то же время полученные ответы позволяют сделать вывод, что коми-пермяцкий язык интегрирован в систему образования Пермского края и изучается школьниками, а также и студентами, обучающимися в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете.

Можно предположить, что, если обучение ведется на двух языках (коми-пермяцком и русском), это оказывает положительное влияние на дальнейшую передачу коми-пермяцкого языка следующим поколениям. В связи с этим информантам был задан вопрос: планируют ли они обучать коми-пермяцкому языку своих детей? Полученные результаты представлены на рисунке 15.

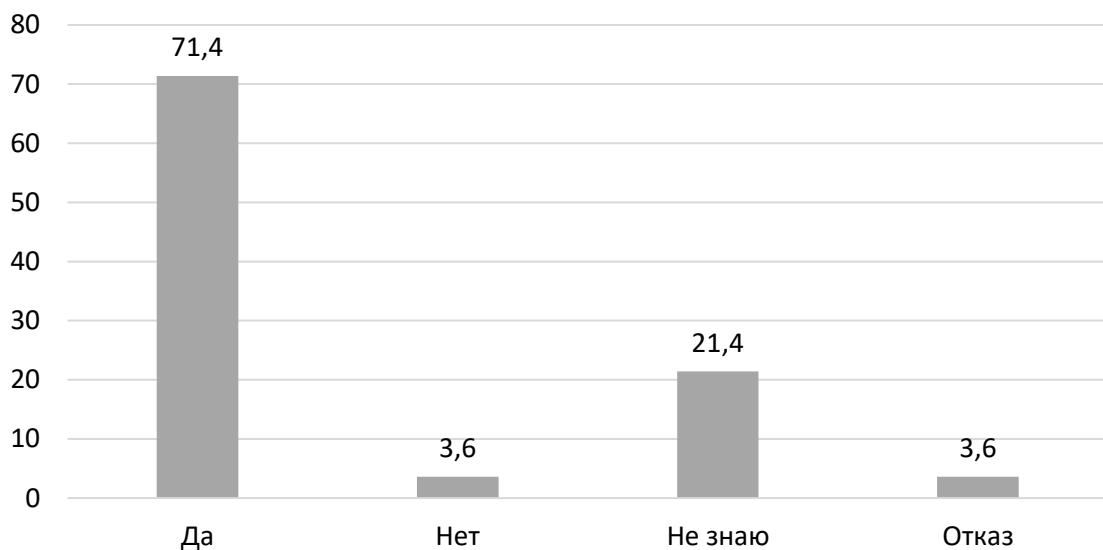
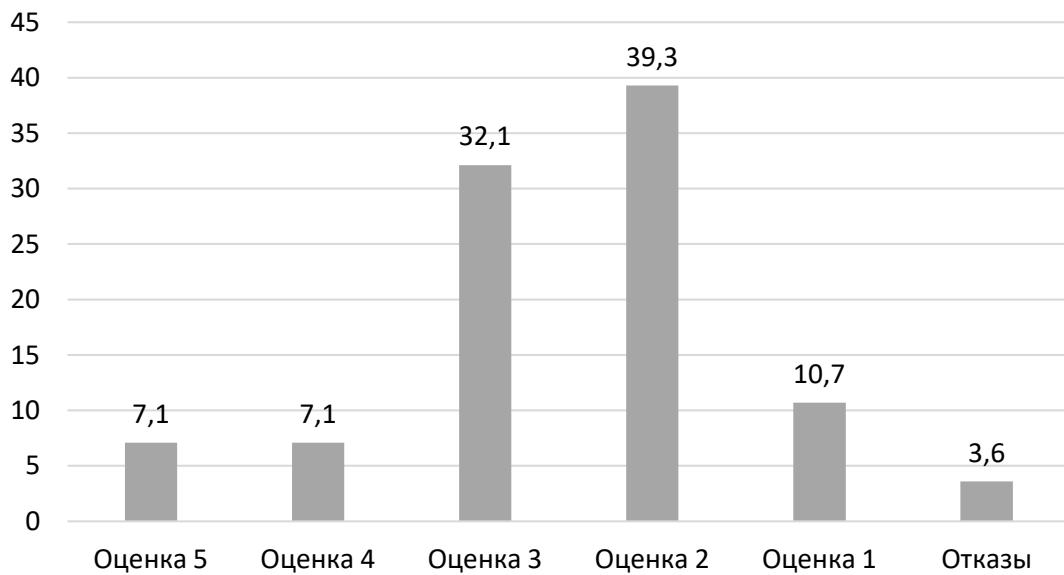

Рисунок 15. Дальнейшие планы по обучению детей коми-пермяцкому языку, %

Всего 3,6% информантов не планируют обучать своих детей коми-пермяцкому языку. При этом 71,4% информантов отметили, что они положительно относятся к обучению детей родному языку и планируют обучать своих детей. Среди опрошенных информантов также было 21,4% информантов, которые не смогли обозначить свою позицию по данному вопросу. Это может быть связано с юным возрастом респондентов или отсутствием у них детей.

В целом мы видим, что коми-пермяцкий язык используется в системе среднего и высшего образования наравне с русским языком. Желание носителей коми-пермяцкого языка обучать своих детей родному языку свидетельствует о заинтересованности в сохранении коми-пермяцкого языка и передаче его подрастающему поколению.

При оценке активности использования коми-пермяцкого языка в образовательной сфере (см. вопрос 35 Анкеты 1 Приложения) 10,7% информантов указали, что он совсем не задействован в образовании (оценка «1»), 39,3% информантов указали, что он практически не используется в образовании (оценка «2»), нейтральную оценку «3» использования коми-пермяцкого языка дали 32,1% информантов, одинаковое количество информантов (по 7,1%) указали, что коми-пермяцкий язык максимально активен (оценка «5») и достаточно активен (оценка «4») в системе образования Пермского края; процент отказов по данному вопросу составил 3,6% (см. рис. 16).

**Рисунок 16. Оценка информантами
степени активности использования коми-пермяцкого языка
в образовательной сфере, %**

Как видно из рисунка 16, наиболее часто встречающейся оценкой является «2», что свидетельствует о преобладающем мнении информантов о низкой степени включенности коми-пермяцкого языка в образовательную сферу.

Таким образом, хотя коми-пермяцкий язык в реальности задействован в системе как среднего, так и высшего образования, подавляющее большинство информантов указали, что он совсем не задействован в образовательной сфере. Несмотря на недостаточный уровень включения/использования коми-пермяцкого языка в образовательном процессе, информанты отмечают необходимость его изучения, что может свидетельствовать о стремлении поддерживать его межпоколенческую передачу.

3.2.4. Использование языков в СМИ и сфере культуры

Как было показано выше (см. пункт 2.2.1.), на территории Коми-Пермяцкого округа издается небольшое количество печатных СМИ на коми-пермяцком языке. Это газета «Кама кытшын» и приложение к газете «Парма», детский журнал «Сизимок». Помимо газет и журналов, на коми-пермяцком языке выпускаются книги, однако это в основном художественная или историческая литература; отсутствуют печатные издания на профессиональные темы. Таким образом, носители коми-пермяцкого языка ограничены в выборе печатных изданий на родном языке.

Помимо печатных изданий носители коми-пермяцкого языка ограничены в просмотре фильмов и спектаклей на родном языке. Все фильмы, которые транслируются по федеральным телеканалам или размещены на интернет-площадках, представлены на русском языке, поскольку перевод фильма на коми-пермяцкий язык не окупается. При просмотре фильмов также отсутствует возможность использования субтитров на коми-пермяцком языке. Подобная ситуация обстоит и с просмотром спектаклей на коми-пермяцком языке. У носителей коми-пермяцкого языка есть возможность смотреть спектакли на родном языке лишь в Коми-Пермяцком драматическом театре им. М. Горького, расположенному в городе Кудымкар.

На рисунке 17 представлена сводная диаграмма ответов информантов на вопрос об использовании коми-пермяцкого и русского языков при чтении печатных изданий и просмотре фильмов/спектаклей.

Подавляющее большинство опрошенных информантов указали, что читают книги, газеты и журналы на русском языке; 21,4% информантов ответили, что читают книги и газеты на коми-пермяцком языке. Лишь 3,6% информантов читают журналы на коми-пермяцком языке. Относительно просмотра спектаклей и фильмов 35,7% респондентов указали, что смотрят их на коми-пермяцком языке, тогда как более половины опрошенных (60,7% информантов) ответили, что смотрят фильмы и спектакли на русском языке. Важно отметить, что при ответе на все указанные вопросы менее 8% информантов указали, что предпочитают читать книги и газеты, смотреть фильмы и спектакли на обоих языках. Возможно, что выбор языка обусловлен наличием необходимого печатного издания и телевизионной программы на коми-пермяцком языке, в случае их отсутствия информация будет получена респондентом на русском языке.

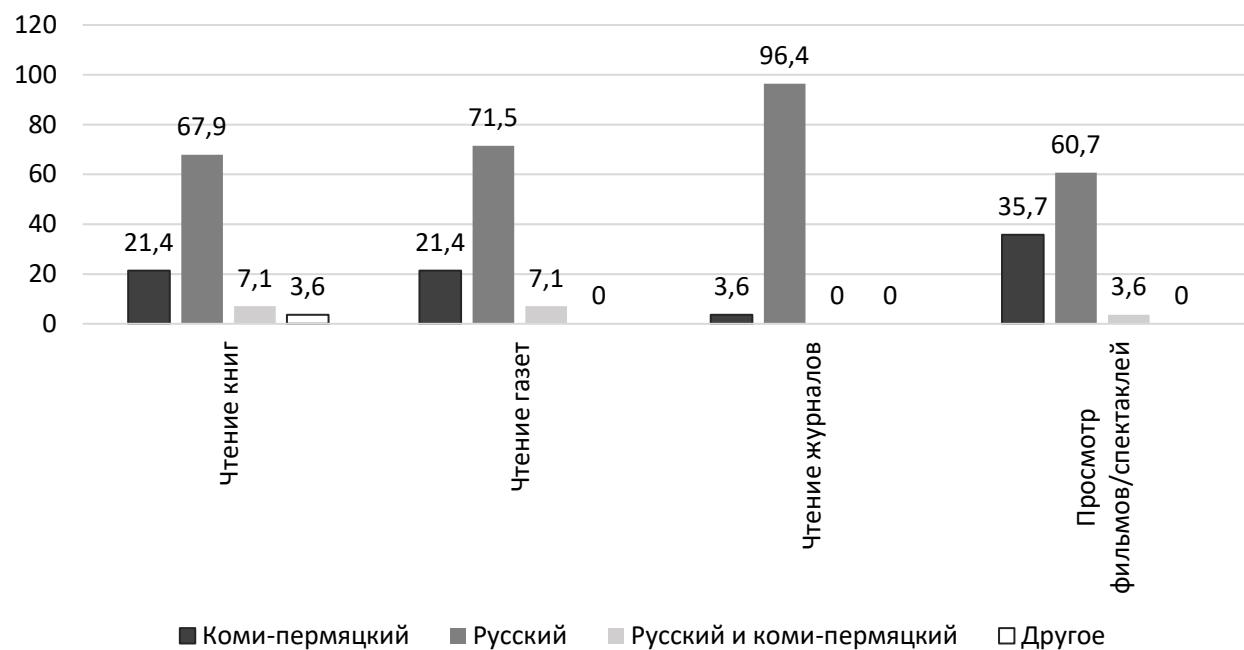

Рисунок 17. Использование коми-пермяцкого и русского языков в сфере культуры, %

В настоящее время наиболее популярным средством получения информации является интернет, не теряет своих позиций пока и телевидение. Носители коми-пермяцкого языка ищут информацию в интернете, смотрят телевизионные передачи значительно чаще на русском языке (см. рис. 18). Так, 67,9%

информантов указали русский в качестве языка, на котором они узнают новости, и только 21,4% информантов выбрали в качестве такого языка коми-пермяцкий. На обоих языках предпочитают искать информацию 7,1% информантов; 3,6% информантов указали, что для них язык не имеет никакого значения для получения информации. Полученные результаты подтверждаются данными о телевещании в Коми-Пермяцком округе: в телевизионном эфире на коми-пермяцком языке ежедневно выходят лишь новостные выпуски и еженедельно – программа о быте, культуре и истории. Подобное количество телевизионных программ не обеспечивает потребности носителей коми-пермяцкого языка, которые хотели бы получать новости на родном языке.

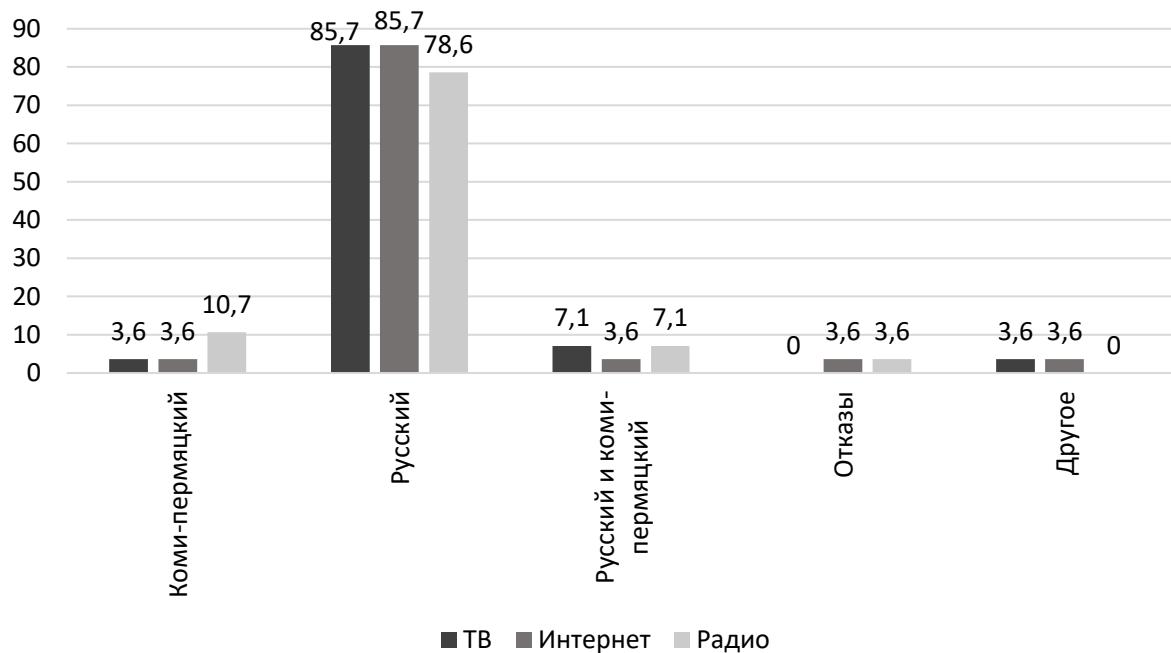

Рисунок 18. Использование коми-пермяцкого и русского языков при просмотре СМИ, %

Поскольку телевещание на коми-пермяцком языке ограничено, 85,7% информантов указали, что смотрят телевизионные передачи на русском языке, лишь 3,6% информантов смотрят телевизионные передачи на коми-пермяцком языке. Среди информантов 7,1% указали, что используют оба языка (русский и коми-пермяцкий) при просмотре телевизора (см. рис. 18). Один из информантов отметил, что смотрел бы телевизионные передачи на коми-пермяцком языке, если бы их было больше.

Подобная ситуация характерна для интернет-пространства и радиовещания (см. рис. 18). В интернете информация значительно чаще представлена на русском языке, чем на коми-пермяцком, в результате чего 85,7% информантов используют для поиска в интернете именно русский язык. Несмотря на то что радиовещание на коми-пермяцком языке ведется, выделяемое эфирное время настолько мало, что лишь 10,7% респондентов слушают радио на родном языке, тогда как на русском языке – 78,6%. Хотя русский язык превалирует в интернет-пространстве и на радиовещании, 3,6% и 7,1% информантов указали, что просматривают интернет-страницы и слушают радио как на русском, так и на коми-пермяцком языках. Один из информантов указал, что не просматривает информацию в интернете.

В целом мы можем отметить, что использование носителями коми-пермяцкого языка в СМИ возможно благодаря ежедневному радиовещанию на коми-пермяцком языке, а также публикациям и размещению информации на коми-пермяцком языке в сообществах, группах, на интернет-форумах, однако контент на коми-пермяцком языке не покрывает потребности аудитории.

3.2.5. Оценка коми-пермяцкого и русского языков и коми-пермяцкой культуры

Информантам в анкете было предложено оценить коми-пермяцкий и русский язык по следующим параметрам: красота, престиж, сложность изучения. Помимо этого, информантам также были предложены вопросы о ценности коми-пермяцкой культуры, ее популярности в Пермском крае, ценности коми-пермяцкого языка.

Необходимо отметить, что оценивание по каждому из предложенных параметров проводилось по пятибалльной шкале, где 1 – наименьшая оценка, 3 – нейтральная оценка, 5 – наивысшая оценка.

При оценке красоты коми-пермяцкого языка 57,1% информантов поставили оценку «5» (т. е. максимально высоко); 39,3% поставили оценку «4». На данный вопрос была получена лишь одна нейтральная оценка («3») и ни одной

негативной оценки (см. рис. 19). Таким образом, коми-пермяки оценили свой язык как красивый.

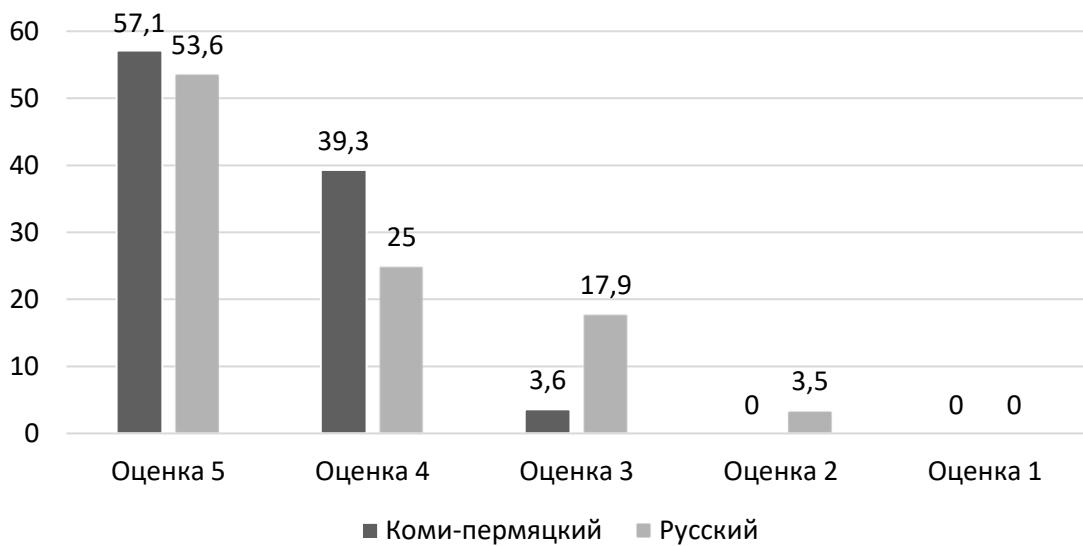

Рисунок 19. Оценка информантами красоты коми-пермяцкого и русского языков, %

Оценивая красоту русского языка, 53,6% информантов назвали его очень красивым (оценка «5»), 25% – красивым (оценка «4»), 17,9% информантов дали ему нейтральную оценку («3»). Негативную оценку («2») языку дали 3,5% информантов (см. рис. 19). Как и в ситуации с коми-пермяцким языком, наиболее часто встречающимся ответом стала оценка в 5 баллов. Необходимо отметить, что респонденты считают коми-пермяцкий и русский языки красивыми, однако количество респондентов, считающих коми-пермяцкий язык красивым, превышает количество тех, кто считает красивым русский язык. Также важно отметить, что в отношении русского языка были получено больше нейтральных оценок и были отрицательные оценки.

Несмотря на наличие у коми-пермяцкого языка статуса официального, никто из информантов не поставил ему самую высокую оценку по критерию престижности. Наибольшее количество информантов (39,3%) поставили нейтральную оценку, 14,3% информантов оценили престижность коми-пермяцкого на 4 балла, 32,1% – на 2 балла, 14,3% – на 1 балл (см. рис. 20).

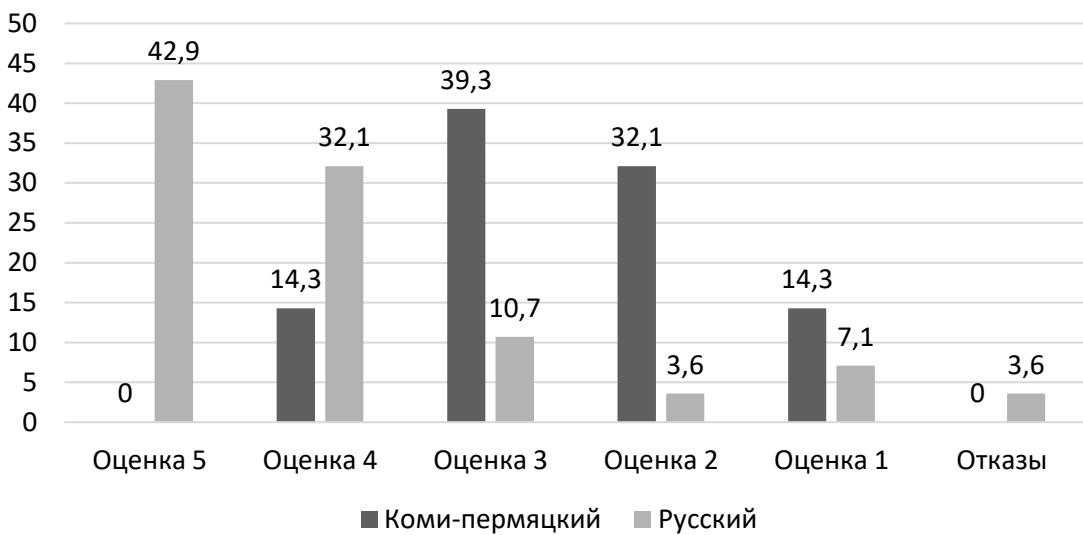
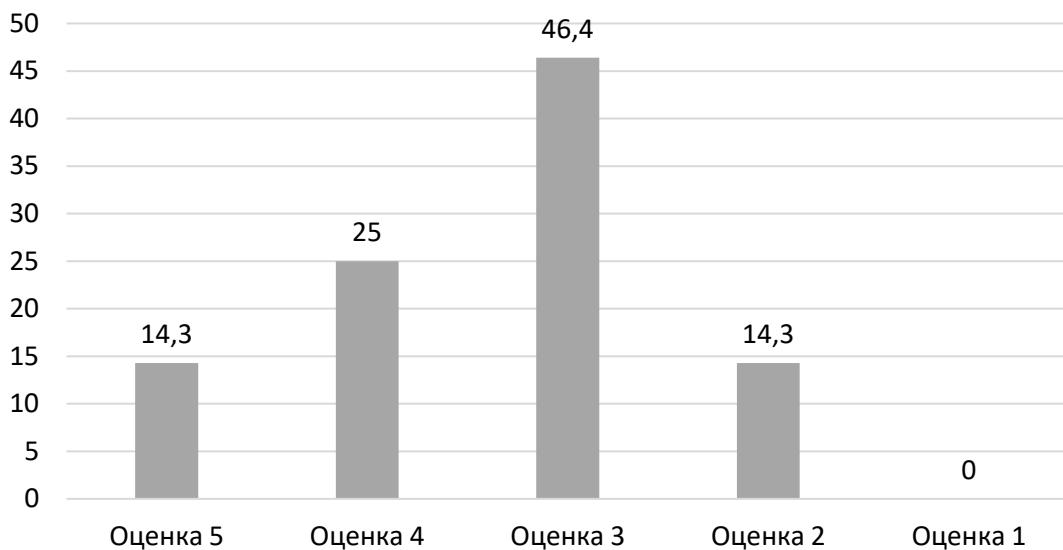

Рисунок 20. Оценка информантами престижности коми-пермяцкого и русского языков, %

При оценке престижности русского языка были получены следующие данные: 42,9% и 32,1% респондентов оценили престижность русского языка на 5 и 4 балла, нейтральная оценка престижности была выставлена 10,7% респондентов, 3,6% поставили оценку в 2 балла и 7,1% поставили оценку в 1 балл (см. рис. 20). Несмотря на наличие негативных оценок престижности русского языка, наиболее часто встречающимся ответом являются «5» и «4», что свидетельствует о значительно более высокой престижности русского языка на фоне коми-пермяцкого. Это может быть обусловлено тем, что знание русского языка, поскольку он имеет статус государственного, является ключевым критерием при приеме на работу, а результаты Единого государственного экзамена (ЕГЭ) по русскому языку являются обязательными для поступления в вуз, где обучение также ведется на русском языке.

При оценке другого параметра – сложности изучения – 14,3% информантов поставили коми-пермяцкому языку оценку «5»; 25% информантов – оценку «4»; при этом, 46,4% информантов дали нейтральную оценку «3»; 14,3% информантов поставили оценку «2» (см. рис. 21).

**Рисунок 21. Оценка информантами
сложности изучения коми-пермяцкого языка, %**

Вопрос относительно сложности изучения коми-пермяцкого языка связан с изучением именно литературного коми-пермяцкого языка, который является нормой. Хотя 11 респондентов указали, что литературный коми-пермяцкий язык сложен для изучения, наиболее часто встречающейся оценкой является нейтральная. Ощущение коми-пермяков, что литературный коми-пермяцкий язык является сложным для изучения, не способствует заинтересованности молодых людей в овладении им, к тому же для общения чаще используются диалектные формы коми-пермяцкого языка, что также не добавляет молодежи желания изучать литературный коми-пермяцкий язык.

На вопрос о популярности коми-пермяцкой культуры в пермском обществе 42,9% информантов поставили оценку «2», что свидетельствует о негативной оценке среди носителей коми-пермяцкого языка и культуры действий по популяризации коми-пермяцкой культуры, предпринимаемых правительством и общественными организациями. Другая часть информантов отметила, что коми-пермяцкая культура популяризована на уровне выше среднего (оценку «3» и «4» дали 32,1% и 14,3% соответственно). Только 7,1% информантов отметили, что коми-пермяцкая культура совсем не популяризована в пермском обществе (оценка «1») (см. рис. 22).

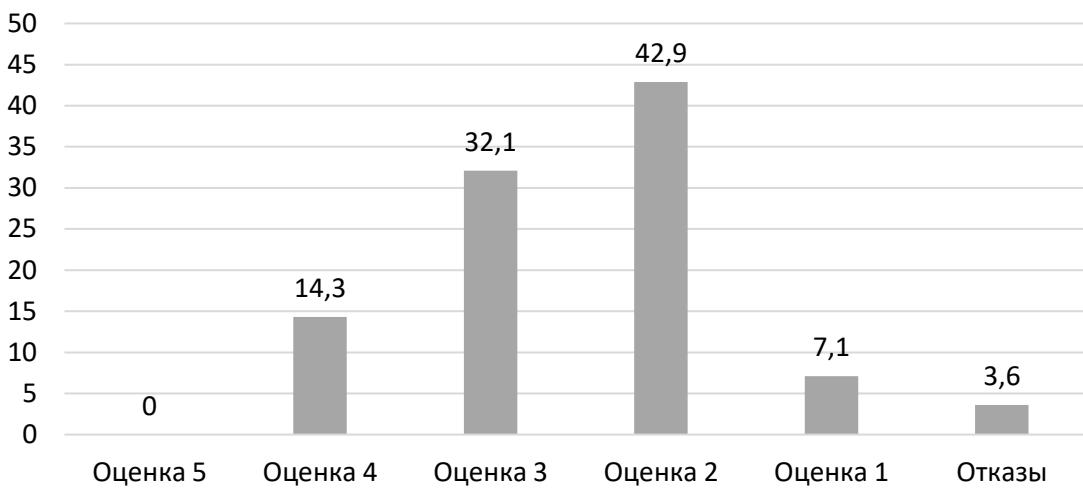
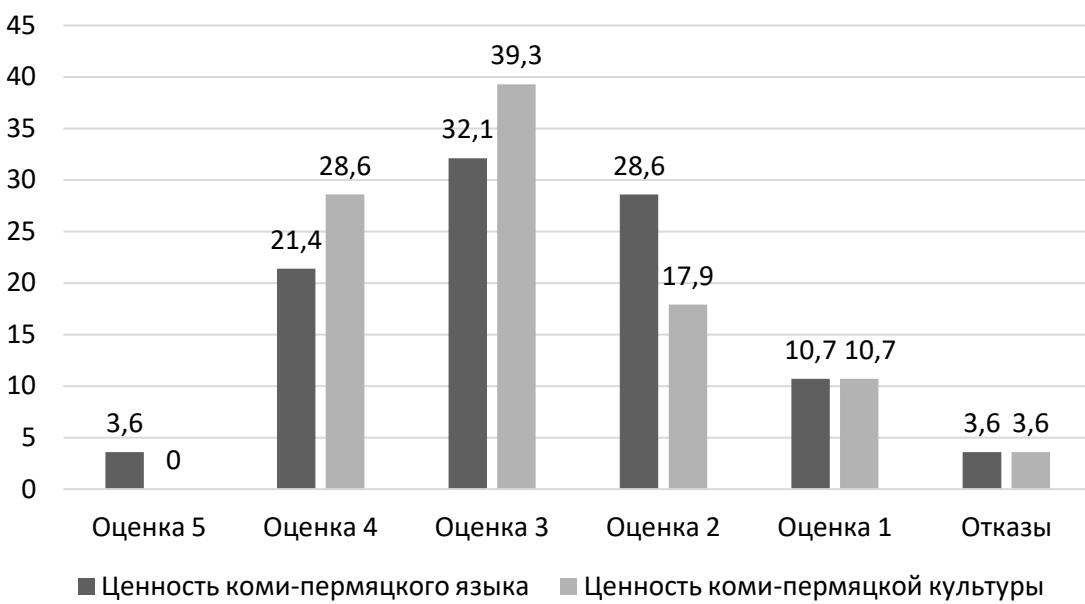

Рисунок 22. Оценка информантами популярности коми-пермяцкой культуры, %

Помимо субъективной оценки носителями коми-пермяцкого своего языка и культуры, для витальности языка важно, как носители языка оценивают отношение к своей культуре и языку другой части общества – носителей русского языка (см. рис. 23). Оценивая ценность коми-пермяцкой культуры для социума, коми-пермяки в основном ставят нейтральную оценку «3» (39,3%); 28,6% информантов указали, что пермское общество высоко ценит коми-пермяцкую культуру (оценка «4»). Это свидетельствует о наличии у носителей коми-пермяцкого языка положительного восприятия ценности их культуры пермским сообществом. Тем не менее, несмотря на наличие положительных оценок, 17,9% и 10,7% информантов ответили, что коми-пермяцкая культура совсем не ценится пермским обществом (оценки «2» и «1» соответственно).

На вопрос о ценности коми-пермяцкого языка для пермского сообщества более 20% информантов дали положительную оценку (см. рис. 23). В частности, 3,6% и 21,4% указали, что к коми-пермяцкому языку пермское общество относится хорошо (оценки «5» и «4»). В то же время 28,6% и 10,7% информантов поставили оценки «2» и «1», что свидетельствует об ощущении низкой значимости коми-пермяцкого языка среди носителей русского языка. Важно отметить, что наиболее часто встречающимся ответом о ценности коми-пермяцкого языка является нейтральная оценка «3», которую дали 32,1% информантов.

**Рисунок 23. Оценка информантами
ценности коми-пермяцких культуры и языка, %**

Необходимо отметить, что информанты указывают на ценность, важность и необходимость сохранения коми-пермяцкой культуры и языка. Однако в сфере культуры доминирующим оказывается русский язык, что подтверждается его использованием носителями коми-пермяцкого языка в большинстве рассмотренных ситуаций.

Полученные в ходе анкетирования данные позволяют прийти к заключению, что для коми-пермяков важным оказывается владение родным языком (это подтверждается его выбором в качестве родного более 80% информантов). Несмотря на положительные оценки носителями коми-пермяцкого языка его красоты, заметно, что коми-пермяцкий язык, по сравнению с русским, обладает меньшей функциональной мощностью, поскольку используется в большей степени в бытовой сфере. Носители коми-пермяцкого языка ограничены в выборе печатных изданий, просмотра телевизионных передач, радиостанций, получения информации в интернет-пространстве на коми-пермяцком языке, что вынуждает их использовать в этих сферах русский язык. Подобные ограничения в использовании коми-пермяцкого языка находят свое отражение в субъективной оценке престижности, значимости и популярности коми-пер-

мяцкого языка и культуры в Пермском крае. На основании полученных от информантов оценок можно прийти к выводу, что носители коми-пермяцкого языка ощущают, что их язык и культура не представляют ценности для пермского общества, что приводит к снижению и среди них уровня престижности коми-пермяцкого языка и переключению на русский язык.

3.3. Функциональный статус коми-пермяцкого и русского языков: 2023–2024 г.

3.3.1. Владение языками

В анкетировании 2023–24 гг. в качестве родного 70,1% информантов указали коми-пермяцкий язык, 18,4% – русский язык, а 8,1% – русский и коми-пермяцкий языки одновременно (см. рис. 24). Трое информантов на данный вопрос дали ответы: «да», «нет», «первый язык» (данные ответы на рисунке указаны как «другое»). В сравнении с данными анкетирования 2015 г. произошло сокращение на 12% количества информантов, которые считают коми-пермяцкий язык родным.

Несмотря на то что 70,1% информантов указали в качестве родного языка коми-пермяцкий, все 100% информантов отметили, что владеют русским языком. Подобное обстоятельство подтверждает факт распространения русского языка и билингвизма среди носителей коми-пермяцкого языка.

Информанты описывают коми-пермяцкий язык как *родной* (25,28%), *красивый* (6,89%), *любимый* (4,59%), *интересный* (5,74%), *необычный/самобытный* (8,04%), *мягкий/нежный* (4,59%), *сложный* (4,59%), *уникальный* (4,59%), *смешной* (2,29%), *звукный* (1,1%). У четырех информантов коми-пермяцкий язык вызывает ассоциации с домом и корнями. Около 10% информантов описывали коми-пермяцкий язык, используя коми-пермяцкие слова: *басёк* ‘красивый/милый’, *бур* ‘добрый/хороший’, *визыв* ‘текучий/быстрый’. В анкете 2015 г. информантам не было предложено описать коми-пермяцкий и русский языки.

При характеристике русского языка наиболее частотными словами явились *великий/могучий* (21,83%), *государственный* (4,59%), *богатый* (4,59%),

красивый (14,94%), *звонкий/звукочный* (3,44%), *родной* (9,19%), *многогранный/многофункциональный* (2,29%), *сложный* (4,59%).

Таким образом, предложенные характеристики коми-пермяцкого языка отражают эстетические чувства и эмоции информантов, тогда как при характеристике русского языка ими подчеркивается его функциональную мощность и статус.

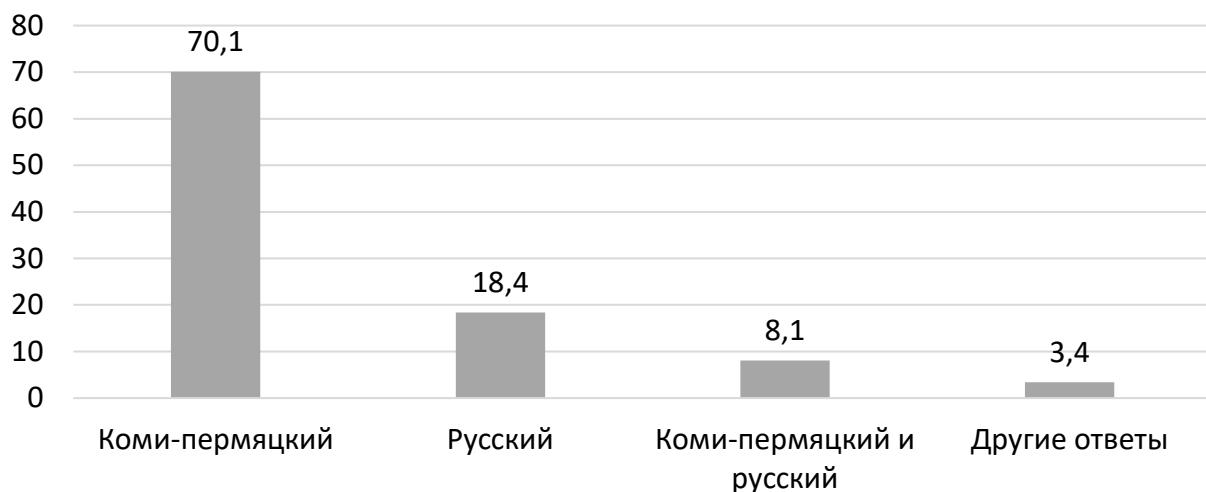

Рисунок 24. Родной язык, %

При оценивании степени владения коми-пермяцким языком информантам необходимо было выбрать один из пяти предложенных вариантов: «свободно говорю и пишу», «понимаю и говорю свободно, но пишу с ошибками», «понимаю и немного говорю, но не пишу», «понимаю, но не могу говорить», «не понимаю». Так, 62,1% информантов указали, что свободно говорят и пишут на родном языке, что может свидетельствовать о высоком уровне владения коми-пермяцким языком и использовании его не только в бытовой сфере (см. рис. 25); 17,3% информантов отметили, что понимают коми-пермяцкий язык и говорят на нем, но допускают ошибки в письменной речи; 14,9% информантов ответили, что не умеют писать на коми-пермяцком языке; 3,4% информантов понимают коми-пермяцкий, но не могут на нем говорить; совсем не понимают язык лишь 2 информанта (2,3%). В анкетировании 2015 г. информантам было предложено указать язык, на котором они говорят лучше всего, и количество информантов, указавших коми-пермяцкий в этом качестве, совпадает с данными анкетирования 2023–2024 гг.

Помимо вопроса о владении коми-пермяцким языком, информантам было предложено написать небольшой текст (5–7 предложений) на коми-пермяцком языке, посвященный любви и/или не любви к коми-пермяцкому языку. Подавляющее большинство информантов (72,41%) написали текст на коми-пермяцком языке. Это были тексты собственного сочинения, а также стихотворения на коми-пермяцком языке. 5 информантов (5,74%) написали тексты о коми-пермяцком языке на русском языке, 8 информантов (9,19%) не смогли написать текст, поскольку не знают коми-пермяцкого языка, письму не обучены, не знают слов или затрудняются дать ответ. Двое информантов отметили, что ограничены во времени и не могут написать текст, понимают коми-пермяцкий язык и говорят на нем, любят его.

Информанты, которые указали, что свободно говорят и пишут на родном языке, – это в основном студенты, обучающиеся на коми-пермяцком отделении Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, учителя и преподаватели, которые владеют литературной нормой и могут использовать язык как в устной, так и в письменной речи. Другие информанты могут владеть диалектом, в результате чего у них возникают сложности при говорении на литературном коми-пермяцком языке и при письме.

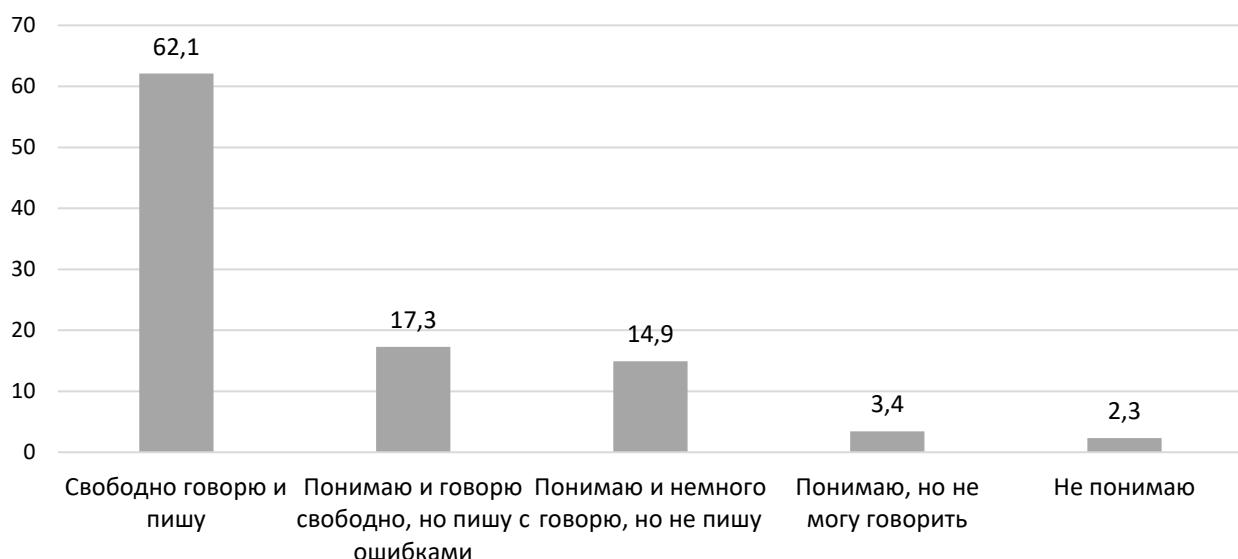

Рисунок 25. Степень владения коми-пермяцким языком, %

При оценке степени владения русским языком 91,9% информантов указали, что свободно говорят и пишут на русском языке, что может быть объяснено тем обстоятельством, что изучение государственного языка является обязательным для всех, на него выделяется большее количество часов обучения, чем на коми-пермяцкий язык, и обучающимся необходимо сдавать обязательный итоговый экзамен по русскому языку по окончании школы (см. рис. 26).

Рисунок 26. Степень владения русским языком носителями коми-пермяцкого языка, %

В свою очередь, коми-пермяцкий язык не является обязательным для сдачи в качестве итогового контрольного мероприятия по окончании школы, его изучения в разных общеобразовательных школах может носить факультативный характер. Также необходимо отметить, что 8,1% информантов отметили, что хотя понимают русский язык и свободно говорят на нем, но допускают ошибки при письме.

Помимо субъективной оценки носителями степени владения родным языком, важным оказывается и информация о том, владеют ли они литературной формой коми-пермяцкого языка или диалектом. На рисунке 27 представлены частоты ответов информантов на этот вопрос.

Как мы видим, 60,9% информантов владеют обеими формами (литературной формой и диалектом) коми-пермяцкого языка. Среди этих информантов были студенты, учителя и преподаватели, изучавшие литературную форму коми-пермяцкого языка, а также люди, владеющие определенным диалектом в зависимости от места рождения и проживания.

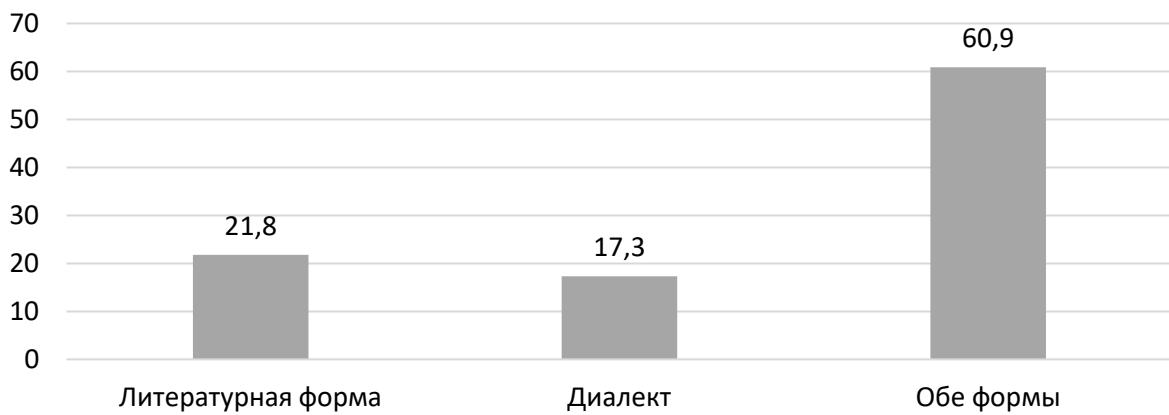

Рисунок 27. Владение информантами литературной формой и/или диалектом коми-пермяцкого языка, %

Можно предположить, что для информантов вопрос разграничения литературной формы коми-пермяцкого языка и диалектов не является ключевым, поскольку вопрос о том, каким диалектом владеют информанты, вызвал у них затруднения. Возможно, что для 21,8% и 17,3% информантов, которые указали, что владеют или литературной формой, или диалектом, важно в целом владение коми-пермяцким языком, а владение его литературной формой или диалектом для носителей может являться второстепенным вопросом.

3.3.2. Ситуации общения с точки зрения использования языков

Коми-пермяцкий язык является языком, который используется преимущественно в бытовой сфере. В большинстве случаев носители коми-пермяцкого языка используют его для общения с членами семьи и близкими друзьями. Несмотря на то что официальный статус коми-пермяцкого языка позволяет использование его в государственных учреждениях и публично-правовом пространстве, ведение на нем переписки и оформление документации носит ограниченный характер.

В семье коми-пермяцкий язык используется со всеми родственниками (представителями старшего и младшего поколений). На рисунке 28 представлены случаи, в которых информанты используют коми-пермяцкий и русский языки в семье.

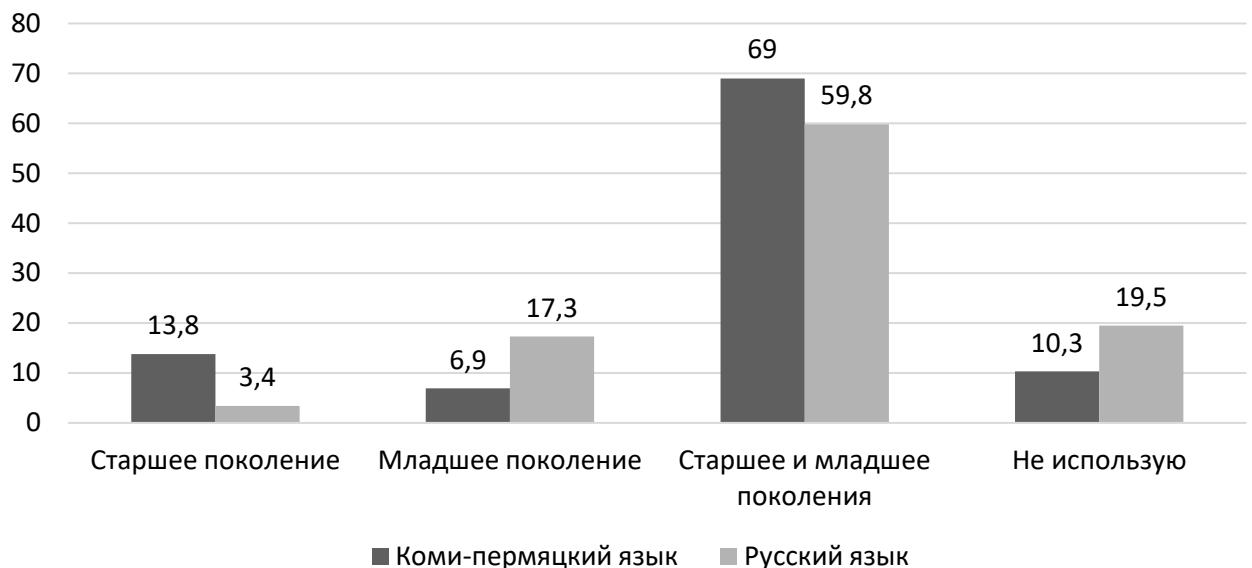

Рисунок 28. Случаи, в которых коми-пермяцкий и русский языки используются в семье, %

Как можно видеть, только 10,3% информантов не используют коми-пермяцкий язык для общения с близкими. Более половины опрошенных информантов используют коми-пермяцкий язык с представителями обоих поколений (69% соответственно). Ситуации общения на коми-пермяцком языке с бабушками и дедушками, родителями, дядями и тетями были объединены как ситуации общения с представителями старшего поколения, а ситуации общения с братьями и сестрами, а также двоюродными братьями и сестрами – как ситуации общения с представителями младшего поколения. Используют коми-пермяцкий язык только с представителями старшего поколения 13,8%, только с представителями младшего поколения – 6,9% информантов.

Как и в случае с коми-пермяцким языком, подавляющее большинство информантов использует русский язык для общения с представителями обоих поколений. Русский язык чаще, чем коми-пермяцкий, используется при общении с представителями младшего поколения (17,3%), и реже, чем коми-пермяцкий, при общении с представителями старшего поколения (3,4%). Русский язык сохраняет свое положение в семейной сфере и является вторым по популярности языком для общения с членами семьи, но ведущим языком семьи все-таки является коми-пермяцкий.

По результатам анкетирования 2015 г. коми-пермяцкий язык также используется большинством информантов для общения с семьей, братьями и сестрами, т. е. сохраняет доминирующее положение в семейно-бытовой сфере. В ситуации общения с друзьями или своими сверстниками используется как коми-пермяцкий, так и русский языки. Часть информантов при ответе на данный вопрос указала, что постоянно используют коми-пермяцкий язык (4 информанта), и лишь двое информантов отметили, что используют его редко или в зависимости от ситуации.

На рисунке 29 представлены ответы информантов об использовании коми-пермяцкого и русского языков в публично-правовом пространстве и с друзьями.

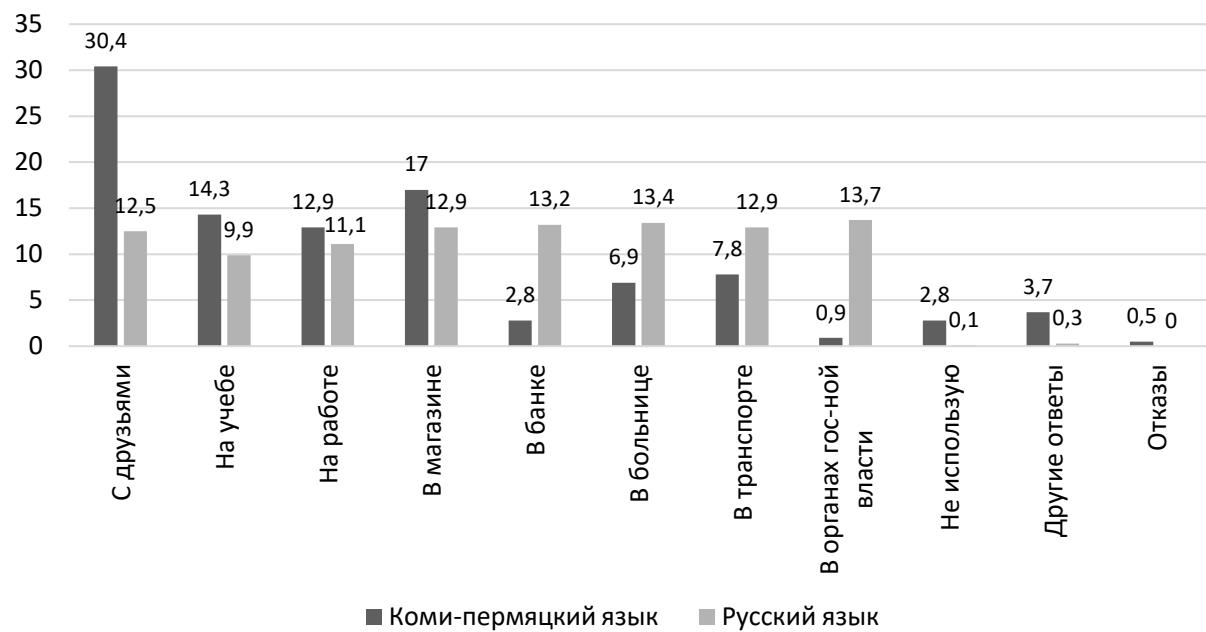

Рисунок 29. Сфера, в которых используются коми-пермяцкий и русский языки, %

Во внесемейных сферах общения информанты предпочитают использовать коми-пермяцкий язык в магазине (17%), транспорте (7,8%), больнице (6,9%), банке (2,8%), на учебе (14,3%) и работе (12,9%) (см. рис. 32). Подавляющее большинство информантов (30,4% соответственно) используют коми-пермяцкий язык для общения с друзьями. Информанты в некоторых случаях давали пояснения к выбору сфер, в которых они используют коми-пермяцкий язык, при этом чаще всего указывали на привязку учреждения к определенной

территории (например, если больница находится на территории Коми-Пермяцкого округа, то информант может использовать коми-пермяцкий язык) или знанием языка собеседником. Лишь 2,8% информантов указали, что не используют коми-пермяцкий язык во внесемейном пространстве.

Большинство информантов предпочитают использовать коми-пермяцкий язык в тех сферах, которые являются частью их повседневной жизни, и в ситуациях, которые являются для них привычными.

При общении с друзьями информанты предпочитают использовать коми-пермяцкий язык в любых ситуациях (36,8%), при этом 16,1% информантов указали, что используют коми-пермяцкий только тогда, когда человек его знает или исключительно на территории Коми-Пермяцкого округа. Информанты также отметили, что используют коми-пермяцкий в разговоре с друзьями при встрече и когда рассказывают шутки (24,1% и 8% соответственно). Не используют коми-пермяцкий язык для общения с друзьями лишь 6,9% информантов.

Доминирование русского языка в социальных и государственных учреждениях, ключевых публично-правовых пространствах обусловлено статусом государственного языка. В случае использования с друзьями коми-пермяцкий язык является доминирующим, что может быть обусловлено проживанием друзей на территории Коми-Пермяцкого округа и владением коми-пермяцким языком. В случае смены места жительства или пребывания на территории Перми русский язык оказывается доминирующим для общения с друзьями.

Поскольку часть информантов официально трудоустроена, то важным было получить информацию о том, в каких ситуациях на работе они используют коми-пермяцкий и русский языки (см. рис. 30).

На работе не используют коми-пермяцкий язык только 11,1% информантов. Для общения с коллегами коми-пермяцкий язык используют в рабочей обстановке 20,7% информантов, в нерабочей обстановке – 41,5% информантов, при общении с начальством – 7,4% информантов. Помимо этого, коми-пермяцкий язык информанты используют для общения на собраниях и в электронной переписке.

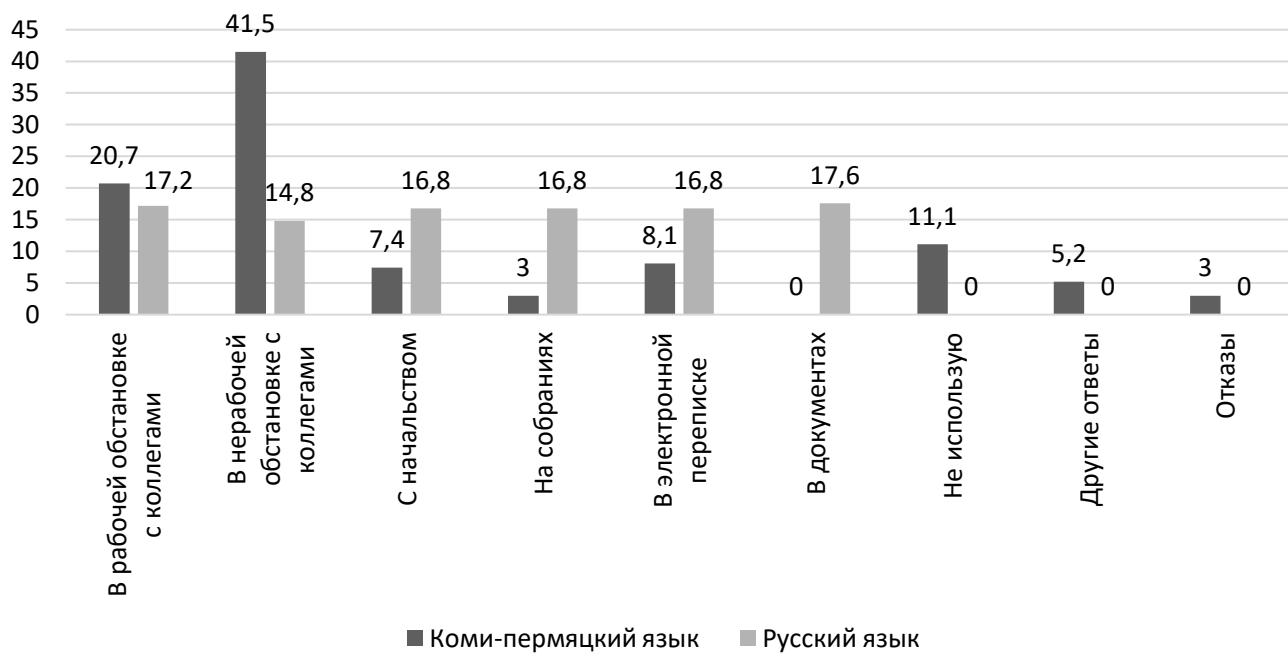

Рисунок 30. Ситуации, в которых коми-пермяцкий и русский языки используются на работе, %

Русский язык также активно используется информантами в рабочей и нерабочей обстановках для общения с коллегами, 16,8% информантов используют его для общения с начальством, 17,6% и 16,8% – в документах и электронной переписке, на оперативках и собраниях – 16,8%.

Несмотря на использование обоих языков в рабочем процессе, русский язык доминирует при составлении документов и в электронной переписке, тогда как коми-пермяцкий язык преимущественно используется для устного общения с коллегами и начальством.

По сравнению с данными, полученными при анкетировании в 2015 г., доминирующим языком, который используется информантами для общения с коллегами по работе, оказался русский язык.

Таким образом, информанты предпочитают использовать коми-пермяцкий язык в нерабочей обстановке, что может быть обусловлено предъявлением более жестких требований к уровню владения коми-пермяцким языком в рабочей обстановке, например, в случае электронной переписки. Помимо этого, коми-пермяцкий язык используется информантами только тогда, когда их собеседник знает его, если же среди сотрудников или начальства оказываются

люди, не знающие коми-пермяцкого языка, это резко ограничивает его использование в рабочей среде.

На рисунке 31 представлены данные по ситуациям, в которых коми-пермяцкий язык используется информантами при обращении в органы государственной власти. При формулировании данного вопроса подразумевалось обращение информантов в администрации муниципальных округов Коми-Пермяцкого округа, а также в центр государственных услуг «Мои документы». Немаловажным оказывается тот факт, что при обращении в органы государственной власти посетили могут использовать любой язык – русский или коми-пермяцкий. Большинство информантов указали, что используют коми-пермяцкий язык при личном обращении в органы государственной власти. По результатам анкетирования 2015 г. 39,3% информантов использовали коми-пермяцкий язык при обращении в органы государственной власти, т. е. количество информантов, использующих родной язык по прошествии 10 лет уменьшилось на 3,7%, что может быть статистической погрешностью. При по-даче заявления онлайн лишь один информант использует коми-пермяцкий язык, что может быть связано с недостаточной адаптированностью интернет-ресурсов к другим языкам, кроме русского. Помимо личного обращения в органы государственной власти, коми-пермяцкий язык используется информантами при решении вопросов по телефону (19,6%); 29,9% информантов не используют коми-пермяцкий язык в данной ситуации.

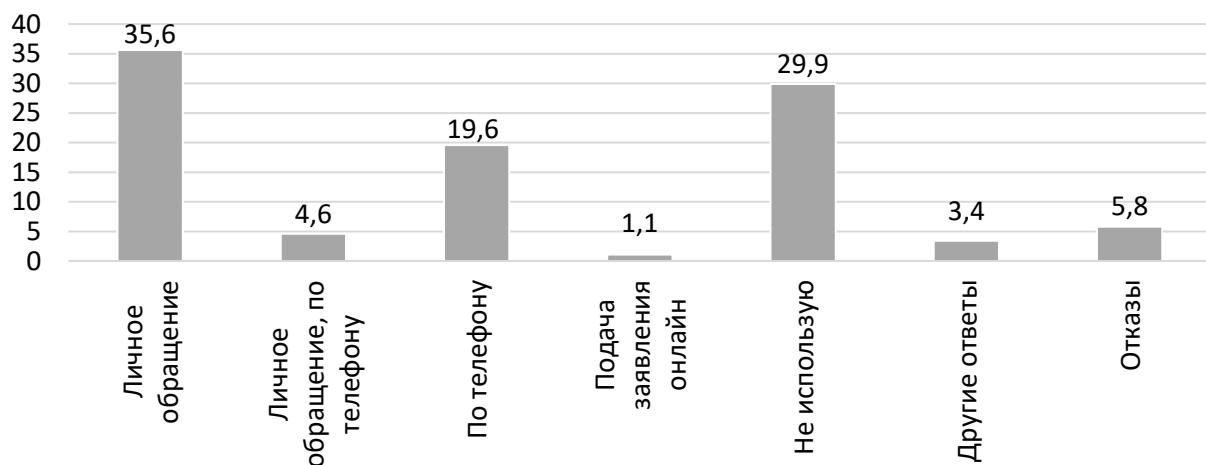

Рисунок 31. Ситуации, в которых коми-пермяцкий язык используется при обращении в органы государственной власти, %

Представленные данные позволяют прийти к заключению, что получение государственных услуг на коми-пермяцком языке осуществляется только при непосредственном обращении граждан в органы государственной власти или при телефонном разговоре. Получение услуг на родном языке в цифровом формате на данном этапе практически не осуществляется.

В случае с русским языком (см. рис. 32) информанты используют его при личном обращении в органы государственной власти, при общении с сотрудниками по телефону и подаче заявления онлайн (87,5% соответственно). Это обусловлено наличием у него статуса государственного языка, наличием интернет-ресурсов для обращений граждан.

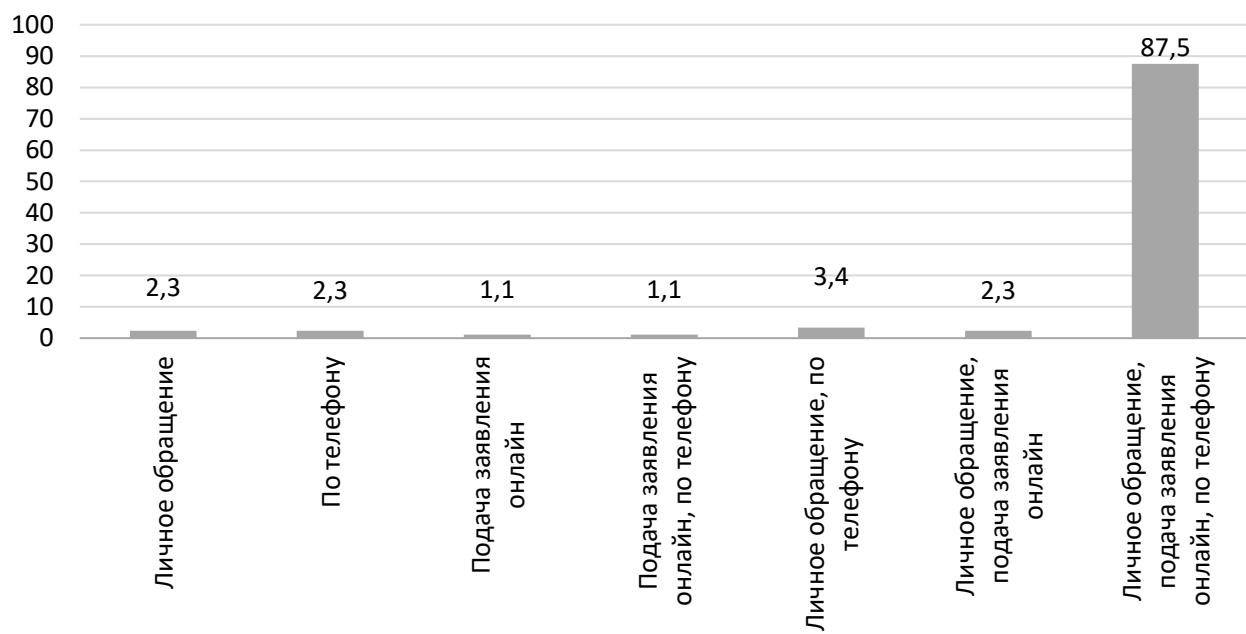

Рисунок 32. Ситуации, в которых русский язык используется при обращении в органы государственной власти, %

На рисунке 33 представлены ситуации, в которых информанты используют коми-пермяцкий язык при обращении в медицинские учреждения: 49,5% используют его для общения с посетителями; 2,3% – в регистратуре; 2,3% – с врачом; 1,1% – с медсестрой и др. Не используют коми-пермяцкий язык в медицинских учреждениях 18 информантов (20,7% соответственно). Менее 5% информантов отметили, что использование коми-пермяцкого языка в медицинских учреждениях зависит от знания собеседником языка, расположения больницы (в Перми или на территории Кomi-Пермяцкого округа).

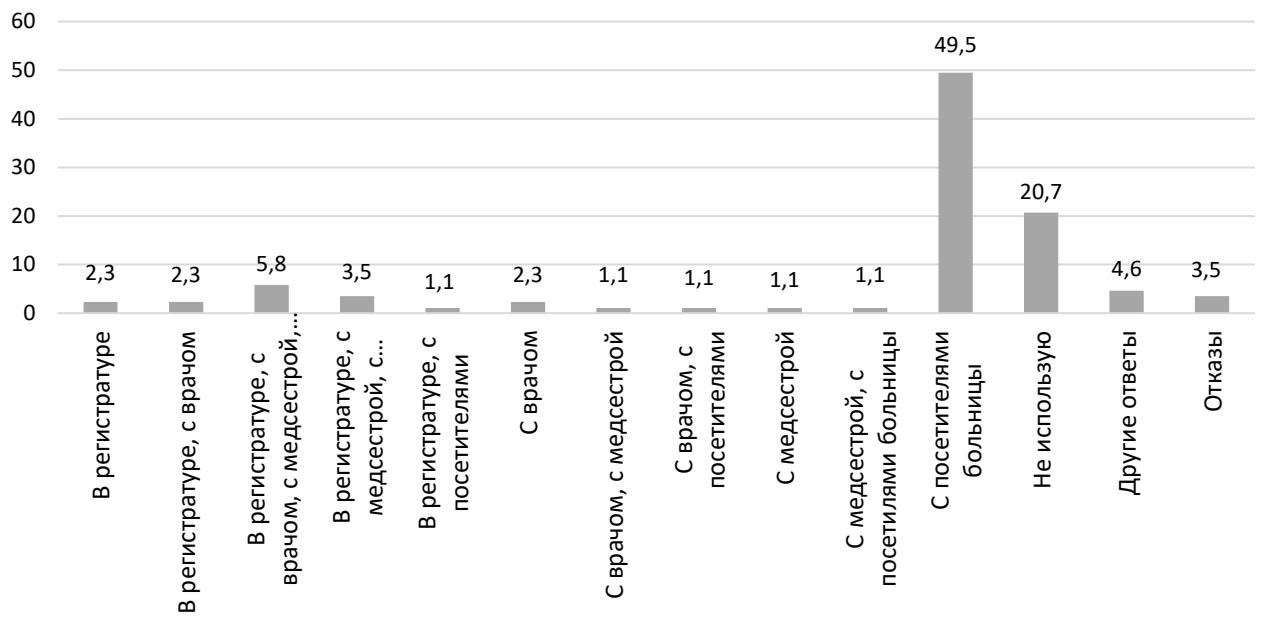

Рисунок 33. Ситуации, в которых коми-пермяцкий язык используется в больницах, %

Если сравнить с использованием русского языка в медицинских учреждениях, то 80,5% информантов используют русский язык для общения в регистратуре, с врачом, с медсестрой и посетителями больницы (см. рис. 34). Доминирование русского языка может быть обусловлено территориальным фактором (нахождение больницы в Перми или районах Коми-Пермяцкого округа, где проживает в основном русскоязычное население), отсутствием специфических медицинских терминов на коми-пермяцком языке, незнанием или низким уровнем знания коми-пермяцкого языка медицинским персоналом.

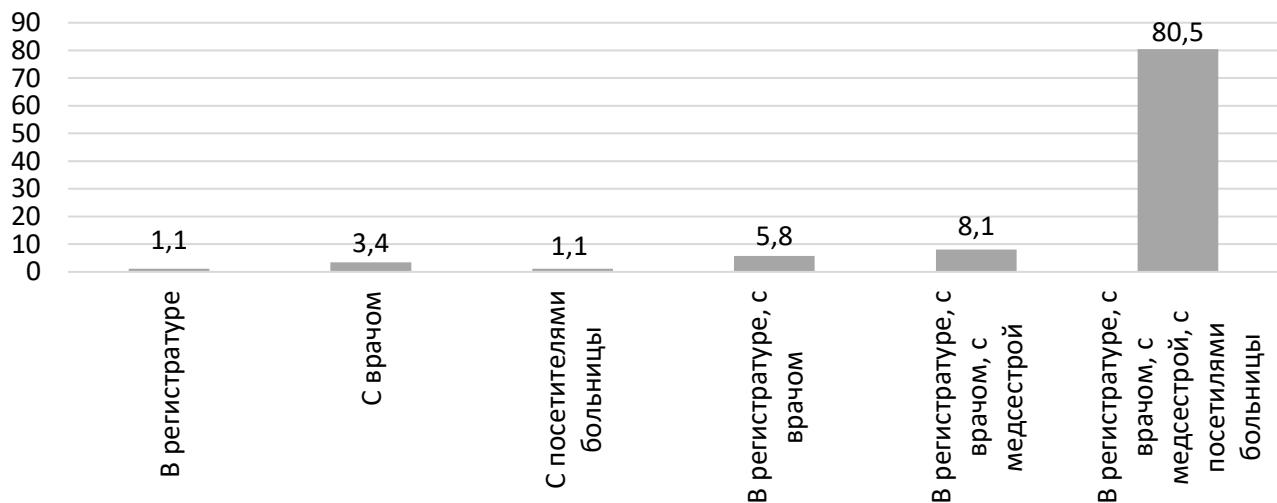

Рисунок 34. Ситуации, в которых русский язык используется в больницах, %

Полученные данные показывают, что коми-пермяцкий язык преимущественно используется в бытовой сфере, т. е. при общении с близкими родственниками. В общественных сферах доминирующим языком остается русский язык, что обусловлено его статусом и широкой распространенностью и среди носителей коми-пермяцкого языка. Несмотря на превалирование русского языка в публично-правовом пространстве, коми-пермяцкий язык также обеспечивает общение в разнообразных официальных ситуациях при условии, что информанты взаимодействуют с людьми, которые владеют коми-пермяцким языком и могут свободно говорить на нем.

3.3.3. Коми-пермяцкий как язык образования

Одной из ключевых сфер для поддержания витальности коми-пермяцкого языка является образование.

На рисунке 35 представлены данные о том, с какого класса информанты изучали коми-пермяцкий язык. В рамках анкетирования 80,5% информантов отметили, что изучали коми-пермяцкий язык в школе или в вузе; 19,5% информантов отметили, что не изучали коми-пермяцкий язык (ответы «Не изучал(-а)», «Нет», «Не помню»).

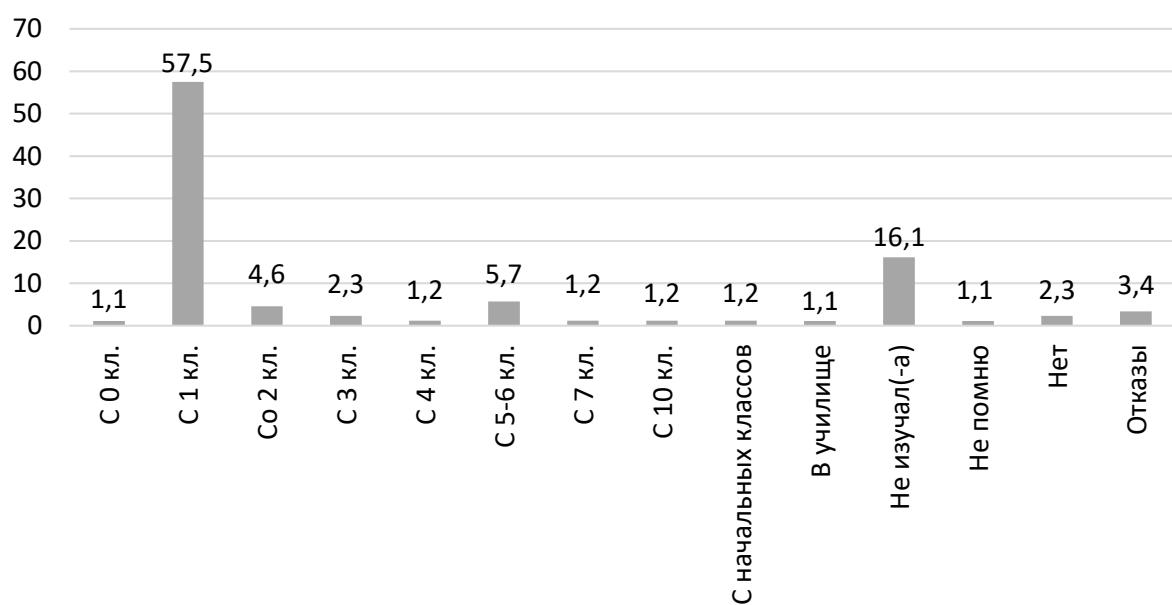

Рисунок 35. Изучение коми-пермяцкого языка в средних общеобразовательных учреждениях, %

Не изучали коми-пермяцкий язык 16,1% информантов, при этом другие информанты указали, что изучали коми-пермяцкий язык в начальной школе, средней и старшей школе и указали класс, в котором они приступили к изучению родного языка. Более половины опрошенных информантов отметили, что изучали коми-пермяцкий язык с 1 класса. Один из информантов отметил, что начал изучать коми-пермяцкий язык с 0 класса (в 80-х гг. была программа с «нулевым» классом в начальной школе). Другой информант отметил, что изучение родного языка осуществлялось им лишь в период обучения в училище.

Помимо фиксации класса, когда информант начал изучение коми-пермяцкого языка, важным оказывается получение дополнительной информации о количестве лет, в течение которых информант изучал коми-пермяцкий язык. На рисунке 36 представлены ответы информантов о длительности изучения коми-пермяцкого языка в школе. На основании полученных данных можно видеть, что более трети информантов изучали коми-пермяцкий язык почти весь период обучения в школе, т. е. 9 лет. Однако полученные данные не позволяют нам получить информацию о том, с какой частотностью происходило изучение родного языка, например, один урок в неделю или больше. Несмотря на отсутствие данных о количестве и частоте проведения занятий по родному языку, коми-пермяцкий язык мог активно использоваться обучающимися на занятиях.

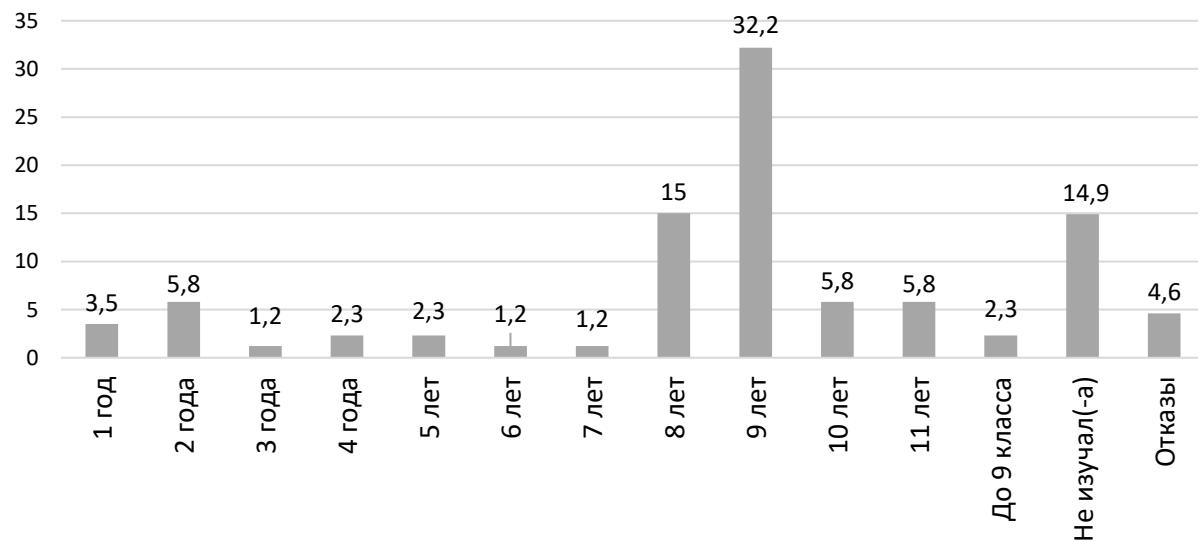

Рисунок 36. Длительность изучения коми-пермяцкого языка в школе, %

На рисунке 37 представлены данные о ситуациях, при обсуждении которых информанты использовали коми-пермяцкий язык в школе или в вузе.

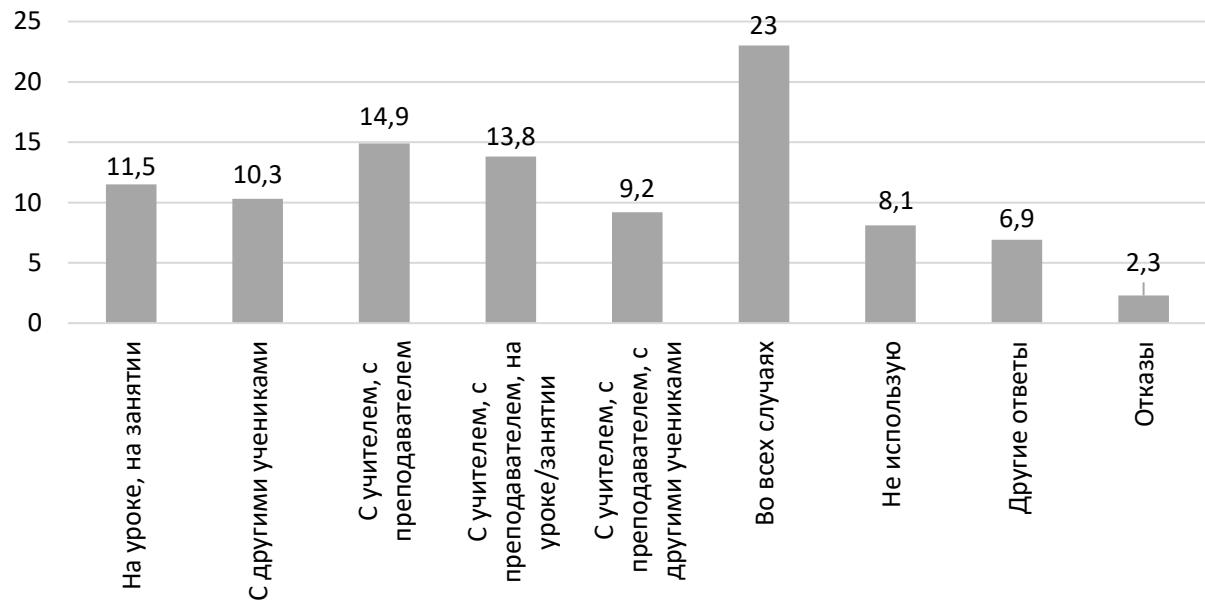

Рисунок 37. Ситуации, при обсуждении которых использовался коми-пермяцкий язык в школе и вузе, %

Лишь 8,1% информантов не использовали коми-пермяцкий язык в учебных заведениях; 23% информантов использовали коми-пермяцкий для общения с учителем, с преподавателем, с другими обучающимися и во время урока/занятий; 9,2%, 10,3% и 14,9% информантов – при общении с участниками образовательного процесса; 11,5% и 13,8% информантов – во время учебного процесса. Таким образом, коми-пермяцкий язык достаточно активно за действован в средних и высших учебных заведениях. Необходимо отметить, что использование информантами коми-пермяцкого языка на занятиях, при взаимодействии со всеми участниками образовательного процесса должно способствовать улучшению их навыков владения языком. Однако все информанты обучались коми-пермяцкому языку в разном объеме (1–2 года и более), что может отражаться на степени владения коми-пермяцким языком.

Низкая оценка использования коми-пермяцкого языка информантами прослеживается и при ответах на вопрос о том, насколько активно коми-пермяцкий язык используется в образовательной сфере (см. рис. 38). Более 40% информантов отметили, что коми-пермяцкий язык практически не используется

при обучении (оценка «2»); 19,5% информантов указали, что коми-пермяцкий язык совсем не используется в системе образования Пермского края (оценка «1»), поскольку не является обязательным для изучения. При этом 29,9% информантов поставили нейтральную оценку (оценка «3»), что может говорить о присутствии коми-пермяцкого языка в образовательной сфере, но в недостаточном объеме. Лишь 3,4% и 1,2% информантов поставили оценки в «4» и «5» баллов, которые говорят о высокой оценке и активном использовании родного языка в образовательных учреждениях Коми-Пермяцкого округа. Совместно отрицательные ответы на данный вопрос («1» и «2») дали две трети информантов (65,5%), что свидетельствует в целом о негативном восприятии информантами включенности коми-пермяцкого языка в систему образования.

В анкетировании 2015 г. одинаковое количество информантов (7,1% соответственно) высоко оценило использование и задействование коми-пермяцкого языка в образовательной сфере в отличие от данных анкетирования 2023–2024 гг. Несмотря на более высокие оценки в вопросе активности использования коми-пермяцкого языка в образовательной сфере в анкетировании 2015 г., информанты, как и в анкете 2023–2024 гг., отмечают низкий уровень задействования коми-пермяцкого языка в образовательной сфере, о чем свидетельствует большой процент информантов, поставивших оценки «2» и «1» (39,3% и 10,7% соответственно).

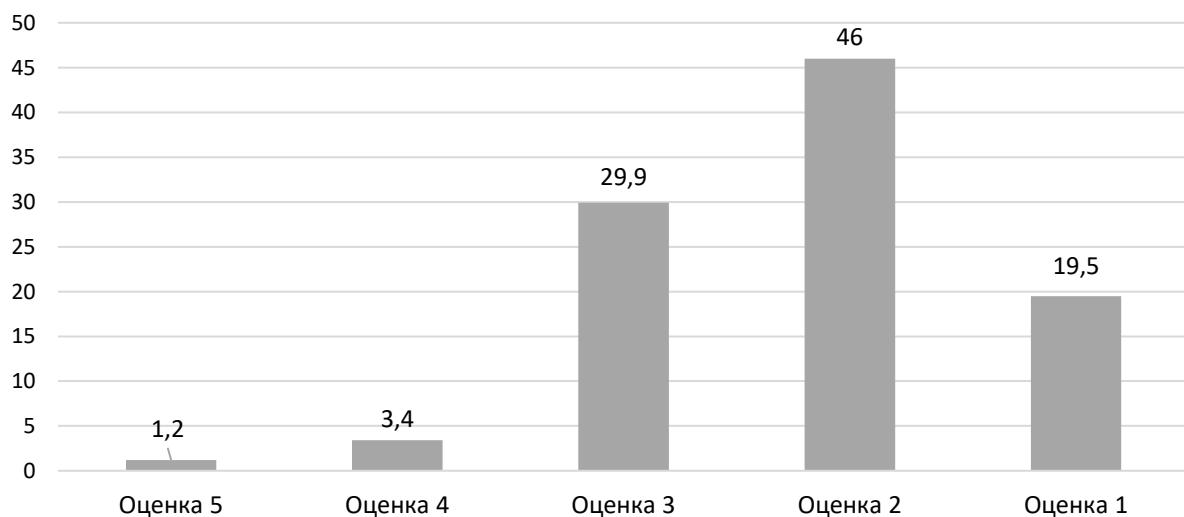

Рисунок 38. Оценка использования коми-пермяцкого языка в образовательной сфере, %

Хотя большинство информантов полагает, что коми-пермяцкий язык не активен в образовательной сфере, 69% информантов отметили, что обучали, обучают или планируют обучать детей коми-пермяцкому языку (см. рис. 39).

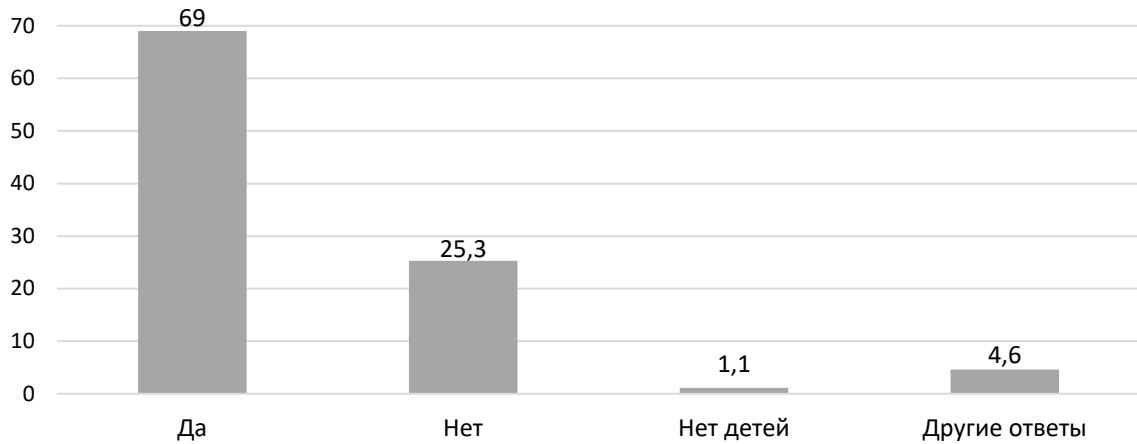

Рисунок 39. Дальнейшие планы информантов по обучению детей коми-пермяцкому языку, %

По прошествии 10 лет на 2,4% уменьшилось количество информантов, которые планируют обучать своих детей коми-пермяцкому языку, что может свидетельствовать об осознании родителями ненужности изучения родного языка их детьми. Четверть опрошенных информантов отметили, что не обучают или не планируют обучать своих детей коми-пермяцкому языку. Были и те информанты, которые указали, что изучение их детьми коми-пермяцкого языка зависит или будет зависеть от желания ребенка, места работы родителей, места жительства. В целом можно отметить, что среди носителей коми-пермяцкого языка есть желание передачи языка молодому поколению, однако есть и те, кто объективно оценивает сложившуюся ситуацию в обществе и отмечает, что обучение коми-пермяцкому языку не нужно или будет зависеть от внешних обстоятельств.

Сохранение и передача языка подрастающему поколению является одним из важнейших показателей его жизнеспособности. Несмотря на желание большинства носителей коми-пермяцкого языка сохранить родной язык, подрастающее поколение может быть не заинтересовано в изучении родного языка, отдавая предпочтение доминирующему языку. На рисунке 40 представлены данные об оценке информантами желания их детей изучать коми-пермяцкий язык.

Рисунок 40. Мотивация детей изучать коми-пермяцкий язык, %

Более половины опрошенных информантов (55 человек) ответили, что у них нет детей школьного возраста, поэтому их ответы на вопрос о мотивации детей изучать коми-пермяцкий язык не отражены на рисунке 40. Из числа тех информантов, у кого есть дети, лишь 18,75% указали, что их дети изучают коми-пермяцкий язык с удовольствием; 37,5% информантов отметили, что их дети изучают родной язык, но делать этого не хотят; у 43,75% опрошенных информантов дети не изучают коми-пермяцкий язык. Полученные результаты могут свидетельствовать о низкой заинтересованности детей в изучении коми-пермяцкого языка. Развитие данной тенденции в дальнейшем может привести к снижению количества обучающихся, которые изучают родной язык, что может постепенно привести к исключению коми-пермяцкого из образовательной среды и исчезновению данного канала передачи знаний о родном языке подрастающему поколению.

3.3.4. Использование языков в СМИ и сфере культуры

Интенсификация современной жизни увеличивает количество каналов получения информации. Для получения объективной характеристики включения и использования коми-пермяцкого языка в СМИ, как и в 2015 г., информантам были заданы вопросы о том, на каком языке они предпочитают читать печатные издания, смотреть телевизионные передачи, искать информацию в интернете.

На рисунке 41 представлены ответы информантов о том, на каком языке они предпочитают читать печатные издания (книги, газеты/журналы), а также на каком языке они предпочитают смотреть спектакли.

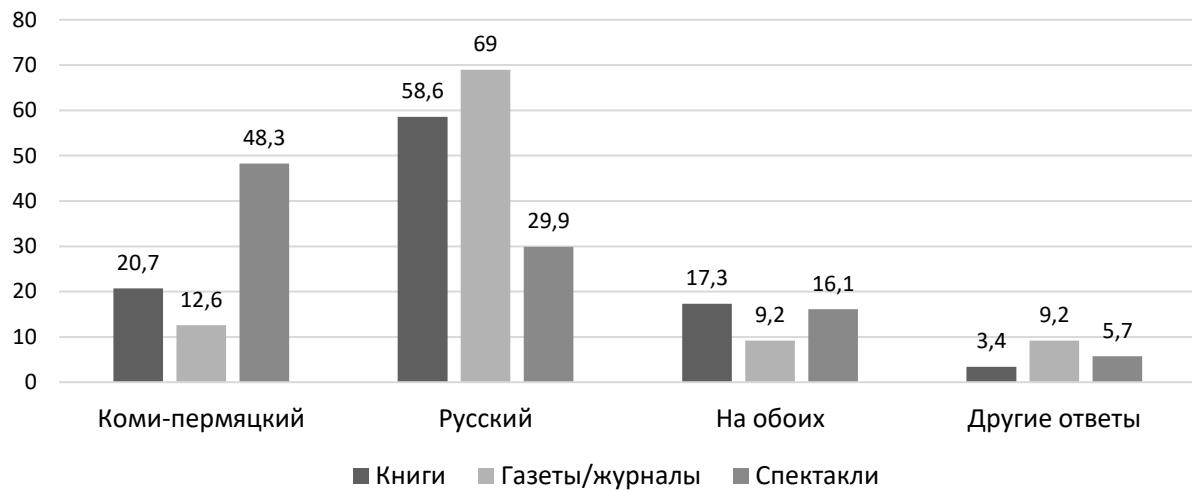

Рисунок 41. Использование коми-пермяцкого и русского языков в сфере СМИ и культуры, %

Как показывает рисунок 41, большинство информантов для чтения книг (58,6%), а также газет и журналов (69%) используют русский язык. Несмотря на доминирование русского языка при чтении печатных публикаций, коми-пермяцкий в качестве языка для чтения книг выбрали 20,7%, а для чтения газет и журналов – 12,6% информантов. Немаловажным является тот факт, что чуть менее 10% информантов отметили, что для чтения газет и журналов используют сразу оба языка – русский и коми-пермяцкий, для чтения книг оба языка используют 17,3% информантов. Кроме того, 3,4% информантов отметили, что у них нет особого предпочтения, какой язык использовать для чтения книг, а 9,2% информантов указали, что не читают или не выписывают газеты на коми-пермяцком языке, не имеют особого предпочтения по выбору языка для чтения прессы. Информанты предпочитают читать книги, газеты и журналы на русском языке, поскольку диапазон печатных изданий на русском языке шире, чем на коми-пермяцком. Использование русского языка информантами объясняется тем, что издания на коми-пермяцком языке для части из них оказываются сложны для восприятия в силу невысокого уровня владения письменным литературным коми-пермяцким языком.

В ситуации с просмотром спектаклей можно увидеть иную картину, чем с чтением печатных изданий: около половины опрошенных информантов указали, что предпочитают смотреть спектакли на коми-пермяцком языке; другая часть информантов выбрала русский или указала оба языка (29,9% и 16,1% соответственно), отметив, что на коми-пермяцком языке в Кудымкарском драматическом театре имени М.А. Горького можно посмотреть лишь несколько спектаклей. Устная форма легче воспринимается информантами, поэтому они чаще выбирают коми-пермяцкий язык в этом случае, однако ограниченность репертуара театра вынуждает респондентов смотреть спектакли на русском языке.

На рисунке 42 представлена информация об использовании коми-пермяцкого и русского языков для просмотра телевизионных программ и интернет-контента.

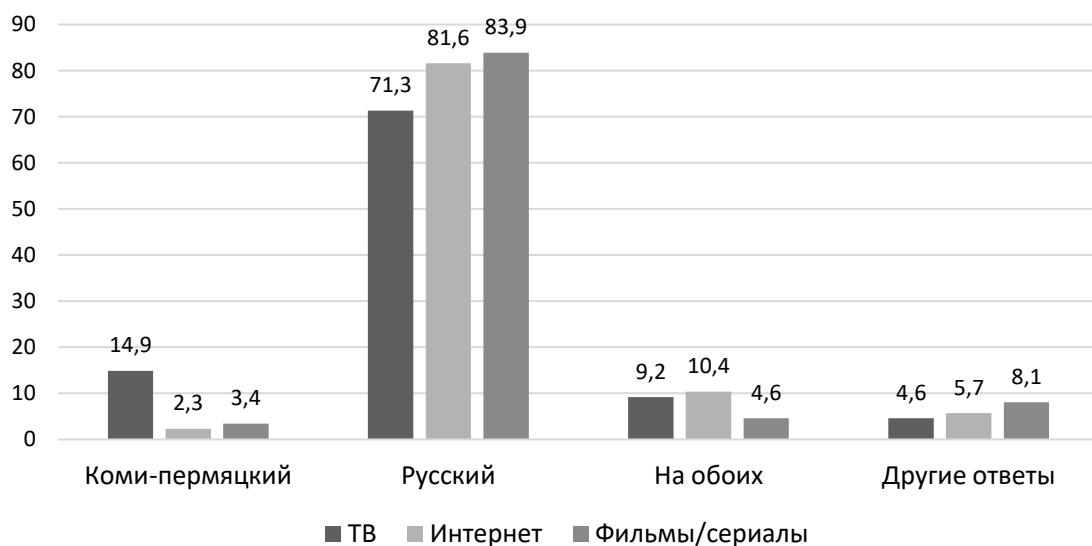

Рисунок 42. Использование коми-пермяцкого и русского языков при просмотре телевизионных программ и информации в интернете, %

Более 70% информантов указали, что смотрят телевизионные передачи и фильмы на русском языке в связи с тем, что подавляющее большинство телевизионных программ выпускается на русском языке, среди фильмов информанты не указали ни один, который был бы переведен на коми-пермяцкий язык.

При поиске информации в интернете 81,6% информантов используют русский язык, 2,3% информантов – коми-пермяцкий язык, а 10,4% ищут ин-

формацию как на русском, так и на коми-пермяцком языках. Пятеро из информантов на данный вопрос дали развернутые ответы: для двоих информантов нет особой разницы, какой язык использовать, чтобы просматривать информацию в интернете; трое опрошенных отметили, что используют русский язык, поскольку на коми-пермяцком языке мало сообществ и постов.

В сфере культуры и в СМИ подавляющее большинство информантов в анкетировании 2015 г. выбрали русский язык, что согласуется с результатами анкетирования 2023–2024 гг. Использование информантами русского языка объясняется ими наличием у него статуса государственного языка, на нем публикуется больше информации, а также на нем быстрее можно найти нужную информацию. Коми-пермяцкий используется для поиска информации в местных или локальных сообществах, т. е. его использование зависит от места проживания или пребывания человека, формулирующего запрос.

3.3.5. Оценка информантами коми-пермяцкого и русского языков и коми-пермяцкой культуры

В случае функционирования на одной территории нескольких языков носители вынуждены оценивать каждую конкретную ситуацию общения и делать выбор в пользу того или иного языка. На выбор языка могут оказывать влияние такие факторы как престижность, соответствие ситуации и др. Информантам было предложено оценить престижность, красоту, популярность и ценность коми-пермяцкого языка и культуры в Пермском крае.

На рисунке 43 видно, что почти 66,7% информантов отметили, что коми-пермяцкий язык является очень красивым языком (оценка «5»), 20,7% информантов назвали его красивым языком (оценка «4»). Нейтральную оценку «3» по данному вопросу поставили 9,2% информантов, 1,1% и 2,3% информантов поставили оценку «2» и «1» соответственно. Таким образом, подавляющее большинство информантов отметили, что коми-пермяцкий язык является очень красивым и красивым языком.

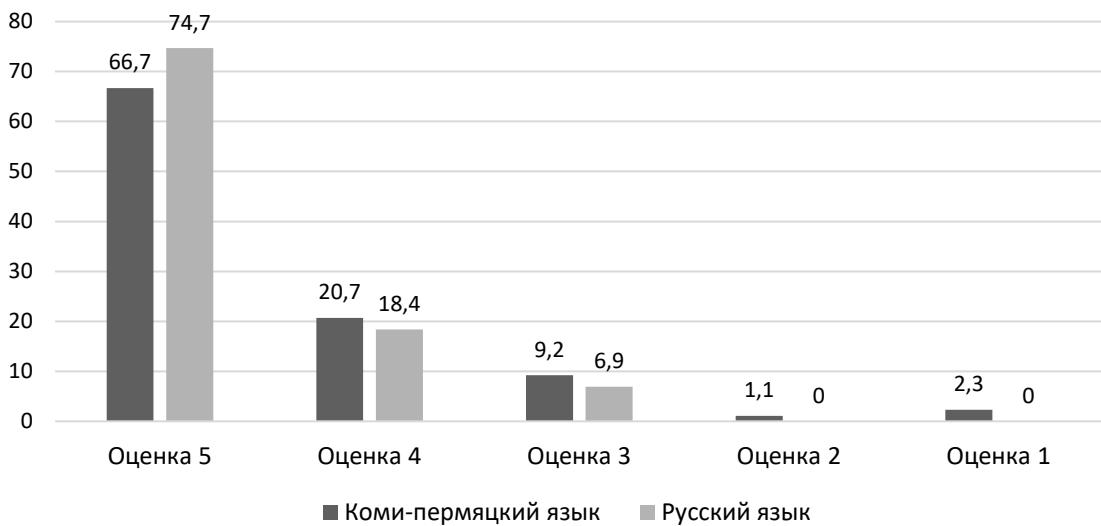

Рисунок 43. Оценка красоты коми-пермяцкого и русского языков, %

В случае с русским языком еще большее количество информантов – 74,7% – отметили, что его можно назвать очень красивым языком (оценка «5»), 18,4% информантов считают, что русский – красивый язык (оценка «4»), а 6,9% информантов подчеркнули, что русский язык является достаточно красивым языком (оценка «3»). Оценки «1» и «2» русский язык не получил. Эти данные позволяют прийти к заключению, что информанты оценивают русский по критерию «красота» несколько выше, чем коми-пермяцкий. В то же время в анкетировании 2015 г. информанты ставили примерно одинаковые оценки коми-пермяцкому и русскому языкам по критерию красоты. Этот сдвиг свидетельствует об изменении отношения к языкам у коми-пермяков.

При оценке престижности коми-пермяцкого языка только 12,7% и 11,5% информантов отметили высокий уровень престижности (оценки «5» и «4» соответственно). Почти 37,9% информантов дали нейтральную оценку престижности коми-пермяцкого языка (оценка «3»), тогда как 20,7% информантов указали, что коми-пермяцкий не престижный язык (оценка «2»), а 17,2% информантов отметили, что его можно назвать совершенно непрестижным языком (оценка «1») (см. рис. 44).

При оценке уровня престижности русского языка наблюдается обратная тенденция (см. рис. 44). Лишь один информант (1,2%) указал, что русский язык – язык непрестижный (оценка «2»); четыре информанта (4,6%) поставили

престижности русского языка оценку «3»; 14,9% информантов поставили оценку «4»; 79,3% информантов указали оценку «5». Обозначенная тенденция наблюдалась и в анкетировании 2015 г.: информанты оценили русский язык как более престижный, тогда как коми-пермяцкий язык получил нейтральную оценку по данному критерию.

В целом русский язык оценивается коми-пермяками как значительно более престижный, чем коми-пермяцкий. Низкие оценки престижности коми-пермяцкого языка по данной шкале могут быть обусловлены отсутствием у него статуса государственного, доминированием русского языка в публично-правовом пространстве, повсеместным использованием, даже в местах проживания носителей коми-пермяцкого языка, а также возможностью получать на нем высшее образование и претендовать на более престижную работу.

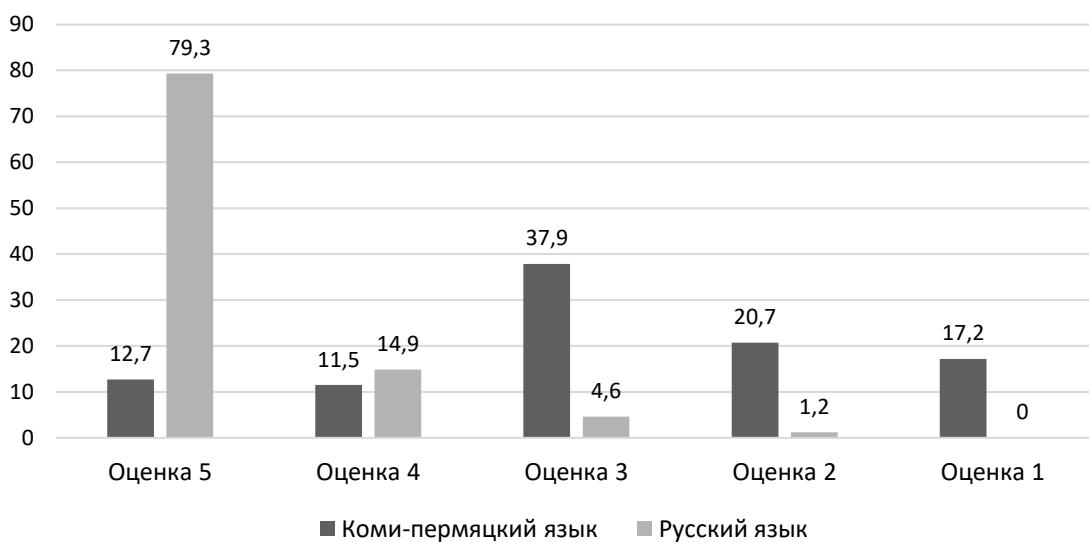

Рисунок 44. Оценка престижности коми-пермяцкого и русского языков, %

При оценке сложности изучения коми-пермяцкого языка 25,3% информантов отметили, что данный язык очень сложен для изучения (оценка «5»). Двадцать семь информантов (31,1%) оценили сложность коми-пермяцкого языка на 4 балла, 27,6% – на 3 балла, 8% – на 2 балла, 8% – на 1 балл. Наиболее часто встречающимся ответом является «4», что свидетельствует о достаточно высокой сложности изучения коми-пермяцкого языка (см. рис. 45).

Оценка сложности изучения русского языка информантами выглядят следующим образом: 39,1% информантов указали, что русский является очень

сложным для изучения (оценка «5»); 27,6% отметили, что русский сложен для изучения (оценка «4»); 16,1% информантов указали, что русский не вызывает серьезной сложности для изучения (оценка «3»); для 8% и 9,2% информантов изучение русского языка не вызывает никакой сложности (оценка «2» и «1»). По данным анкетирования 2015 г. наиболее часто встречающимся ответом на вопрос о сложности изучения коми-пермяцкого языка стала оценка «3». В сравнении с анкетированием 2023–2024 гг. количество информантов, оценивающих коми-пермяцкий как сложный язык для изучения, меньше на 27,4%, т. е. ощущение сложности коми-пермяцкого языка растет.

В случае с русским языком наиболее часто встречающимся ответом является «5», что свидетельствует о более высокой сложности изучения русского языка для информантов, чем коми-пермяцкого (см. рис. 45). Возможно, именно этим можно объяснить, что 8,1% информантов указали, что понимают русский язык и свободно говорят на нем, но допускают ошибки в письменной и устной речи.

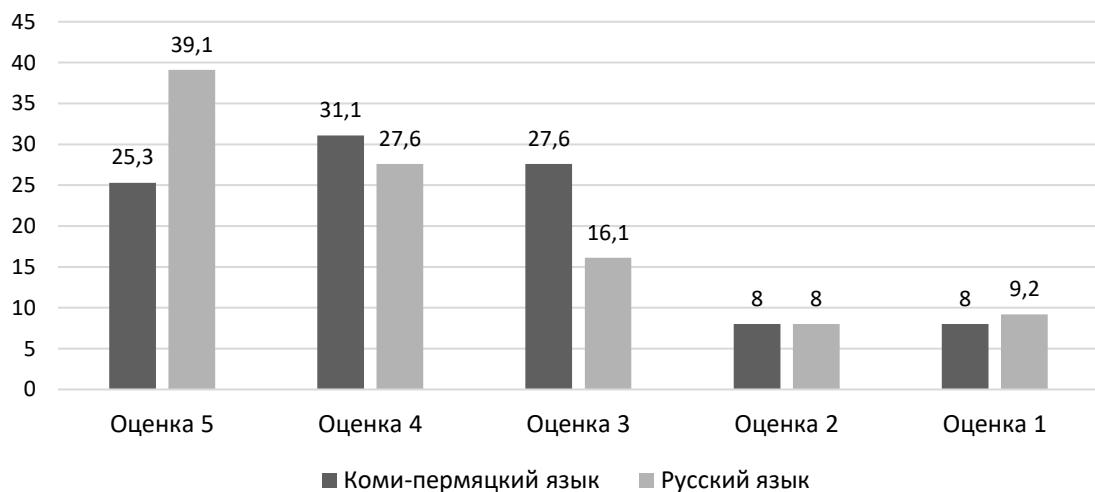

Рисунок 45. Оценка сложности изучения коми-пермяцкого и русского языков, %

По данным анкетирования прослеживается преобладание негативных оценок носителями коми-пермяцкого языка ценности и популярности их языка и культуры в Пермском крае.

На рисунке 46 представлены ответы информантов о ценности и популярности коми-пермяцкой культуры в Пермском крае. Как можно видеть,

10,4% информантов на вопрос о ценности коми-пермяцкой культуры выбрали оценку «5»; 24,1% информантов поставили оценку «4»; 42,5% – оценку «3»; 18,4% – оценку «2»; 4,6% – оценку «1». Только треть информантов отметила, что коми-пермяцкая культура высоко ценится в Пермском крае, как и по результатам анкетирования 2015 г., при этом более 20% информантов ответили, что коми-пермяцкая культура не представляет никакой ценности. Несмотря на наличие негативных оценок, наиболее частым ответом является оценка 3, что свидетельствует в целом о нейтральном восприятии коми-пермяками ценности своей культуры для края.

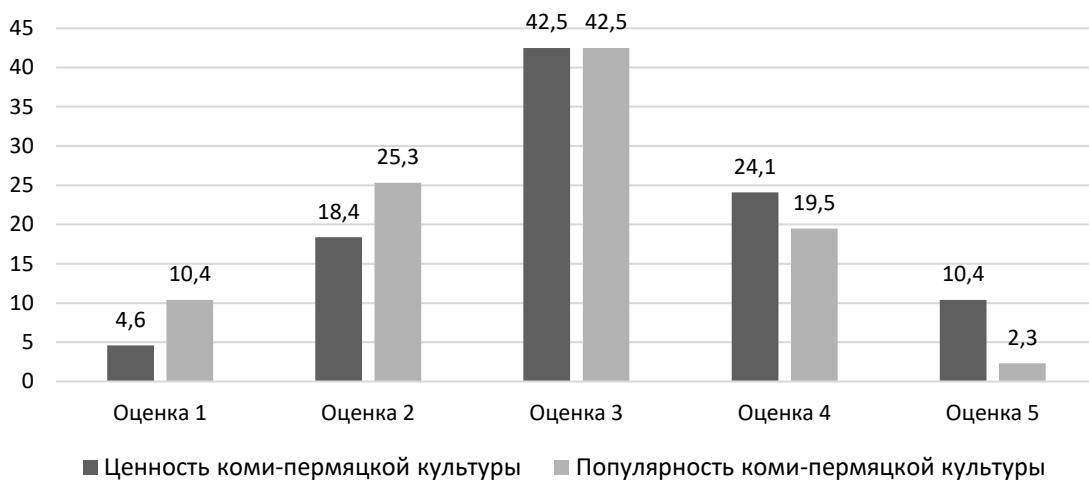

Рисунок 46. Оценка ценности и популярности коми-пермяцкой культуры в Пермском крае, %

На вопрос о популярности коми-пермяцкой культуры получены схожие ответы: лишь 2,3% информантов ответили, что она сильно востребована пермским обществом (оценка «5»); оценку «4» поставили 19,5% информантов; почти 42,5% информантов дали нейтральную оценку (оценка «3»); а 25,3% и 10,4% информантов поставили оценки «2» и «1», что свидетельствует о низком уровне популяризации коми-пермяцкой культуры в Пермском крае (см. рис. 46).

Согласно полученным оценкам, коми-пермяцкая культура не может быть охарактеризована как востребованная и признанная. Несмотря на то что наиболее часто встречается оценка «3», говорить о высокой популярности коми-пермяцкой культуры в Пермском крае, с точки зрения самих коми-пермяков, не представляется возможным.

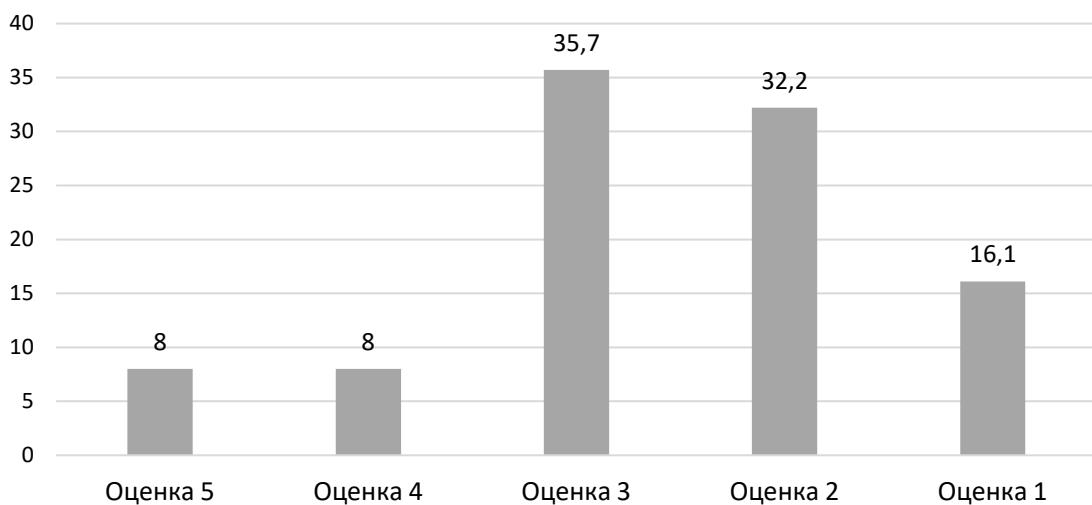

Рисунок 47. Оценка ценности коми-пермяцкого языка в Пермском крае, %

На вопрос относительно ценности коми-пермяцкого языка в Пермском крае одинаковое количество информантов (по 8%) отметили, что коми-пермяцкий язык довольно высоко ценится в Пермском крае (оценки «5» и «4» соответственно) (см. рис. 47). Более трети информантов дали нейтральную оценку (оценка «3»), а 32,2% и 16,1% информантов указали, что коми-пермяцкий язык не представляет ценности для пермского общества (оценки «2» и «1»). Распределение показывает, что большинство оценок сдвинуто к правому краю шкалы, т. е. к отрицательным оценкам ценности коми-пермяцкого языка, что может быть обусловлено ограниченным использованием коми-пермяцкого языка в большинстве общественных сфер.

Низкие оценки ценности и популярности коми-пермяцких языка и коми-пермяцкой культуры в социуме, естественно, приводят к тому, что 96,6% информантов считают необходимым проводить культурные мероприятия, направленные на популяризацию языка и культуры коми-пермяков. Только менее 3% информантов не видят необходимости в проведении подобного рода мероприятий, один информант (1,1%) указал, что у него нет однозначного ответа на данный вопрос. Видно, что большинство информантов заинтересованы в продвижении коми-пермяцких языка и культуры, хотят, чтобы их язык был востребованным и среди русских.

Заинтересованность коми-пермяков в повышении осведомленности о коми-пермяцкой культуре и ее востребованности в социуме выражается в том, что 60,9% информантов принимали участие в мероприятиях, направленных на поддержку коми-пермяцкой культуры. В качестве мероприятий, которые информанты посетили, они указали концерты, фестивали и праздники, которые проводятся ежегодно, олимпиады и научные мероприятия для школьников, студентов и преподавателей коми-пермяцкого языка, постановки в театре, языковой лагерь для школьников, мероприятия, организованные администрацией и учителями школ в Коми-Пермяцком округе, ежегодный диктант по коми-пермяцкому языку, который проводится 17 февраля. Однако более трети информантов (39,1%) на этот вопрос дали отрицательный ответ, что говорит о безразличии довольно большого количества коми-пермяков к родной культуре.

Как можно видеть, коми-пермяки подчеркивают красоту и ценность коми-пермяцкого языка и культуры, поскольку данный язык является для них родным. Однако при оценке его функционирования в публично-правовом пространстве, особенно в сравнении с государственным русским языком, в ответах информантов присутствует больше нейтральных или негативных оценок. В случае с оценкой престижности коми-пермяцкого языка ключевыми факторами для его оценки могут являться статус официального, а не государственного языка, низкая функциональная мощность и повсеместная распространенность русского языка. Несмотря на это, носители коми-пермяцкого языка и культуры выражают свою заинтересованность в сохранении и защите родного языка и родной культуры и популяризации их традиций и обычаях среди русскоязычного населения. Большинство из них (хотя далеко не все) принимают участие в культурных мероприятиях, количество которых, очевидно, необходимо увеличивать для вовлечения большего количества участников, их знакомства с коми-пермяцкой культурой.

3.4. Индекс витальности коми-пермяцкого языка

3.4.1. Методика расчета индекса витальности

Для расчета индекса витальности коми-пермяцкого языка за основу брался метод, разработанный Г. Экстра в соавторстве с другими лингвистами [Broeder, Extra, 1999; Extra, Yağmur, 2008], в котором для вычисления индекса витальности коми-пермяцкого языка применялись разнообразные параметры (см. Главу 1, пункт 1.3.4). В настоящем исследовании эти параметры были уточнены и дополнены. По нашим представлениям, индексы, которые формируют общий индекс языковой витальности, должны отражать все составляющие языковой ситуации: функциональный статус языка (его качественные и количественные параметры), а также субъективные оценки языка говорящими.

Рассмотрим структуру параметров, которые должны быть учтены в общем индексе языковой витальности, а также соответствующие им частные индексы (см. рис. 48).

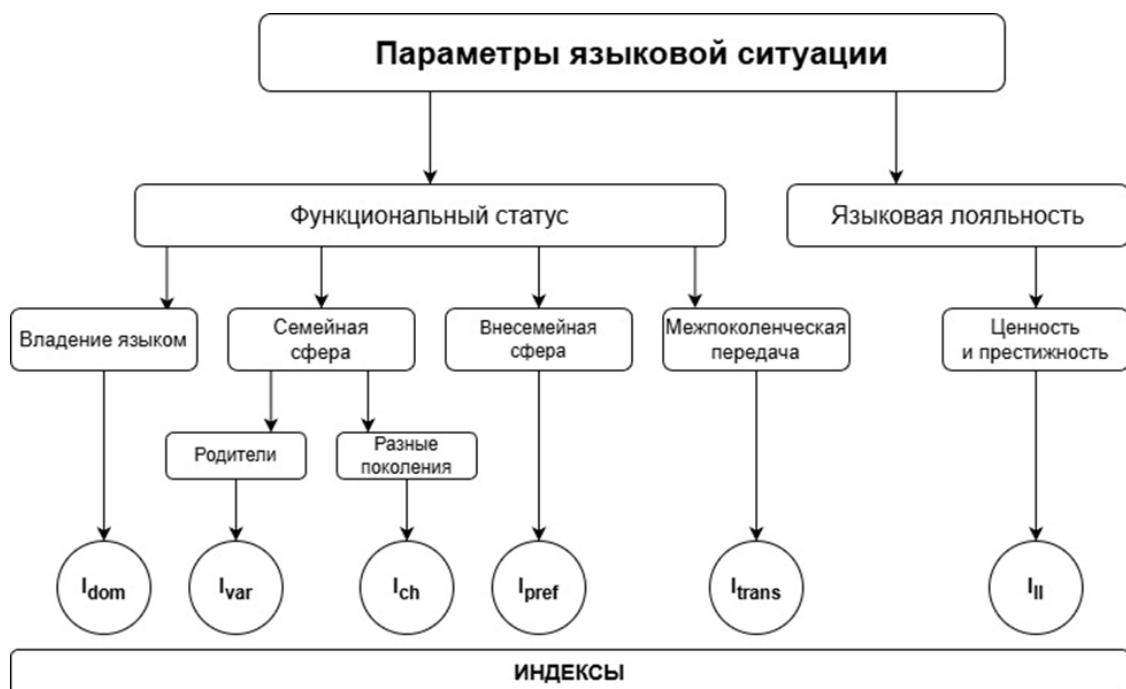

Рисунок 48. Составляющие индекса витальности

С точки зрения оценки витальности языка необходимо учитывать объективные характеристики использования языка в данной языковой ситуации, т. е. его функциональный статус. В данном случае функциональный статус предполагает оценку уровня владения языком (индекс языкового доминирования), оценку функционирования языка в семейной (с родителями и разными поколениями родственников) и внесемейных сферах (при коммуникации в публично-правовом пространстве), а также межпоколенческую передачу языка. По мнению О.А. Казакевич и ее соавторов, «при определении языковой витальности первоочередное внимание должно уделяться именно функциональным характеристикам: межпоколенческой передаче языка и тем сферам, в которых язык продолжает активно употребляться» [Казакевич и др., 2022: 11]. Указанные исследователями функциональные характеристики языка являются важнейшими показателями витальности. Кроме этого, учитываются субъективные оценки ценности и престижности языка, которые определяют языковую лояльность его носителей. «Снижение субъективной витальности влечет за собой угрозу объективной витальности, вне зависимости от того, что вызвало это снижение: реальные события, снижающие уровень витальности, или же ущерб престижу, наносимый внешней оценкой доминантной этноязыковой группы» [Tajfel, 1978; Bourhis et al., 1981: 147].

Индексы, которые соответствуют каждому из этих параметров, приведены на рисунке 48. Рассмотрим эти индексы подробнее.

1. **Языковое доминирование** (I_{dom}) отражает долю информантов, которые владеют коми-пермяцким языком лучше, чем русским языком.

2. **Языковое разнообразие** (I_{var}) фиксирует долю использования языка в бытовой сфере (общение с членами семьи). В предложенном методе Г. Экстра данный параметр не был использован для расчета индекса витальности языка, но присутствовал в анкетировании и отражал языки, которые используются индивидом вместо языка, доминирующего в обществе или в дополнении к нему. Поскольку русский язык используется во всех сферах, для расчета ин-

декса в данном случае была выбрана бытовая сфера, в которой коми-пермяцкий язык наиболее активен и может доминировать над русским языком или использоваться наравне с ним.

3. Языковой выбор (I_{ch}) характеризует доли использования коми-пермяцкого языка в ситуациях общения со старшими и младшими членами семьи.

4. Языковое предпочтение (I_{pref}) отражает долю функционирования и использования коми-пермяцкого языка в ключевых сферах – культуре, СМИ, при обращении в органы государственной власти.

5. Языковая преемственность (I_{trans}) определяет долю носителей коми-пермяцкого языка, выражающих готовность к его передаче подрастающему поколению. В индексе витальности Г. Экстра не был использован данный индекс, однако он является одним из важнейших параметров для сохранения языка, в силу чего он был включен для расчета индекса витальности коми-пермяцкого языка.

6. Языковая лояльность (I_{ll}) является ключевым понятием, способным зафиксировать и отразить субъективные факторы витальности языка, поэтому представляется необходимым помимо объективных факторов витальности учесть данный параметр для расчета индекса витальности коми-пермяцкого языка. Индекс языковой лояльности включает ответы информантов на вопросы о ценности и престижности коми-пермяцкого языка (были выбраны медианные значения), а также доли информантов, выбравших коми-пермяцкий и несколько языков (коми-пермяцкий и русский) в качестве родного языка.

Индекс витальности коми-пермяцкого языка рассчитывается как среднее от всех полученных индексов по следующей формуле

$$LVI = \frac{I_{dom} + I_{var} + I_{ch} + I_{pref} + I_{trans} + I_{ll}}{6}.$$

К сожалению, предложенный индекс витальности не учитывает демографические данные. В то же время в период с 2002 по 2020 года, согласно данным Всероссийской переписи населения, зафиксировано значительное сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка. Представляется не-

обходимым учитывать динамику падения количества носителей при измерении индекса витальности коми-пермяцкого языка. Для этого предлагается ввести коэффициент сокращения численности носителей языка (k), который бы отражал изменение количества носителей языка за определенный период времени. В данном случае для его определения использованы данные всероссийских переписей населения за 2002, 2010 и 2020 года (см. табл. 13).

Таблица 13

Данные о сокращении численности носителей коми-пермяцкого языка в период с 2002 г. по 2020 г.*

Количественные показатели	Год переписи		
	2002 г.,	2010 г.	2020 г.
Носители коми-пермяцкого языка, абс.	103 505	81 084	50 163
Коэффициент сокращения численности за предшествующий период	–	0,78	0,62

*Таблица составлена по данным [Всероссийская перепись населения 2002: электр. ресурс; Всероссийская перепись населения 2010: электр. ресурс; Всероссийская перепись населения 2020: электр. ресурс].

Поскольку в настоящей работе рассчитывается индекс витальности коми-пермяцкого языка в 2015 и 2023–2024 гг., примем значение коэффициента сокращения численности носителей коми-пермяцкого языка равным 0,65. Такое значение коэффициента обусловлено временными рамками исследования и отсутствием актуальных данных по численности носителей коми-пермяцкого языка. Более высокое значение коэффициента в предыдущий восьмилетний период позволяет внести небольшую поправку в коэффициент, полученный для последнего периода в сторону его небольшого увеличения.

Таким образом, индекс витальности коми-пермяцкого языка с поправкой на коэффициент сокращения численности носителей коми-пермяцкого языка рассчитывается следующим образом:

$$LVI = \frac{I_{dom} + I_{var} + I_{ch} + I_{pref} + I_{trans} + I_{ll}}{6} \times k.$$

Для интерпретации полученных значений индекса витальности коми-пермяцкого языка необходимо на основе его значений установить шкалу витальности языка. Предлагается ввести следующую шкалу витальности языка (см. табл. 14).

Шкала витальности языка

Таблица 14

Значение индекса	Степень витальности	Характеристика
< 20	Крайне низкая	Язык находится на грани языкового сдвига; количество носителей быстро сокращается, отмечается низкая или крайне низкая степень языковой лояльности.
21–40	Низкая	Язык исключен из публично-правового пространства, обслуживает только сферу семейно-бытового общения; количество носителей заметно сокращается, отмечается средняя или низкая степень языковой лояльности.
41–60	Средняя	Язык используется преимущественно в бытовой сфере, может использоваться в публично-правовой сфере и в сфере культуры в ограниченном формате, по сравнению с доминирующим языком: количество носителей стабильно или медленно сокращается, отмечается средняя степень языковой лояльности.
61–80	Устойчивая	Язык активно используется в публично-правовом пространстве и в сфере культуры, однако доминирующее положение занимает государственный язык; количество носителей стабильно, отмечается высокая или средняя степень языковой лояльности.
> 81	Высокая	Язык обладает высокой функциональной мощностью, используется наравне с государственным языком; количество носителей стабильно или растет, отмечается высокая степень языковой лояльности.

На основании проведенного опроса рассматривается функциональный статус коми-пермяцкого языка в 2015 г. и 2023–2024 гг., рассчитывается индекс языковой витальности и прослеживается динамика витальности коми-пермяцкого языка.

3.4.2. Индекс витальности коми-пермяцкого языка: 2015 г.

В соответствии с предложенным индексом витальности коми-пермяцкого рассчитаем данные для каждого из индексов.

Индекс языкового доминирования (I_{dom}). Данный индекс определяет количество коми-пермяков, которые владеют коми-пермяцким языком лучше, чем русским языком. Для измерения индекса языкового доминирования использовался ответ информантов на вопрос 7 в анкете («На каком языке вы говорите лучше всего»?). Количество информантов, указавших коми-пермяцкий язык – 16 человек. В данном случае индекс языкового доминирования составил

$$I_{dom} = \frac{16 \times 100}{28} = 57,14.$$

Индекс языкового разнообразия (I_{var}). Для измерения данного индекса использовались ответы информантов на вопросы 10 и 11 анкеты («Какой язык используется для общения с семьей?», «Какой язык используется для общения с братьями и сестрами?»). По результатам анкетирования 22 человека (78,57% соответственно) указали, что используют коми-пермяцкий язык для общения с семьей или с братьями и сестрами. Таким образом, индекс языкового разнообразия (I_{var}) равен 78,57.

Индекс языкового выбора (I_{ch}). Для вычисления индекса языкового выбора учитывались ответы информантов об использовании коми-пермяцкого языка в общении с представителями старшего и младшего поколений. Ряд информантов указали, что при общении они используют как русский, так и коми-пермяцкий языки. Для каждой ситуации использования коми-пермяцкого языка (с представителями старшего и младшего поколений) был рассчитан индекс языкового выбора:

$$I_{ch1} = \frac{(18 + 4) \times 100}{28} = 78,57;$$
$$I_{ch2} = \frac{(18 + 2) \times 100}{28} = 71,42.$$

Среднее значение индекса языкового выбора рассчитывается как

$$I_{ch} = \frac{I_{ch1} + I_{ch2}}{2} = \frac{78,57 + 71,42}{2} = 75.$$

Индекс языкового предпочтения (I_{pref}). Для вычисления индекса языкового предпочтения были рассмотрены сферы функционирования коми-пермяцкого языка: органы государственной власти, культура (книги, газеты, журналы, фильмы/спектакли), СМИ (телевизионные передачи, интернет, радио). В таблице 15 указаны сферы функционирования коми-пермяцкого языка и процентное соотношение количества информантов.

Использование информантами коми-пермяцкого языка для чтения печатных изданий и теле- и радиовещания были объединены и для расчета индекса языкового предпочтения рассматривались как один параметр. Данный параметр рассчитывался как среднее значение сфер функционирования коми-

пермяцкого языка в телевизионных передачах, интернете, в фильмах и спектаклях, на радио, а также при чтении печатных изданий (см. табл. 15).

Таблица 15

Количество коми-пермяков, использующих коми-пермяцкий язык в конкретной сфере функционирования

Сфера функционирования	Количество коми-пермяков, использующих коми-пермяцкий язык в указанной сфере	
	по отдельным сферам	в среднем
Органы государственной власти		39,28
Телевизионные передачи	3,57	
Интернет	3,57	
Газеты	21,42	
Журналы	3,57	
Радио	10,71	
Книги	21,42	
Фильмы/спектакли	35,71	

Индекс языкового предпочтения носителей коми-пермяцкого языка составил

$$I_{pref} = \frac{39,28 + 14,28}{2} = 26,78.$$

Индекс языковой преемственности (I_{trans}). При вычислении данного индекса учитывалось количество коми-пермяков, давших положительный ответ на вопрос о том, планируют ли они обучать коми-пермяцкому языку своих детей. Помимо этого, учитывалось количество коми-пермяков, которые на этот вопрос дали ответ: «Не знаю». Количество информантов, давших ответ «Не знаю», берется в форме $\frac{1}{2}$, поскольку существует вероятность того, что половина из них в дальнейшем будет обучать своих детей родному языку. Индекс языковой преемственности равен

$$I_{trans} = \frac{(20 + 3) \times 100}{28} = 82,14.$$

Индекс языковой лояльности (I_{ll}). Для вычисления индекса языковой лояльности использовались ответы информантов на вопросы о родном языке, оценке уровня престижности и ценности коми-пермяцкого языка (медианные значения). Индекс языковой лояльности коми-пермяцкого языка составил

$$I_{ll} = \frac{82,1 + 32,1 + 39,3}{3} = 51,16.$$

Для расчета индекса витальности коми-пермяцкого языка была использована следующая формула

$$LVI_1 = \frac{I_{dom} + I_{var} + I_{ch} + I_{pref} + I_{trans} + I_{ll}}{6}.$$

Индекс витальности коми-пермяцкого языка в 2015 г. равен

$$LVI_1 = \frac{57,14 + 78,57 + 75 + 26,78 + 82,14 + 51,16}{6} = 61,7983.$$

Таким образом, индекс витальности коми-пермяцкого языка в 2015 г. с поправкой на коэффициент сокращения численности носителей коми-пермяцкого языка будет равен

$$LVI_1 = \frac{I_{dom} + I_{var} + I_{ch} + I_{pref} + I_{trans} + I_{ll}}{6} \times k;$$

$$LVI_1 = 61,7983 \times 0,65 = 40,2.$$

Значение индекса витальности коми-пермяцкого языка в 2015 г. свидетельствует об устойчивом уровне витальности языка. При добавлении в формулу коэффициента сокращения численности носителей индекс витальности коми-пермяцкого языка принимает значение, которое может быть охарактеризовано как средний уровень витальности языка.

3.4.3. Индекс витальности коми-пермяцкого языка: 2023–2024 гг.

Получены следующие значения параметров для индекса витальности коми-пермяцкого языка по данным анкетирования 2023–2024 гг.

Индекс языкового доминирования (I_{dom}). Для расчета индекса языкового доминирования учитывались ответы информантов на вопрос о степени владения коми-пермяцким языком. Для расчета данного индекса брались ответы только тех информантов, кто указал, что свободно говорит и пишет на коми-пермяцком языке. Количество информантов, свободно говорящих и пишущих на коми-пермяцком языке, составило 54 человека.

Таким образом, индекс языкового доминирования составил

$$I_{dom} = \frac{54 \times 100}{87} = 62,07.$$

Индекс языкового разнообразия (I_{var}). Для расчета данного индекса учитывалось количество информантов, которые используют коми-пермяцкий язык в бытовой сфере, а именно при общении с родителями, поскольку именно семья является основным институтом сохранения и передачи родного языка. Количество информантов, использующих коми-пермяцкий язык с обоими родителями, составило 65 человек, или 74,7%. Таким образом, индекс языкового разнообразия равен 74,7.

Индекс языкового выбора (I_{ch}). В данном индексе рассматривалось использование коми-пермяками родного языка с каждой группой родственников: представителями старшего (обоими родителями, бабушкой и дедушкой) и младшего (братьями и сестрами) поколений. Для каждой группы был рассчитан индекс языкового выбора.

Индекс языкового выбора для представителей старшего поколения равен

$$I_{ch1} = \frac{12 \times 100}{87} = 13,79.$$

Индекс языкового выбора для представителей младшего поколения равен

$$I_{ch2} = \frac{6 \times 100}{87} = 6,9.$$

Помимо этого, подавляющее большинство информантов (60 коми-пермяков) выбрало несколько вариантов ответа на вопрос, т. е. они указали, что используют коми-пермяцкий язык для общения как с представителями старшего (бабушки и дедушки, родители или родитель), так и младшего (братья и сестры) поколениями. Для данной категории информантов индекс языкового выбора равен

$$I_{ch3} = \frac{60 \times 100}{87} = 69,0.$$

Индекс языкового выбора (I_{ch}) представляет собой среднее значение трех полученных индексов

$$I_{ch} = \frac{I_{ch1} + I_{ch2} + I_{ch3}}{3} = \frac{13,79 + 6,9 + 69,0}{3} = 29,9.$$

Индекс языкового предпочтения (I_{pref}). Для вычисления индекса языкового предпочтения были рассмотрены следующие сферы функционирования коми-пермяцкого языка: культурная сфера (книги, газеты и журналы,

фильмы и сериалы, спектакли), СМИ (телевизионные передачи, интернет), органы государственной власти, социальная сфера (магазины, банки, больницы, транспорт). В таблице 16 указаны сферы функционирования коми-пермяцкого языка и процентное соотношение количества информантов.

Использование информантами коми-пермяцкого языка для чтения печатных изданий, просмотра телепередач и спектаклей, а также прослушивания радио были объединены и для расчета индекса языкового предпочтения рассматривались как один параметр. Данный параметр рассчитывался как среднее значение функционирования коми-пермяцкого языка в сфере СМИ и культуры. Функционирование коми-пермяцкого языка в публично-правовом пространстве (в магазине, в банке, в больнице, в общественном транспорте – см. табл. 16) также было объединено в один параметр и рассчитывалось как среднее значение.

Таблица 16

Количество коми-пермяков, использующих коми-пермяцкий язык в разных сферах функционирования

Сфера функционирования	Количество коми-пермяков, использующих коми-пермяцкий язык в данной сфере	
	по отдельным сферам	в среднем
Органы государственной власти		0,9
Телевизионные передачи	14,9	
Интернет	2,3	
Фильмы и сериалы	3,4	
Книги	20,7	17,03
Газеты и журналы	12,6	
Спектакли	48,3	
Магазин	17	
Банк	2,8	
Больница	6,9	8,6
Транспорт	7,8	

Полученные данные позволили получить следующее значение индекса языкового предпочтения

$$I_{pref} = \frac{0,9 + 17,03 + 8,6}{3} = 8,84.$$

Индекс языковой преемственности (I_{trans}). Количество информантов, указавших, что они обучали, обучают или планируют обучать своих детей

коми-пермяцкому языку, составило 60 человек. Также трое информантов указали на ряд внешних обстоятельств, которые могут повлиять на их выбор в пользу изучения их детьми коми-пермяцкого языка. Ответы данных информантов также учитывались при расчете индекса, однако только в пропорции $\frac{1}{2}$ (т. е. 1,5 от трех информантов).

Индекс языковой преемственности коми-пермяцкого языка равен

$$I_{trans} = \frac{(60 + 1,5) \times 100}{87} = 70,69.$$

Индекс языковой лояльности (I_{ll}). Данный индекс представляет среднее арифметическое ответов информантов на вопросы о родном языке и оценках уровня престижности и ценности коми-пермяцкого языка. Индекс языковой лояльности коми-пермяцкого языка составил

$$I_{ll} = \frac{78,2 + 35,7 + 37,9}{3} = 50,6.$$

Таким образом, индекс витальности коми-пермяцкого языка в 2023–2024 гг. равен

$$LVI_2 = \frac{62,07 + 74,7 + 29,9 + 8,84 + 70,69 + 50,6}{6} = 49,46.$$

Индекс витальности коми-пермяцкого языка с учетом коэффициента сокращения численности носителей коми-пермяцкого языка равен

$$LVI_2 = \frac{I_{dom} + I_{var} + I_{ch} + I_{pref} + I_{trans} + I_{ll}}{6} \times k, \text{ т. е.}$$

$$LVI_2 = 48,5 \times 0,65 = 31,9.$$

Значение индекса витальности коми-пермяцкого языка без учета коэффициента сокращения численности носителей коми-пермяцкого языка свидетельствуют о среднем уровне витальности языка. Значение индекса витальности коми-пермяцкого языка в 2023–2024 гг. с поправками на коэффициент сокращения численности свидетельствует о низкой степени витальности коми-пермяцкого языка.

3.4.4. Сопоставление индексов витальности 2015 г. и 2023–2024 гг.

Значения всех параметров и итоговые индексы коми-пермяцкого языка в 2015 и 2023–2024 гг. представлены в таблице 17.

Таблица 17
**Значения частных и общих индексов витальности
коми-пермяцкого языка в 2015 и 2023–2024 гг.**

Год	I_{dom}	I_{var}	I_{ch}	I_{pref}	I_{trans}	I_{ll}	LVI	$LVIk$
2015 г.	57,1	78,6	75,0	26,8	82,1	51,2	61,8	40,2
2023–2024 гг.	62,1	74,7	29,9	8,8	70,7	50,6	49,5	32,1

Наиболее низкие значения наблюдаются у индекса языкового предпочтения (26,8 и 8,8), который связан с использованием коми-пермяцкого языка в публично-правовом пространстве. Значения индексов языкового разнообразия (I_{var}), языкового выбора (I_{ch}) в 2015 г., языкового доминирования (I_{dom}) и языковой преемственности (I_{trans}) продемонстрировали высокие значения, однако стоит отметить, что по прошествии десяти лет происходит снижение значения индексов языкового разнообразия (I_{var}), языковой преемственности (I_{trans}) и особенно – языкового выбора (I_{ch}), что связано с сокращением численности носителей коми-пермяцкого языка и сужением сфер использования коми-пермяцкого языка.

Значение индекса языкового доминирования (I_{dom}) увеличилось на 5 единиц в 2023–2024 гг. на фоне 2015 г., однако это может быть обусловлено социальным составом информантов (студенты и преподаватели), принявших участие в анкетировании, а также отсутствием у остальных информантов возможности объективно оценить свой уровень владения коми-пермяцким языком или желанием показать исследователю лучший уровень владения, чем в реальности, что приводит к выбору ответа о свободном владении родным для них языком.

Значение индексов языковой лояльности (I_{ll}) коми-пермяцкого языка фиксируют средний уровень лояльности. С 2015 г. по 2024 г. происходит

уменьшение значения индекса языковой лояльности на 0,6, что свидетельствует о постепенной утрате коми-пермяцким языком функциональной мощности и его восприятии носителями как «малополезного».

Значение индекса витальности коми-пермяцкого языка в 2015 г. без поправочного коэффициента сокращения численности носителей указывает на устойчивый уровень витальности коми-пермяцкого языка. Значение индекса витальности коми-пермяцкого языка в 2023–2024 гг. без коэффициента сокращения численности носителей может свидетельствовать о средней жизнеспособности коми-пермяцкого языка. В период с 2015 г. по 2023–2024 гг. происходит сокращение индекса витальности коми-пермяцкого языка без учета коэффициента на 12,3. Таким образом, наблюдается сдвиг в сторону ухудшения витальности языка.

Если же рассматривать значения индексов витальности коми-пермяцкого языка с учетом коэффициента сокращения численности его носителей, что с нашей точки зрения является более правильным, то в 2015 г. фиксируется средний уровень витальности языка, а в 2023–2024 гг. – низкий уровень. Таким образом, за 10 лет значение индекса витальности коми-пермяцкого языка с поправкой на коэффициент сокращения численности населения (k) упало на 8,1 единиц, что свидетельствует о постепенном приближении языка к ситуации языкового сдвига.

3.5. Выводы

Проведенное анкетирование позволяет сделать вывод, что степень витальности коми-пермяцкого языка на территории Пермского края может быть охарактеризована в настоящее время как низкая, что обусловлено использованием коми-пермяцкого языка преимущественно в бытовой сфере, ограниченным использованием его в публично-правовом пространстве по сравнению с русским языком, а также резким сокращением численности его носителей.

В то же время, коми-пермяцкий язык продолжает использоваться носителями при разговорах как с представителями старшего, так и с представителями

младшего поколений, о чем свидетельствуют высокие показатели индекса языкового разнообразия (I_{var}) и – в 2015 г. – языкового выбора (I_{ch}). Немаловажным является тот факт, что, несмотря на место жительства, носители продолжают использовать коми-пермяцкий язык даже в среде, где он не используется большинством населения, т. е. вне Коми-Пермяцкого округа. Помимо этого, носители коми-пермяцкого языка (люди среднего возраста, имеющие детей) выражают стремление к передаче родного языка своим детям, что может свидетельствовать о ценности родного языка. Высокие значения индекса языковой преемственности (I_{trans}) являются подтверждением данного тезиса, однако важно отметить, что данный индекс является формальным и не может зафиксировать истинные настроения и желания молодых людей изучать, знать и использовать родной язык в повседневной жизни. Подрастающее поколение часто не разделяет стремлений представителей старшего поколения сохранить язык, что выражается в незаинтересованности изучать коми-пермяцкий язык, отсутствии желания изучать его ввиду его непrestижности и ограниченности использования в ключевых сферах современной жизни.

Коми-пермяцкий язык при наличии юридически закрепленного статуса официального языка сталкивается с серьезными ограничениями при функционировании в системе образования, СМИ, социальных и государственных институтах. В данном случае можно говорить о несоответствии юридического статуса коми-пермяцкого языка его функциональному статусу. Нормативно-правовые акты региона санкционируют использование коми-пермяцкого языка в органах государственной власти и при ведении документооборота, однако русский сохраняет за собой положение доминирующего языка даже на территории Коми-Пермяцкого округа, что находит отражение в низких значениях индекса языкового предпочтения (I_{pref}). Особо плачевная ситуация складывается с культурной сферой: объем теле- и радиовещания, публикаций в СМИ, информации в Интернете, печатных изданиях на русском языке несравненно больше, чем на коми-пермяцком. Ограничность эфирного времени, ре-

пертуара учреждений культуры, содержания и направленности печатных изданий на коми-пермяцком языке вынуждает носителей использовать русский язык в данных сферах.

Сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка и низкий уровень языковой лояльности к родному языку среди коми-пермяков приводят к уменьшению количества сфер, в которых он используется, что негативно влияет и на межпоколенческую передачу языка, а также оказывает влияние на уровень его престижности и ценности.

Значения индекса витальности коми-пермяцкого языка с учетом коэффициента сокращения численности показывают низкую степень витальности языка и снижение степени витальности за последние десять лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковая ситуация в Пермском крае, на территории которого софункционируют государственный и миноритарные языки (татарский, башкирский, коми-пермяцкий и др.), может быть охарактеризована как разновесная (доля говорящих на русском языке выше, чем на других языках), разномощная (использование миноритарных языков в публично-правовом пространстве ограничено), разнопrestижная (русский язык обладает высоким уровнем престижности по сравнению с другими языками).

Коми-пермяцкий язык, являясь родным более чем для 50 тыс. чел. и имеющий статус официального языка на территории Коми-Пермяцкого округа, по сравнению с другими миноритарными языками, казалось бы, обладает **большими** институциональными возможностями для функционирования в публично-правовом пространстве. Однако, несмотря на то что коми-пермяцкий язык имеет юридически закрепленный статус официального языка Коми-Пермяцкого округа, его функциональная мощность заметно ограничена. Подобный дисбаланс усугубляется продолжающимся сокращением численности носителей коми-пермяцкого языка, что ставит вопрос о жизнеспособности коми-пермяцкого языка и необходимости разработки инструментов для анализа динамики его функционального статуса и витальности.

В рамках настоящего исследования функциональный статус коми-пермяцкого языка анализировался на основе анкетирования носителей коми-пермяцкого языка. Результаты анкетирования показывают, что коми-пермяцким языком владеют почти все информанты, а более половины опрошенных владеют им лучше, чем русским языком, поскольку он является для них родным. Однако все без исключения информанты отметили, что знают русский язык и владеют им.

Ответы информантов показывают, что коми-пермяцкий язык используется как в семейно-бытовой сфере, так и в публично-правовом пространстве, однако это использование не сбалансировано.

Так, в семейно-бытовой сфере коми-пермяцкий язык остается доминирующим, однако носители коми-пермяцкого языка дифференцируют его использование с родственниками разных поколений: более половины опрошенных информантов используют коми-пермяцкий язык при общении преимущественно с представителями старшего поколения, которые говорят на нем – бабушками и дедушками, родителями или одним из родителей; при общении со сверстниками и представителями младшего поколения семьи коми-пермяцкий используется значительно реже, что обусловлено, в частности, тем, что среди молодежи много русскоязычных и тех коми-пермяков, кто не говорит или плохо говорит на коми-пермяцком языке.

Во внесемейных сферах коммуникации коми-пермяцкий язык используется носителями в разнообразных ситуациях: в больницах, транспорте, магазине и т. п., а также в органах государственной власти. Его использование в конкретной ситуации обусловлено привязкой учреждения к определенной территории или знанием языка собеседником.

В сфере культуры и в СМИ подавляющее большинство коми-пермяков стремится получить и передать информацию на русском языке. Использование русского языка объясняется прежде всего отсутствием широкого перечня печатных изданий, СМИ и интернет-сообществ, публикующих и ретранслирующих информацию на коми-пермяцком языке.

Таким образом, хотя коми-пермяцкий язык в настоящее время функционирует в Пермском крае в семейно-бытовой, образовательной, культурной сферах, а также в публично-правовом пространстве (при общении в официальные учреждения и в органы государственной власти, а также в общественных местах – магазинах, транспорте, банках и т. п.), наиболее объемной сферой коммуникации является семейно-бытовая, а все общественные коммуникации в значительной мере ограничены. На выбор коми-пермяцкого языка в качестве языка общения в коммуникативных ситуациях, связанных с публично-правовым пространством, оказывает влияние знание языка собеседником/собеседниками. Использование информантами коми-пермяцкого языка в обществе

связано с уверенностью адресанта во владении адресатом коми-пермяцким языком; незнание коми-пермяцкого языка собеседником подталкивает коми-пермяков к переключению на русский язык.

Ограничения в функциональном статусе коми-пермяцкого языка в публично-правовом пространстве отражаются на оценках его престижности и ценности. Так, подавляющее большинство коми-пермяков оценивают родной язык как непрестижный, в то же время русский язык оценивается ими как престижный; почти половина опрашиваемых указала, что ценность коми-пермяцкого языка является низкой.

Анализ функционального статуса коми-пермяцкого языка в 2015 г. и 2023–2024 гг. показывает, что многие показатели за прошедшие десять лет изменились не в пользу коми-пермяцкого языка. Это касается использования коми-пермяцкого языка в публично-правовом пространстве, общения на родном языке с представителями младших поколений в семейно-бытовой сфере, сужения каналов и сфер ретрансляции языка, сокращения количественных показателей межпоколенческой передачи языка, а также снижения оценок его престижности и ценности.

Для отслеживания состояния языка в такой ситуации необходим удобный инструмент оценки его витальности. В данной работе предложен индекс витальности коми-пермяцкого языка, учитывающий основные параметры языковой ситуации, поскольку при оценке витальности языка необходимо учитывать как объективные характеристики использования языка, т. е. его функциональный статус, так и субъективные характеристики. Общая оценка функционального статуса языка основывается на частных оценках уровня владения языком, функционирования языка в семейной (использование с родителями и разными поколениями родственников) и внесемейных сферах (при коммуникации в публично-правовом пространстве), межпоколенческой передаче языка. Субъективные характеристики витальности языка отражают отношение коми-пермяков к родному языку, т. е. их языковую лояльность. Каждый

из обозначенных параметров послужил основанием для расчета соответствующего ему частного индекса:

- 1) индекс языкового доминирования (I_{dom}), который отражает долю информантов, владеющих коми-пермяцким языком лучше, чем русским;
- 2) индекс языкового выбора (I_{ch}), который характеризует долю использования коми-пермяцкого языка в ситуациях общения с родителями;
- 3) индекс языкового разнообразия (I_{var}), который фиксирует долю использования коми-пермяцкого языка при общении с членами семьи);
- 4) индекс языкового предпочтения (I_{pref}), который отражает долю функционирования коми-пермяцкого языка во внесемейных сферах – культуре, СМИ, при обращении в органы государственной власти;
- 5) индекс языковой преемственности (I_{trans}), который определяет долю носителей коми-пермяцкого языка, выражающих готовность к его передаче подрастающему поколению;
- 6) индекс языковой лояльности (I_{ll}), который обобщает оценки ценности и престижности коми-пермяцкого языка, а также отражает долю информантов, выбравших коми-пермяцкий язык в качестве родного.

Итак, разработанный в соответствии с данными принципами индекс витальности коми-пермяцкого языка позволяет учитывать как объективные, так и субъективные параметры и представляет собой их среднее арифметическое. Однако помимо рассмотренных частных индексов в формулу индекса витальности вводится еще и коэффициент сокращения численности носителей языка (k), который отражает демографические данные об изменении численности носителей языка; за значение коэффициента принимается среднее за последние два десятилетия.

Расчет индекса витальности коми-пермяцкого языка с опорой на данные, полученные в анкетированиях, показал, что в 2015 г. оказался $LVI_1 = 40,2$, а в 2023–2024 гг. – $LVI_2 = 32,1$. Таким образом, значения индексов витальности свидетельствуют о низком уровне жизнеспособности коми-пермяцкого языка, при этом индекс витальности коми-пермяцкого языка снижается.

Значения частных индексов, формирующих общее значение индекса витальности, позволяют вычленить те компоненты языковой ситуации, которые являются наиболее проблемными. Так, наименьшие значения среди частных индексов принадлежат индексу языкового предпочтения, который характеризует использование коми-пермяцкого языка в публично-правовом пространстве, индексу языковой лояльности, отражающему субъективные оценки языка его носителями, а также индексу языкового выбора, учитывающему общение на языке с родителями. Как видим, ситуация оказывается неблагополучной с точки зрения всех компонентов: и семейного, и внесемейного общений и языковой лояльности носителей. Особенно неблагоприятно для языка низкое значение индекса языкового выбора, которое демонстрирует постепенное сокращение функциональной мощности коми-пермяцкого языка в ключевой сфере его использования – семейном общении.

Для нормализации языковой ситуации в регионе и повышения уровня витальности коми-пермяцкого языка представляется необходимым учесть рекомендации, разработанные российскими и зарубежными специалистами для сохранения коренных языков (см., например [Резолюция: электр. ресурс]). В случае с коми-пермяцким языком «важно развивать городскую, официальную и профессиональную сферы использования языка, образование на этом языке» [Коряков, 2023: 48], что может быть в первую очередь реализовано при поддержке властных институтов. Помимо этого, необходимо обратить внимание на формирование положительного образа и повышение уровня привлекательности и престижности коми-пермяцкого среди представителей всех поколений его носителей. Для сохранения доминирующих позиций коми-пермяцкого языка в семейной сфере важно проводить работу по разъяснению ценности общениями с членами семьи на родном языке.

* * *

Таким образом, коми-пермяки как этнолингвистическая группа сохраняют свою самобытность и продолжают использовать коми-пермяцкий язык в

качестве средства для коммуникации в разнообразных ситуациях. Использование коми-пермяцкого языка в ограниченном количестве сфер способствует тому, что уровень витальности коми-пермяцкого языка продолжает снижаться. Дальнейшее сокращение численности коми-пермяков приведет к тому, что коми-пермяцкий язык будет окончательно вытеснен из публично-правового пространства в семейно-бытовую сферу, которая в настоящее время тоже является уязвимой. Все эти тенденции в определенный момент могут привести к критическим последствиям для жизнеспособности коми-пермяцкого языка и в крайнем случае – к языковой смерти. Для изменения языковой ситуации в отношении коми-пермяцкого языка правительством Пермского края должны быть предприняты комплексные меры для более широкого включения коми-пермяцкого языка в публично-правовое пространство, расширения сфер, в которых он используется, и общего объема его функционирования, а коми-пермяцкая общественность должна вести работу по продвижению коми-пермяцкого языка как языка семьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *База данных Языковая политика в полиэтнических регионах РФ*. [Электронный ресурс]. URL: http://identityworld.ru/news/proekt_rffi_18_011_00763_jazykovye_rezhimy_v Sovremennoj_rossii_ehffekty_jazykovoj_preferencial_noj_politiki_v_poliethnicheskikh_regionakh/2021-01-10-15 (дата обращения: 12.10.2024).
2. *Всероссийская перепись населения 2002*. [Электронный ресурс]. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/vpn2002> (дата обращения: 19.05.2024).
3. *Всероссийская перепись населения 2010*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 19.05.2024).
4. *Всероссийская перепись населения 2020*. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 19.05.2024).
5. *Закон Пермского края «Об образовании в Пермском крае»*. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/494902435> (дата обращения: 14.04.2024).
6. *Коми-Пермяцкий окружной государственный архив*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.komi-permarchiv.ru/index.php?page=uger> (дата обращения: 17.05.2025).
7. *Коми-Пермяцкий драматический театр*. [Электронный ресурс]. URL: <https://teatrkpo.ru/repertoire/> (дата обращения: 15.04.2024).
8. *Коми-Пермяцкий этнокультурный центр*. [Электронный ресурс]. URL: <http://etnokpo.ru/center> (дата обращения: 11.08.2025).
9. *Конституция Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/doc/constitution> (дата обращения: 12.04.2024).
10. *Концепция языковой политики Российской Федерации // Евразийский Ежегодник*, 2023. № 1. С. 482–512.
11. *Отчет об итогах работы Министерства по делам Коми-пермяцкого округа в Пермском крае за 2021 г.* [Электронный ресурс]. URL: <https://minkpo.permkrai.ru/dokumenty/148500> (дата обращения: 14.04.2024).
12. *Пермский край в цифрах 2022 // Пермьстат*. [Электронный ресурс]. URL: [https://59.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%202022\(3\).pdf](https://59.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%202022(3).pdf) (дата обращения: 12.04.2024).
13. *Постановление Правительства Пермского края «Об утверждении положения о Министерстве по делам Коми-пермяцкого округа Пермского края»* [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/494903797> (дата обращения: 13.04.2024).
14. Список языков России (v2023). [Электронный ресурс]. URL: https://jazykirf.iling-ran.ru/list_2023.shtml (дата обращения: 01.08.2025).

15. *Устав Пермского края* [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155030054&backlink=1&&nd=155020498> (дата обращения: 14.04.2024).
16. *Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»* [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749 (дата обращения: 12.04.2024).
17. *Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации»* [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524 (дата обращения: 12.04.2024).
18. *Финно-угорский мир.* [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/finnougric/1858> (дата обращения: 03.08.2025).
19. *Цикл тематических радиопрограмм на коми-пермяцком языке «Баитё Кудымкар»* («Говорит Кудымкар»). Фонд президентских грантов [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=92369e55-309a-4471-81f1-499ee590f287> (дата обращения: 15.04.2024).
20. *Языки России в Интернете.* [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/wsgi3/minorlangs/> (дата обращения: 06.01.2026).
21. *Language maps: Uralic Language Atlas.* [Electronic source]. URL: <https://sites.utu.fi/urhia/language-maps> (accessed: 12.08.2025).
22. *Summer Institute of Linguistics.* [Electronic source]. URL: <https://www.sil.org/language-assessment/language-vitality> (accessed: 20.08.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аворин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука, 1975. 276 с.
2. *Айзенк Г. Ю.* Новые методы и средства обучения. М.: Знание, 1988. 119 с.
3. *Американская социологическая мысль: тексты* / ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во Московск. гос. ун-та, 1994. 496 с.
4. *Архипова Л. С.* Этнолингвистическая витальность миноритарных языков Европы (на материале ольстерского шотландского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 6(777). С. 227–238.
5. *Бараксанов Г. Г., Мартынов В. И.* Развитие коми филологической науки: Серия препринтов «Научные доклады». Сыктывкар, 1975. № 20. 40 с.
6. *Баранова В. В.* Язык и этническая идентичность: Урумы и румеи Приазовья. М.: Издательский дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 287 с.
7. *Башиева С. К., Шогенова М. Ч.* Основные факторы витальности республиканских государственных языков (на материале кабардинского и балкарского языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 15–31.
8. *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 253 с.
9. *Баталова Р. М.* Коми-зырянский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/232c.html> (дата обращения: 09.05.2025).
10. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001. 436 с.
11. *Белл Р.* Социолингвистика: цели, методы и проблемы. М.: Международные отношения, 1980. 320 с.
12. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 478 с.
13. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные работы по общему языкознанию. М.: Издательство АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с. Т. 2. 391 с.
14. *Боргоякова Т. Г.* Правовой и функциональный статус языков Республики Хакасия // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 4(16). С. 152–158.
15. *Боргоякова Т. Г.* Языки коренных народов: перспективы витальности (на примере языков Южной Сибири) // Языки в полиглоссическом государстве: развитие, планирование, прогнозирование: Матер. Междунар. конф. / Бурятский НЦ Сибирск. отделения РАН. 2019. С. 17.
16. *Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В.* Динамика языкового поведения и языковых убеждений в контексте языковой политики Республики Хакасия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 11. С. 342–347.
17. *Бородина М. А.* Понятие маргинального ареала в лингвистическом континууме // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Функционирование контактных и периферийных ареалов. Л.: Наука, 1977. С. 8–9.
18. *Вайнрайх У.* Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. И comment. Ю. А. Жлуктенко. Киев: Вища шк., 1979. 263 с.

19. *Вахтин Н. Б.* Условия языкового сдвига (к описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. Филологические науки. 2001. № 1. С. 11–16.
20. *Вахтин Н. Б., Головко Е. В.* Социолингвистика и социология языка. СПб.: Издат. центр «Гуманитарная академия», 2004. 336 с.
21. *Виноградов В. А.* Структурная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 496–497.
22. *Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я.* Социолингвистическая типология: Западная Африка. М.: Наука, 1984. 128 с.
23. *Воронков В., Освальд И.* Введение. Постсоветские идентичности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 6–36.
24. *Гайдамашко Р. В.* Из наблюдений над коми-пермяцкой лексикой в «Первоначальном учебнике русского языка для чердынских пермяков» 1906 г. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 3. С. 28–41.
25. *Гунжитова Г. Ц.* Факторы витальности бурятского языка // Филология: научные исследования. 2020. № 12. С. 41–50.
26. *Гренобль Л.* Социолингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей // Социолингвистика. 2021. № 2(6). С. 9–35.
27. *Дерябин В. С.* Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития. Серия: Исследования по прикладной и неотложной этнологии / Интэтннологии и антропологии РАН. М., 1997. № 102. 22 с.
28. *Десницкая А. В.* К вопросу о предмете и методах ареальной лингвистики // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1977. С. 22–29.
29. *Евдокимова О. В., Черных А. В.* Идентичность у коми-пермяков на современном этапе этнического развития (по материалам этносоциологического исследования) // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Studis historica juvenum. 2014. № 1(10). С. 82–88.
30. *Ельмслев Л.* Пролегомены к теории языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. С. 264–389.
31. *Жирмунский В. М.* Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии / Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. С. 26–60.
32. *Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я.* Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012. 178 с.
33. *Иванова Н. И.* Функциональный статус русского языка в Республике Саха (Якутия) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 4(29). С. 101–106.

34. *Иванова Н. И.* Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихолингвистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2021. 375 с.
35. *Казакевич О. А. и др.* Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций / Казакевич О. А. Будянская Е. М., Евстигнеева А. П., Коряков Ю. Б., Мордашова Д. Д., Покровская С. В., Поливанов К. К., Ренковская Е. А., Халилова З. М., Шейфер К. О. // Вопросы языкоznания. 2022. Т. 4. С. 7–47.
36. *Каменских М. С.* Первый национальный: коми-пермяки в национальной политике России в XX – начале XXI века. СПб.: Маматов, 2021. 312 с.
37. *Каневский А. А.* Языковая политика как вид национальной политики государства // Философия права. 2015. № 4(71). С. 47–51.
38. *Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания: универсальное, типовое и специфическое в языке. М.: УРСС, 2001. 332 с.
39. *Киселев М. Ю.* Латинизация алфавита у коми-пермяков Уральской области в исследовании Г. Нечаева // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2020. Т. 30, № 6. С. 988–992.
40. *Кондрашкина Е. А.* Современная языковая ситуация в Республике Коми // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1(5). С. 166–168.
41. *Кондрашкина Е. А.* Проблемы витальности языков малых народов России (на примере коми-пермяцкого языка) // Альманах современной науки и образования. 2016. № 7. С. 44–46.
42. *Кондрашкина Е. А.* Социолингвистическая характеристика современного функционального развития коми языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6–1(84). С. 89–93.
43. *Конышин А. Е.* Самочувствие коми-пермяцкого народа после объединения субъектов // Финно-угорский мир в полигэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. статей по матер. VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Ижевск: Alkid, 2019. С. 510–514.
44. *Коряков Ю. Б.* Статусы витальности языков России. Языковое многообразие России и возможности его сохранения / ред. Е. Ю. Груздева, А. А. Сюрюн; Институт языкоznания РАН. М., 2023. С. 46–59.
45. *Кривоцекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П.* Коми-пермяцкие говоры. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1980. 69 с.
46. *Крысин Л. П.* Очерки по социолингвистике. М.: Флинта, 2021. 360 с.
47. *Лабов У.* Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975а. № 7. С. 96–182.
48. *Лабов У.* О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975б. № 7. С. 199–229.
49. *Лаллукка С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. СПб.: Европейский Дом, 2010. 336 с.
50. *Ларин Б. А.* Филологическое наследие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 952 с.

51. *Лудыкова В. М.* Литературный коми язык: история и современное состояние (социолингвистический аспект) / Гос. ун-т им. Питирима Сорокина. Сыктывкар, 2014. 144 с.
52. *Лыткин В. И.* Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 340 с.
53. *Лыткин В. И.* Коми-пермяцкий язык: введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар: Коми-пермяцкое книжн. изд-во, 1962. 320 с.
54. *Макаев В. В.* К вопросу о методологии педагогического исследования // Технология развития педагогического творчества / Ставропольская лаборатория по проблемам НОПТ. Ставрополь, 1994. С. 74–82.
55. *Майшев И. И.* Грамматика коми-пермяцкого языка. Сыктывкар: Коми гос. изд-во, 1940. 89 с.
56. *Мансурова А. Р.* О витальности татарского языка в Пермском крае: вып. квал. раб. Пермь, 2013. 123 с.
57. *Мечковская Н. Б.* Общее языкознание: структурная и социальная типология языков. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.
58. *Михалева А. В.* Этноконфессиональная идентичность коми-пермяков Пермского края // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2016. № 5. С. 26–37.
59. *Мочалов А. Н.* Законодательство о языках народов Российской Федерации: состояние и направления совершенствования (федеративный аспект) // Российской право: образование, практика, наука. 2023. № 6. С. 19–34.
60. *Напольских В. В.* Введение в историческую уралистику / Урал. отдел. РАН, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. Ижевск, 1997. 257 с.
61. *Никольский Л. Б.* Синхронная социолингвистика (теория и проблемы). М.: Наука, 1976. 167 с.
62. *Нурутдинова Н. Р.* Функционирование региональных языков Приволжского федерального округа в СМИ: социолингвистический аспект: дис. канд. филол. наук. Казань. 2022. 282 с.
63. *Орехов Б. В., Решетников К. Ю.* Государственные языки России в Википедии: к вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ // Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 261–279.
64. *Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия* / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Academia, 2003. 848 с.
65. *Петербургский М. Ю.* Государственный язык, официальный язык и язык меньшинства: теоретико-правовые проблемы дефиниций и регулирования статуса в многонациональном государстве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15, № 5. С. 203–229.
66. *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию М.: Наука, 1968. 376 с.
67. *Полякова Н. В.* Индигенные этносы Томской области: социолингвистическая ситуация и языковая витальность // Язык. Общество. Образование:

- сб. науч. тр. III Междунар. научн.-практич. конф. / Томск. политех. ун-т. Томск, 2022. С. 81–85.
68. *Пунегова Г. В.* Графическая система национального алфавита: из истории коми графики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014а. № 10(2). С. 148–150.
 69. *Пунегова Г. В.* Из истории коми графики // Труды Института языка, литературы истории Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2014б. Вып. 73. С. 68–89.
 70. *Резолюция* Международной конференции «Лингвистический форум 2019: Коренные языки России и мира». [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/conferences/2019_indigenous_resolution.pdf (дата обращения: 18.08.2025).
 71. *Рогов Н. А.* Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1860. 166 с.
 72. *Русская спонтанная речь коми-пермяков: звучащая хрестоматия* / кол. авт.; науч. ред. Т. И. Ерофеевой; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 72 с.
 73. *Русская спонтанная речь коми-пермяков: национальные традиции: Звучащая хрестоматия* / кол. авт.; науч. ред. Т. И. Ерофеева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. 112 с.
 74. *Серебренников Б. А.* Языковая номинация: виды наименований / Ин-т языкоznания АН СССР. М.: Наука, 1977. 356 с.
 75. *Словарь социолингвистических терминов* / отв. ред. В. Ю. Михальченко; Институт языкоznания РАН. М., 2006. 312 с.
 76. *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1983. 224 с.
 77. *Степанов Ё. Л. (Степанов В. А.)* Опыт периодизации донациональной эпохи в истории коми-пермяцкого литературного языка // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3. С. 262–267.
 78. *Сулейменова Э. Д.* Витальность казахского языка и языковое планирование // Вестник Казахского Национального университета. Серия филологическая. 2011. № 2. С. 7–13.
 79. *Сулейменова Э. Д.* Витальность языка: поиски показателей измерения // Вестник Казахского Национального университета. Серия филологическая. 2015. № 2. С. 148–158.
 80. *Тицков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 532 с.
 81. *Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа* / отв. ред. А. С. Лобанова (отв. ред.); Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2006. Вып. 3: Кривошёкова-Гантман А. С. Собрание сочинений в 2 томах. Т. 1: Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. 250 с.
 82. *Тюленёва А. М.* Языковая политика и языковая идеология: попытка концептуального уточнения // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. № 1. С. 120–127.
 83. *Узгадзе Д. Н.* Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 413 с.

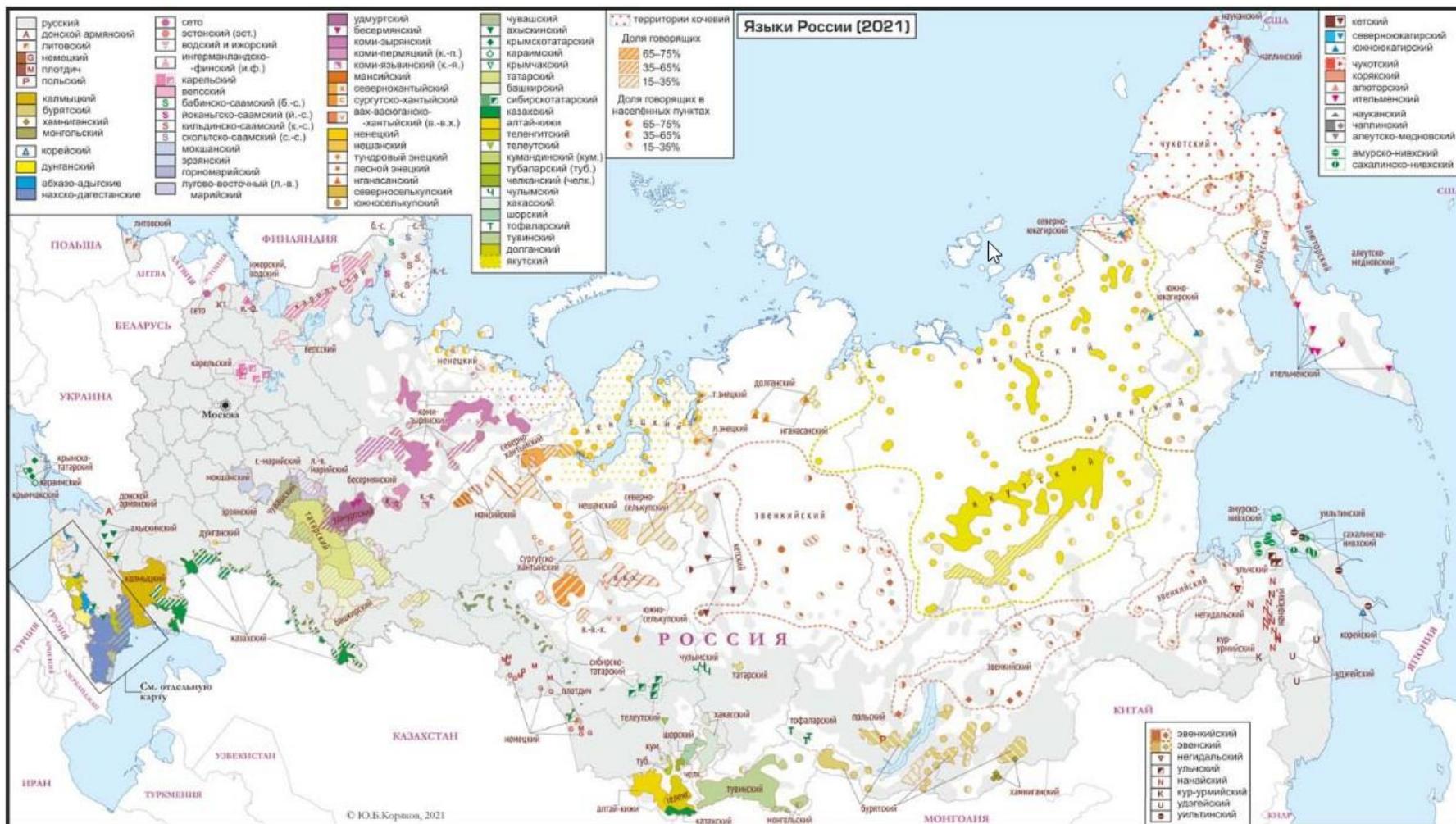
84. *Федосеева Е. Н.* Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии, 2002. С. 426–434.
85. *Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. М., 1975. № 7. С. 441–472.
86. *Хилханова Э. В.* Витальность и перспективы миноритарных языков: оценочно-прогностические теории grassroots movements в цифровую эпоху // Языки в полигэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование. сообщения / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Ин-т языкоznания РАН, Научный центр «Восточная Европа» (GiZo) Гиссенского университета им. Юстуса Либига. Улан-Удэ, 2019. С. 233–237.
87. *Чагин Г. Н.* Очерки по истории и этнографии коми-пермяков / Коми-Пермяцкий этнокультурный центр. Кудымкар, 2013. 152 с.
88. *Черных А. В., Каменских М. С.* Языковое многообразие Пермского края и проблемы сохранения родных языков // Пермистика XVII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками / Перм. федерал. исслед. центр УрО РАН. 2018. С. 22–35.
89. *Шабаев Ю. П.* Коми-пермяки: тенденция этнокультурного развития // Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития / под. ред. Ю. П. Шабаева; ЦИМО. М., 2000. С. 19–100.
90. *Шабаев Ю. П.* Этносоциальные последствия объединения регионов // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 64–71.
91. *Шабаев Ю. П., Денисенко В. Н., Шилов Н. В.* Языковая политика в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации: поиск модели // Регионология. 2009. № 2. С. 296–309.
92. *Шабаев Ю. П., Истомин К. В.* Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы (изъватас) и коми-пермяки как «другие» коми // Этнографическое обозрение. СПб.: Наука. 2017. № 4. С. 99–114.
93. *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976. 174 с.
94. *Швейцер А. Д., Никольский Л. Б.* Введение в социолингвистику. М.: Высш. школа, 1978. 216 с.
95. *Шляхова С. С.* «Какие-то не такие...»: Изменяя этнические стереотипы восприятия. Статья вторая: Про характер // Филолог. 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_27_575 (дата обращения: 10.04.2024).
96. Эдельман Д. И. Основные вопросы лингвистической географии: на материале индоиранских языков. М.: Наука, 1968. 112 с.
97. Эхала М. Измерение этнолингвистической витальности // Язык и общество в современной России и других странах: доклады и сообщения / Ин-т языкоznания РАН. М., 2010. С. 84–87.

98. Эхала М., Забродская А. Н. Этнолингвистическая витальность этнических групп стран Балтии. М.: Диаспоры, 2011. № 1. С. 6–60.
99. Язык и общество. Энциклопедия / гл. ред. Михальченко В. Ю. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2016. 872 с.
100. *Agheyisi R., Fishman J. A.* Language attitude studies: A brief survey of methodological approaches // *Anthropological linguistics*. 1970. Vol. 12(5). P. 137–157.
101. *Auer P.* The pragmatics of code-switching: A sequential approach // L. Milroy & P. Muysken (eds.). *One speaker, two languages: Cross-disciplinary perspectives on code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 115–135.
102. *Auer P., Hinskens F.* The convergence and divergence of dialects in Europe: New and not so new developments in an old area // *Sociolinguistica: Internationales Jahrbuch für Europäische Soziolinguistik. International Yearbook of European Sociolinguistics*. 1996. № 10. P. 1–30.
103. *Baker C.* Attitudes and Languages. Clevedon: Multilingual Matters, 1992. 173 p.
104. *Bourhis R. Y., Giles H., Rosenthal D.* Notes on the construction of a «subjective vitality questionnaire» for ethnolinguistic groups // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1981. Vol. 2. P. 144–155.
105. *Boyd S.* Language Survival: A study of language contact, language shift and language choice in Sweden. University of Göteborg, 1985. 244 p.
106. *Broeder P., Extra G.* Language, ethnicity, and education: Case studies on immigrant minority groups and immigrant minority languages. Clevedon, 1999. 130 p.
107. *Campbell L., Muntzel M.* Language death // *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. T. 4 / Asher R.E. (ed.). Pergamon, 1994. C. 1960–1968.
108. *Cargile A. C. et al.* Language attitudes as a social process: A conceptual model and new directions / A. C. Cargile, H. Giles, E. B. Ryan, J. J. Bradac // *Language and Communication*. 1994. Vol. 14, № 3. P. 211–236.
109. *Crystal D.* English as a global language // Cambridge; New York: Cambridge University Press. 1997. 229 p.
110. *Dauenhauer N. M., Dauenhauer R.* Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from Southeast Alaska // L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered Languages: Language loss and community response*. Cambridge: Cambridge University Press. 1998. P. 57–98.
111. *Dressler W.* On the phonology of language death // Chicago Linguistic Society. 1972. Vol. 8. P. 448–457.
112. *Dressler W.* Language death // Newmeyer F. J. (ed.). *Language: The socio-cultural context*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 184–192.
113. *Ehala M.* An Evaluation Matrix for Ethno-Linguistic Vitality. [Electronic source]. URL: <https://lepo.it.da.ut.ee/~ehalam/pdf/vitalitytrst.pdf> (accessed: 20.11.2023).
114. *Ehala M.* Hot and cold ethnicities: modes of ethnolinguistic vitality // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2011. Vol. 32. № 2. P. 187–200.
115. *Endangered Languages Project*. [Electronic source]. URL: <https://www.endangeredlanguages.com> (accessed: 27.11.2023).

116. *Extra G., Yağmur K.* Mapping immigrant minority languages in multicultural cities // M. Barni, G. Extra (eds.). *Mapping linguistic diversity in multicultural contexts*. Mouton de Gruyter, 2008. P. 139–162.
117. *Fasold R. W.* *The sociolinguistics of society*. Oxford: Blackwell. 1984. 335 p.
118. *Ferguson C. A.* National sociolinguistic profile formulas // *Sociolinguistics*. 1966. Vol. 1967. P. 781–800.
119. *Ferguson C. A.* Language structure and language use. Stanford. 1971. 178 p.
120. *Fishman J. A.* *The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society* // *Advances in the Sociology of Language*. The Hague: Mouton, 1971. Vol. 1. P. 217–405.
121. *Fishman J. A.* *Language and Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective*. Multilingual Matters, 1989. 717 p.
122. *Fridriksson F.* Language change vs. stability in conservative language communities: A case study of Icelandic. Göteborg: Göteborgs universitet. 2008. 389 p.
123. *Garrett P.* Attitudes to language (Key topics in sociolinguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 257 p.
124. *Garvin P. L.* On linguistic method. The Hague, 1964. 233 p.
125. *Giles H., Bourhis R. Y. Taylor D. M.* Towards a theory of language in ethnic group relations. // H. Giles (ed.). In *Language, Ethnicity and Intergroup Relations*. London: Academic Press, 1977. P. 307–348.
126. *Husband C., Khan V. S.* The viability of ethnolinguistic vitality some creative doubts // *Journal of Multilingual & Multicultural Development*. 1982. Vol. 3. № 3. P. 193–205.
127. *Herman S.* Explorations in the social psychology of the language choice // *Readings in the sociology of language*. The Hague: Mouton. 1968. P. 492–512.
128. *Krauss M.* Classification and terminology for degrees of language endangerment // M. Brenzinger (ed.). *Language diversity endangered*. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, 2007. Pp. 1–8.
129. *Labov W.* The principles of linguistic change. Vol. 3. John Wiley & Sons, 2010. 449 p.
130. *Ladegaard H.* Language attitudes and sociolinguistic behavior: Exploring attitude-behavior relations in language // *Journal of Sociolinguistics*. 2000. Vol. 4, № 2. P. 214–233.
131. *Landweer M. L.* Indicators of ethnolinguistic vitality review and score sheet // *GIALens*. 2016. Vol. 10, № 1. P. 1–14.
132. *Landweer M. L.* A Melanesian perspective on mechanisms of language maintenance and shift: Case studies from Papua New Guinea: University of Essex PhD thesis. 2006. [Electronic source]. URL: <https://www.sil.org/resources/archives/9905> (accessed: 12.08.2025).
133. *Lewis M. P., Simons G. F.* Assessing endangerment: Expanding Fishman's GIDS // *Revue roumaine de linguistique*. 2010. № 2. P. 103–120.
134. *McCarty T. L., Warhol L.* The anthropology of language planning and policy // A companion to the anthropology of education. 2011. P. 177–196.
135. *McConnell G. D.* A model of language development and vitality // *Indian Journal of Applied Linguistics*. 1996. № 1. P. 33–47.

136. *Milroy J., Milroy L.* Linguistic change, social network and speaker innovation // *Journal of linguistics*. 1985. Vol. 21, № 2. P. 339–384.
137. *Papapavlou A., Pavlou P.* The interplay of language use and language maintenance and the cultural identity of Greek Cypriots in the UK // *International Journal of Applied Linguistics*. 2001. Vol. 11, № 1. P. 92–113.
138. *Papapavlou A., Mavromati A.* Bridging Language Attitudes with Perceived Language Notions // *Open Journal of Modern Linguistics*. 2017. Vol. 7. P. 167–183.
139. *Potter J.* Discursive social psychology: From attitudes to evaluative practices // *European Review of Social Psychology*. 1998. Vol. 9, № 1. P. 233–266.
140. *Riagáin P. Ó.* Language policy and social reproduction: Ireland, 1893–1993. Oxford: Clarendon, 1997. 300 p.
141. *Silverstein M.* Language Structure and Linguistic Ideology // In *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193–247.
142. *Sihua Liang.* Language attitudes and identities in multilingual China: A linguistic ethnography. London: Springer, 2015. 202 p.
143. *Stewart W.* A sociolinguistic typology for describing national multilingualism // J. A. Fishman (ed.). *Readings in the Sociology of Language*. Walter de Gruyter, 1968. P. 531–545.
144. *Tajfel H.* The psychological structure of intergroup relations // H. Tajfel (ed.). *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations*. London: Academic Press, 1978. P. 27–100.
145. *Tajfel H., Turner J. C.* An integrative theory of intergroup conflict // *Organizational identity: A reader*. 1979. Vol. 56, № 65. P. 33–47.
146. *Torras M. C., Gafaranga J.* Social identities and language alternation in non-formal institutional bilingual talk: Trilingual service encounters in Barcelona // *Language in Society*. 2002. Vol. 31, № 4. P. 527–548.
147. *Trudgill P.* Social identity and linguistic sex differentiation // D. Sankoff (ed.). *Dialect and language variation*. Academic Press, 1986. P. 395–402.
148. *UNESCO.* *Atlas of the World's Languages in Danger*. [Electronic source]. URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/index.php> (accessed: 20.11.2023).
149. *Weinreich U.* Languages in contact. Findings and problems. The Hague; Paris: Mouton. 1968. 148 p.
150. *Wetherell M.* A step too far: Discursive psychology, linguistic ethnography and questions of identity // *Journal of Sociolinguistics*. 2007. Vol. 11, № 5. P 661–681.
151. *Wickström B. A., Templin T., Gazzola M.* An economics approach to language policy and linguistic justice // CESifo Working Paper. 2017. № 6726. 53 p.
152. *Wingstedt M.* Language ideologies and minority language policies in Sweden: Historical and contemporary perspectives. Stockholm University, 1998. 376 p.
153. *Woolard K. A.* Language ideology: Issues and approaches // *Pragmatics*. 1992. Vol. 2, № 3. P. 235–239.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Коряков Ю. Б. Статусы витальности языков России // Языковое многообразие России и возможности его сохранения / ред. Е. Ю. Груздева, А. А. Сюрюн; Институт языкоизнания РАН. М., 2023. С. 54.

Рисунок 1. Карта «Языки России (2021)»

Коряков Ю. Б. Статусы витальности языков России // Языковое многообразие России и возможности его сохранения / ред. Е. Ю. Груздева, А. А. Сюрюн; Институт языкоznания РАН. М., 2023. С. 55.

Рисунок 2. Карта «Языки России (2021)»

Таблица

**Национальная принадлежность и владение родным языком
информантами коми-пермяками, абс.**

Национальность	Место рождения	Место жительства	Родной язык	Количество
Коми-пермяк	Коми-пермяцкий округ	Коми-пермяцкий округ	Коми-пермяцкий	36
Коми-пермяк	Коми-пермяцкий округ	Коми-пермяцкий округ	Коми-пермяцкий и русский	2
Коми-пермяк	Коми-пермяцкий округ	Коми-пермяцкий округ	Русский	1
Коми-пермяк	Коми-пермяцкий округ	Пермь, Пермский край	Коми-пермяцкий	21
Коми-пермяк	Коми-пермяцкий округ	Пермь, Пермский край	Коми-пермяцкий и русский	3
Коми-пермяк	Коми-пермяцкий округ	Пермь, Пермский край	Нет	2
Коми-пермяк	Коми-пермяцкий округ	Пермь, Пермский край	Русский	12
Коми-пермяк	Коми-пермяцкий округ	Свердловская область	Коми-пермяцкий и русский	1
Коми-пермяк	Пермь, Пермский край	Коми-пермяцкий округ	Коми-пермяцкий	2
Коми-пермяк	Пермь, Пермский край	Пермь, Пермский край	Коми-пермяцкий	2
Коми-пермяк	Пермь, Пермский край	Пермь, Пермский край	Коми-пермяцкий и русский	1
Коми-пермяк	Пермь, Пермский край	Пермь, Пермский край	Русский	2
Коми-пермяк и русский	Коми-пермяцкий округ	Коми-пермяцкий округ	Нет	1
Коми-пермяк и русский	Коми-пермяцкий округ	Пермь, Пермский край	Русский	1

Анкета 1. Бланк анкеты для социолингвистического опроса информантов в 2015 г.

Витальность коми-пермяцкого языка в Пермском крае

Здравствуйте! Мы уже рады, что Вы решили заполнить эту анкету.

Мы проводим исследование витальности (т.е. способность языка конкурировать с другими языками в Пермском крае) коми-пермяцкого языка в Пермском крае. Будем рады оказанной Вами помощи. Заполнение анкеты займет у Вас не более 7 минут.

* Обязательно

1. Ваш возраст *

2. Место жительства *

Если Вы сейчас живете в Перми, то укажите место Вашего рождения.

3. Название ВУЗа/школы *

4. Курс/класс *

5. Какой язык для Вас является родным? *

6. Какими языками, помимо родного, Вы владеете? *

Перечислите, пожалуйста, через запятую.

7. На каком из языков Вы говорите лучше всего?

8. На каком языке ведется обучение в Вашем ВУЗе/Вашей школе? *

9. Какой еще язык Вы бы хотели изучать? *

10. Какой язык Вы используете в общении с семьей? *

Если с каждым из родителей Вы общаетесь на разных языках, то, пожалуйста, укажите, с каким родителем на каком языке.

11. Какой язык Вы используете в общении с братьями/сестрами (если они у Вас есть)? *

12. Какой язык Вы используете в общении с друзьями? *

13. На каком языке говорит большинство Ваших друзей? *

14. Какой язык Вы используете в общении с представителями местной власти, административных структур в своем населенном пункте?

15. Какой язык Вы используете в общении с коллегами по работе?

Ответьте на вопрос, если Вы работаете.

16. На каком языке Вы предпочитаете смотреть телевизионные программы? *

Отметьте тот язык, который является предпочтительнее всего в этой сфере.

Отметьте только один овал.

Русский язык

Коми-пермяцкий язык

Другое: _____

17. На каком языке Вы предпочитаете просматривать страницы в Интернете? *

Отметьте тот язык, который является наиболее предпочтительным для Вас в этой сфере.

Отметьте только один овал.

Русский язык

Коми-пермяцкий язык

Другое: _____

18. На каком языке Вы предпочитаете читать газеты? *

Отметьте тот язык, который является наиболее предпочтительным для Вас в этой сфере.

Отметьте только один овал.

- Русский язык
 Коми-пермяцкий язык
 Другое: _____

19. На каком языке Вы предпочитаете читать журналы? *

Отметьте тот язык, который является предпочтительнее всего в этой сфере.

Отметьте только один овал.

- Русский язык
 Коми-пермяцкий язык
 Другое: _____

20. На каком языке Вы предпочитаете слушать радио? *

Отметьте тот язык, который является предпочтительнее всего в этой сфере.

Отметьте только один овал.

- Русский язык
 Коми-пермяцкий язык
 Другое: _____

21. На каком языке Вы предпочитаете читать священные книги, если Вы верующий? *

Отметьте тот язык, который является предпочтительнее всего в этой сфере.

Отметьте только один овал.

- Русский язык
 Коми-пермяцкий язык
 Другое: _____

22. На каком языке Вы предпочитаете читать книги? *

Отметьте тот язык, который является предпочтительнее всего в этой сфере.

Отметьте только один овал.

- Русский язык
 Коми-пермяцкий язык
 Другое: _____

23. На каком языке Вы предпочитаете смотреть фильмы/спектакли? *

Отметьте тот язык, который является предпочтительнее всего в этой сфере.

Отметьте только один овал.

- Русский язык
 Коми-пермяцкий язык
 Другое: _____

24. На каком языке Вы предпочитаете получать новости? *

Отметьте тот язык, который является предпочтительнее всего в этой сфере.

Отметьте только один овал.

- Русский язык
 Коми-пермяцкий язык
 Другое: _____

25. На Ваш взгляд, насколько красив коми-пермяцкий язык? *

Дайте, пожалуйста, оценку от 1 (совершенно не красивый) до 5 (очень красивый)

Отметьте только один овал.

- 1 2 3 4 5

26. На Ваш взгляд, насколько красив русский язык? *

Дайте, пожалуйста, оценку от 1 (совершенно не красивый) до 5 (очень красивый)

Отметьте только один овал.

- 1 2 3 4 5

27. На Ваш взгляд, насколько сложен в плане изучения коми-пермяцкий язык? *

Дайте, пожалуйста, оценку от 1 (очень легко) до 5 (очень сложно)

Отметьте только один овал.

- 1 2 3 4 5

28. На Ваш взгляд, насколько престижен коми-пермяцкий язык в Пермском крае? *

Дайте, пожалуйста, оценку от 1 (совершенно не престижен) до 5 (очень престижен)

Отметьте только один овал.

- 1 2 3 4 5

29. На Ваш взгляд, насколько престижен русский язык в Пермском крае? *

Дайте, пожалуйста, оценку от 1 (совершенно не престижен) до 5 (очень престижен)
Отметьте только один овал.

1	2	3	4	5
☐				

30. На Ваш взгляд, какой язык Вы используете чаще в культурных коми-пермяцких мероприятиях? *

Отметьте, пожалуйста, один вариант.
Отметьте только один овал.

- Русский язык
 Татарский язык

31. На Ваш взгляд, насколько Вы используете коми-пермяцкий язык в религиозной сфере? *

Дайте, пожалуйста, оценку от 1 (никогда) до 5 (всегда)
Отметьте только один овал.

1	2	3	4	5
☐				

32. Как Вы думаете, насколько ценится Ваша культура пермским обществом (в Пермском крае)? *

Дайте, пожалуйста, оценку от 1 (совсем не) до 5 (сильно)
Отметьте только один овал.

1	2	3	4	5
☐				

33. Как Вы думаете, как сильно она популяризована в пермском обществе? *

Дайте, пожалуйста, оценку от 1 (совсем не) до 5 (сильно)
Отметьте только один овал.

1	2	3	4	5
☐				

34. Как Вы думаете, насколько ценится Ваш родной язык пермским обществом? *

Дайте, пожалуйста, оценку от 1 (совсем не) до 5 (сильно)
Отметьте только один овал.

1	2	3	4	5
☐				

35. Как Вы думаете, насколько сильно воздействован Ваш родной язык в образовательной сфере Пермского края? *

Дайте, пожалуйста, оценку от 1 (совсем не) до 5 (сильно)
Отметьте только один овал.

1	2	3	4	5
☐				

36. Если да, то где именно?

37. Планируете ли Вы обучать коми-пермяцкому языку своих детей? *

Отметьте только один овал.

- Да
 Нет
 Не знаю

Анкета 2. Бланк анкеты для социолингвистического опроса информантов в 2023–2024 гг.

Анкета

Добрый день!

Мы проводим исследование, посвященное тому, как коми-пермяцкий язык в настоящее время функционирует в Пермском крае. На основе полученной информации будут разработаны рекомендации для правительства Пермского края для поддержки коми-пермяцкого языка.

Просим Вас принять участие в опросе, это займет не более 15 минут.

***Обязательный вопрос**

1. **Ваш возраст ***

2. **Ваш пол ***

Отметьте только один овал.

Мужской

Женский

3. **Ваша национальность ***

4. **Место рождения ***

5. **Место жительства ***

6. **Ваш уровень образования ***

Отметьте только один овал.

- Обучаюсь в школе
- Среднее
- Среднее специальное
- Обучаюсь в вузе
- Высшее
- Ученая степень
- Другое: _____

7. ***Для школьников – класс**

8. ***Для студентов – курс**

9. ***Ваша специальность**

10. ***Если Вы работаете, укажите сферу вашей деятельности**

II раздел. Владение коми-пермяцким языком

11. **Какой язык для Вас является родным? ***

12. **Оцените степень владения коми-пермяцким языком ***

Отметьте только один овал.

- Не понимаю
- Понимаю, но не могу говорить
- Понимаю и немного говорю, но не пишу
- Понимаю и говорю свободно, но пишу с ошибками
- Свободно говорю и пишу

13. **Вы владеете литературной формой родного языка или диалектом? ***

Отметьте только один овал.

- Литературной формой
- Диалектом
- Обеими формами

14. **Если Вы владеете диалектом, укажите каким?**

15. **Изучали/изучаете ли Вы в школе, в вузе коми-пермяцкий язык? ***

Отметьте только один овал.

- Да
- Нет

16. С какого класса Вы изучали коми-пермяцкий язык в школе? *

17. Сколько лет Вы изучали коми-пермяцкий язык в школе? *

18. В каких случаях вы используете коми-пермяцкий язык в семье: *

Отметьте все подходящие варианты.

- При разговоре с бабушкой, с дедушкой
- С обоими родителями
- Только с мамой
- Только с папой
- С братьями, с сестрами
- С дядей, с тетей
- С двоюродными братьями, с двоюродными сестрами
- Не использую
- Другое: _____

19. Выберите общественные сферы и ситуации, в которых Вы используете * коми-пермяцкий язык.

Отметьте все подходящие варианты.

- В общении с друзьями
- На учебе
- На работе
- При обращении в органы государственной власти
- В магазине
- В банке
- В больнице
- В транспорте
- Другое: _____

20. **Если Вы используете коми-пермяцкий язык в общении с друзьями, то в * каких ситуациях:**

21. **Укажите темы, при обсуждении которых Вы используете коми-пермяцкий язык при общении с друзьями:** *

22. **Укажите темы, при обсуждении которых Вы используете коми-пермяцкий язык в школе, в вузе:** *

Отметьте все подходящие варианты.

- С учителем, с преподавателем
- С другими учениками
- На уроке, на занятии
- Другое: _____

23. **Если Вы используете коми-пермяцкий язык в общении на работе, то в * каких ситуациях:**

Отметьте все подходящие варианты.

- При общении с коллегами в рабочей обстановке
- При общении с коллегами в нерабочей обстановке
- При общении с начальством
- На оперативках, на собраниях
- В документах
- При электронной переписке
- Другое: _____

24. **Если Вы используете коми-пермяцкий язык в больнице, то в каких ситуациях:** *

Отметьте все подходящие варианты.

- В регистратуре
- При общении в врачебном кабинете
- При общении с медсестрой
- При общении с посетителями больницы
- Другое: _____

25. **Если Вы используете коми-пермяцкий язык при обращении в органы государственной власти, то в каких ситуациях:** *

Отметьте все подходящие варианты.

- При личном обращении в государственное учреждение
- При подаче заявления онлайн
- При общении по телефону
- Другое: _____

26. **На каком языке Вы предпочитаете смотреть телевизионные программы?** *

Отметьте только один овал.

- Русский язык
- Коми-пермяцкий язык
- Другое: _____

27. **Аргументируйте выбор языка в предыдущем вопросе ***

28. **На каком языке Вы предпочитаете просматривать информацию в интернете? ***

Отметьте только один овал.

- Русский язык
 Коми-пермяцкий язык
 Другое: _____

29. **Аргументируйте выбор языка в предыдущем вопросе ***

30. **На каком языке Вы предпочитаете читать книги? ***

Отметьте только один овал.

- Русский язык
 Коми-пермяцкий язык
 Другое: _____

31. **Аргументируйте выбор языка в предыдущем вопросе ***

32. **На каком языке Вы предпочитаете читать газеты и журналы? ***

Отметьте только один овал.

- Русский язык
 Коми-пермяцкий язык
 Другое: _____

33. Аргументируйте выбор языка в предыдущем вопросе *

34. На каком языке Вы предпочитаете смотреть фильмы, сериалы? *

Отметьте только один овал.

Русский язык

Коми-пермяцкий язык

Другое: _____

35. Аргументируйте выбор языка в предыдущем вопросе *

36. На каком языке Вы предпочитаете смотреть спектакли в театре? *

Отметьте только один овал.

Русский язык

Коми-пермяцкий язык

Другое: _____

37. Аргументируйте выбор языка в предыдущем вопросе *

38. **На Ваш взгляд, насколько красив коми-пермяцкий язык? ***

Отметьте только один овал.

совершенно не красивый

1

2

3

4

5

очень красивый

39. **На Ваш взгляд, насколько сложен в изучении коми-пермяцкий язык? ***

Отметьте только один овал.

очень легко

1

2

3

4

5

очень сложно

40. **На Ваш взгляд, насколько престижен коми-пермяцкий язык? ***

Отметьте только один овал.

совершенно не престижен

1

2

3

4

5

очень престижен

41. **Какими словами Вы бы описали коми-пермяцкий язык? ***

42. **Как Вы думаете, насколько активно используется коми-пермяцкий язык в образовательной сфере Пермского края? ***

Отметьте только один овал.

совсем не

1

2

3

4

5

сильно

43. **Обучали ли Вы, или сейчас обучаете, или планируете обучать коми-пермяцкому языку своих детей? ***

Отметьте только один овал.

Да

Нет

Другое: _____

44. Если у Вас есть дети школьного возраста, насколько они хотят изучать коми-пермяцкий язык? *

Отметьте только один овал.

- Изучают с удовольствием
- Изучают, но не хотят
- Не изучают
- Нет детей школьного возраста

45. Как Вы думаете, насколько ценится коми-пермяцкая культура в Пермском крае? *

Отметьте только один овал.

совсем нет

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

сильно

46. Как Вы думаете, насколько сильно коми-пермяцкая культура популяризована в Пермском крае? *

Отметьте только один овал.

совсем не

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

сильно

47. Как Вы думаете, насколько ценится коми-пермяцкий язык в Пермском крае? *

Отметьте только один овал.

совсем не

1

2

3

4

5

сильно

48. Считаете ли Вы необходимым проводить культурные мероприятия, направленные на популяризацию коми-пермяцких языка и культуры? *

Отметьте только один овал.

Да

Нет

Другое: _____

49. Укажите, принимали ли Вы участие за последние несколько лет в мероприятиях, направленных на поддержку и сохранение коми-пермяцких языка и культуры? *

Отметьте только один овал.

Да

Нет

Другое: _____

50. Укажите название посещенного Вами мероприятия.

51. Продолжаете ли Вы следовать обычаям и традициям коми-пермяцкой культуры? *

Отметьте только один овал.

Да

Нет

Другое: _____

52. Напишите, пожалуйста, небольшой текст на коми-пермяцком языке, посвященный Вашей любви и/или не любви к коми-пермяцкому языку (5-7 предложений). *

III раздел. Владение русским языком

53. Владеете ли Вы русским языком? *

54. Оцените степень владения русским языком: *

Отметьте только один овал.

не понимаю

понимаю, но не могу говорить

понимаю и немного говорю, но не пишу

понимаю и говорю свободно, но пишу с ошибками

свободно говорю и пишу

55. Владеете ли Вы каким-либо иностранным языком? *

Отметьте все подходящие варианты.

английский

французский

немецкий

испанский

Другое: _____

56. Оцените степень владения иностранным языком. *

Отметьте только один овал.

не понимаю

понимаю, но не могу говорить

понимаю и немного говорю, но не пишу

понимаю и говорю свободно, но пишу с ошибками

свободно говорю и пишу

57. Выберите общественные сферы и ситуации, в которых Вы используете **русский язык**. *

Отметьте все подходящие варианты.

- В общении с друзьями
- На учебе
- На работе
- При обращении в органы государственной власти
- В магазине
- В банке
- В больнице
- В транспорте
- Другое: _____

58. В каких случаях вы используете русский язык в семье: *

Отметьте все подходящие варианты.

- При разговоре с бабушкой, с дедушкой
- С обоими родителями
- Только с мамой
- Только с папой
- С братьями, с сестрами
- С дядей, с тетей
- С двоюродными братьями, с двоюродными сестрами
- Не использую

59. Если Вы используете русский язык в общении с друзьями, то в каких ситуациях: *
-

60. Укажите темы, при обсуждении которых Вы используете русский язык при общении с друзьями:
-

61. **Укажите темы, при обсуждении которых Вы используете русский язык ***
в школе, в вузе:

Отметьте все подходящие варианты.

- С учителем, с преподавателем
- С другими учениками
- На уроке, на занятиях

62. **Если Вы используете русский язык в общении на работе, то в каких *
ситуациях:**

Отметьте все подходящие варианты.

- При общении с коллегами в рабочей обстановке
- При общении с коллегами в нерабочей обстановке
- При общении с начальством
- На оперативках, на собраниях
- В документах
- При электронной переписке

63. **Если Вы используете русский язык в больнице, то в каких ситуациях: ***

Отметьте все подходящие варианты.

- В регистратуре
- При общении в врачам
- При общении с медсестрой
- При общении с посетителями больницы

64. **Если Вы используете русский язык при обращении в органы *
государственной власти, то в каких ситуациях:**

Отметьте все подходящие варианты.

- При личном обращении в госучреждение
- При подаче заявления онлайн
- При общении по телефону

65. **На Ваш взгляд, насколько красив русский язык? ***

Отметьте только один овал.

совершенно не красивый

1

2

3

4

5

очень красивый

66. **На Ваш взгляд, насколько сложен в изучении русский язык? ***

Отметьте только один овал.

очень легко

1

2

3

4

5

очень сложно

67. **На Ваш взгляд, насколько престижен русский язык? ***

Отметьте только один овал.

совершенно не престижен

1

2

3

4

5

очень престижен

68. **Какими словами Вы бы описали русский язык? ***